

РЕЛИКВИИ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

▲ Памятный знак из найденных поисковиками отрядов «Суворов» (г. Коломна) и «Уголек» (Санкт-Петербург) военных реликвий. В центре — стальной нагрудник, покрытый каской Братская могила мемориального комплекса «Синявинские высоты», 9 мая 2006 г.

▲ Члены клуба «106-й инженерно-саперный батальон» в нагрудниках. Слева направо: В.С. Соболев, Д.М. Колышев, И.О. Муравьев, М.В. Широков. Военно-историческая реконструкция боя, г. Медвежьегорск

**Читайте
в номере**

Публикация в пятом номере «Военно-исторического журнала» за 2006 год заметки о стальных нагрудниках, используемых в атаках нашими инженерно-саперными частями в годы Великой Отечественной войны, вызвала массу читательских писем, три из которых мы помещаем сегодня на стр. 22. Интересные снимки были присланы нам из Коломны О.В. Стружановой и Г.К. Викторович. В январе 2006 года они вместе с военно-историческим клубом «106-й отдельный инженерно-саперный батальон» участвовали в военно-патриотическом фестивале, организованном Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург). Два снимка присланы из г. Лодейное поле участником Великой Отечественной войны Ю.И. Мешалкиным.

▲ Нагрудники стальные 5-секционные. Находятся на реставрации

▼ Парк «Свирская Победа» г. Лодейное поле Ленинградской обл. Фото Ю.И. МЕШАЛКИНА, июнь 2006 г.

Члены клуба «106-й инженерно-саперный батальон». Двое в стальных нагрудниках

Фото предоставлены О.В. СТРУЖАНОВОЙ и Г.К. ВИКТОРОВИЧ

Историко-краеведческий музей г. Лодейное поле Ленинградской обл., пр-т им. Ленина, 122. Фото Ю.И. МЕШАЛКИНА, июнь 2006 г.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы». Книжки. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книжки» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу во втором полугодии 2007 года — 39 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-54-10

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и интернет — приложения «Военно — исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Июнь
№ 6
2007 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

«Сталин... сказал уверенно, что победа будет за нами»

Артиллерия Донского фронта на завершающем этапе Сталинградской битвы

Министр внутренних дел Латвии К. Вейтман: «Советские гарнизоны на побережье Балтийского моря являются таким фактором, который обеспечивает мир в этой части Европы»

Суэцкий кризис 1956 года: истоки, сущность, уроки

«Константин Павлович... сочетал редкую чуткость и рыцарский образ мыслей и поступков»

Революционные матросы и анархистское движение Н.И. Махно. 1917—1919 гг.

ISSN-0321-0626

Залп гвардейских минометов
Художник А.А. БЛИНКОВ
Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

**22 июня — День памяти и скорби.
День начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
против немецко-фашистских захватчиков**

Военно-исторический журнал 2007 № 6 июнь

Путь к Победе

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. был создан в марте 1986 года. Его главное назначение — объективное и наиболее полное отражение истории Великой Отечественной войны.

Экспозицию музея открывает зал Полководцев, в котором размещена галерея кавалеров ордена Победы. В центре парадной лестницы, ведущей к центральному залу — залу Славы, где на мраморных пилонах увековечены имена более 11 800 Героев Советского Союза и Героев Российской Федерации, расположено художественно-декоративное панно из цветного металла «Солдатская дорога Славы» (художник З. Церетели). На верхней площадке парадной лестницы, перед залом Славы, размещена художественно-декоративная композиция «Щит и меч Победы».

В экспозиционных витринах военно-исторической экспозиции «Путь к Победе», посвященной истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и участию Советского Союза во Второй мировой войне, — более 4000 экспонатов. В залах размещено шесть полиэкранов, на которых непрерывно идет показ кинохроники Второй мировой войны. Ее дополняют документы, оружие и фотографии, представленные в экспозиции.

Отдельная экспозиция посвящена первому периоду войны (22 июня 1941 — 18 ноября 1942 г.). Несколькими экранами освещают второй период войны (19 ноября 1942 — 31 декабря 1943 г.), когда произошли важнейшие события, определившие коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны: Сталинградская и Курская битвы, Битва за Днепр, Битва за Кавказ. Несколько стендов экспозиции посвящены третьему периоду войны (январь 1944 — май 1945 г.) — периоду крупных наступательных операций и решающих побед.

Без внимания не остались военные медики и работники тыла, деятели науки, культуры и искусства. Значительный вклад в дело разгрома гитлеровской Германии внесла Русская православная церковь, о чем тоже рассказывается в экспозиции музея. Отдельная экспозиция посвящена партизанскому движению в тылу врага и политике геноцида нацистской Германии против народов СССР. Так же одна из витрин посвящена борьбе с немецко-фашистским режимом людей, оказавшихся в Западной Европе.

Специальная экспозиция рассказывает о капитуляции Германии. Освещен и послевоенный период: Потсдамская конференция, Нюрнбергский и Токийский процессы.

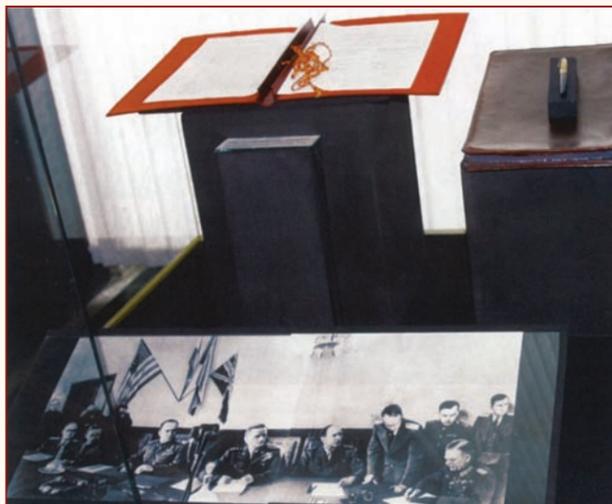
В центре зала Памяти — скульптурная группа «Скорбь», выполненная из белого мрамора (автор Л. Кербель, резчики по мрамору П.А. Носов, А.П. Носов, И.Т. Круглов). Зал предназначен для увековечения памяти 26 млн 600 тыс. наших соотечественников, погибших и пропавших без вести. Соответствующее залу настроение создается благодаря специальному освещению и музыкальному сопровождению. Действует автоматизированная система поиска сведений о павших в годы Великой Отечественной войны — Книга Памяти.

Музейная экспозиция продолжается в парке Победы, где расположена выставка военной техники и инженерно-фортификационных сооружений, редкие экземпляры трофейной техники.

Масштабность охвата исторического периода, многоплановость и техническая оснащенность экспозиции, разнообразие коллекций, богатая научная библиотека позволяют музею занять особое место среди подобных ему военно-исторических музейных центров России.

Публикацию подготовила
А.Н. ЧАБАНОВА

Иллюстрации из путеводителя: Центральный музей Великой Отечественной войны. М.: Граница, 2004.

▲ Акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии

22 июня — День памяти и скорби.
День начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. против немецко-фашистских захватчиков

▲ Награды и знаки участника движения Сопротивления во Франции
О.Н. Озерова

▲ Истребитель Як-3
Фрагмент дерева с вонзившимся лонжероном установки БМ-13 («Катюши»)

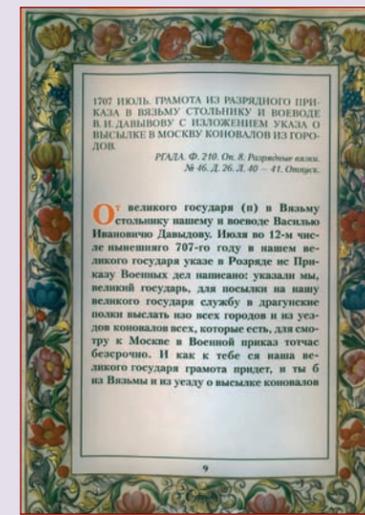
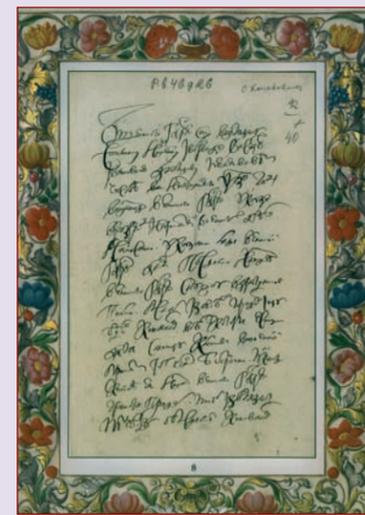

▲ Средний танк Т-34-76

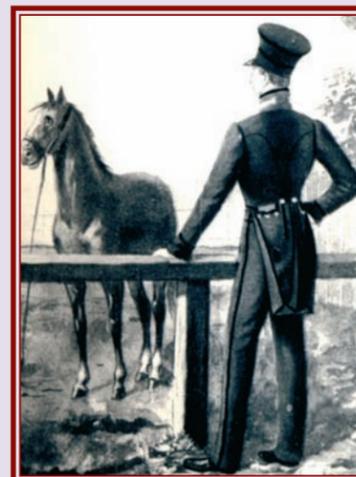
▲ Ваза «Победа»
Ленинград, 1946 г.

▲ Личные вещи генерала Л.М. Доватора

К 300-летию Ветеринарно-санитарной службы ВС РФ

«В ДРАГУНСКИЕ ПОЛКИ ВЫСЛАТЬ КОНОВАЛОВ...»

▲▲ Ветеринары русской армии

▲ Ветеринары ЗакВО на горном полигоне
1985 г.

ЗАРОЖДЕНИЕ отечественной военной ветеринарии неразрывно связано с созданием русской регулярной армии. Существенное увеличение численности конницы привело в свою очередь к необходимости сбережения войсковых лошадей, организации предупреждения и лечения заболеваний животных. В течение трехвековой истории наша ветеринария подтвердила свою надежность при выполнении самых сложных задач и стала необходимой составляющей отечественных вооруженных сил.

В настоящее время, руководствуясь положениями Федерального закона «О ветеринарии», Ветеринарно-санитарной службе придан статус государственной. В тесном взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти она решает ответственные задачи по предупреждению и лечению различных болезней животных, обеспечению безопасности продуктов питания в ветеринарно-санитарном отношении, защите населения от болезней, охране территории Российской Федерации от проникновения инфекционных заболеваний из иностранных государств.

Хочется надеяться, что знаменательный 300-летний юбилей, который отмечают 12 июля 2007 года работники военной Ветеринарно-санитарной службы, станет для них стимулом к дальнейшему совершенствованию своей деятельности при выполнении профессиональных задач.

▲ Военно-ветеринарный отдел главного военно-медицинского управления
Май, 1905 г.

Читайте в номере

▲ Грамота 1707 года в Вязьму стольнику и воеводе В.И. Давыдову с изложением Указа о высылке в Москву коновалов из городов

▲ Эмблема Ветеринарно-санитарной службы ВС РФ

▲ Начальник Ветеринарно-санитарной службы ВС РФ полковник медицинской службы Ю.Г. Боев

▲ Начальники ветеринарно-санитарных служб видов и родов войск ВС РФ
1 марта 2007 г.

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Июнь
№6 (566)
2007 год

- ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА**
С.Л. ПЕЧУРОВ — Суэцкий кризис 1956 года: истоки, сущности, уроки
- 3** **LOKAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF XX CENTURY**
S.L. PECHUROV – The Suez crisis of 1956: sources, main points, lessons
- БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ**
С.Н. КОВАЛЕВ — «Советские гарнизоны на побережье Балтийского моря являются таким фактором, который обеспечивает мир в этой части Европы»
- 9** **SECURITY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW**
S.N. KOVALEV – "Soviet garrisons on the Baltic sea-coast is the factor, which ensure peace in this part of Europe"
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.**
О.Е. АЩЕУЛОВ — «Целые батальоны опускались на колени и молились Богу, прося о спасении»
- 14** **THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945**
O.E. ASHCHEULOV – "Whole battalions kneeled and prayed to the God asking for salvation"
- В.С. ХОХЛОВ** — Тайна узла связи «Виктория»
- 18** **V.S. KHOKHLOV** – A secret of the signal office centre of "Victoria"
- ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
А.В. ЗАВРАЖИН — Влияние петровских преобразований на развитие России и укрепление ее вооруженных сил
- 23** **MILITARY REFORM: YESTERDAY AND TODAY**
A.V. ZAVRAZHIN – Impact of Peter's reforms on development of its Armed Forces
- ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**
С.С. КОНОВАЛОВ — Военные реформы 1860–1870-х годов на Урале
- 28** **HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY**
S.S. KONOVALOV – Military reforms of 1860–1870 in the Ural region
- М.Г. ХАФИЗОВА** — Убыки в Кавказской войне 1817–1864 гг.
- 31** **M.G. KHAFIZOVA** – Tribes of Ubykhs at the Caucasian war of 1817–1864
- ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ**
Л.Д. САБУРОВ — Обеспечение Советских Вооруженных Сил техническими средствами обучения и воспитания. 1946–1991 гг.
- 34** **MILITARY TRAINING AND EDUCATION**
L.D. SABUROV – Supply of technical means of training and education to the Soviet Armed Forces. 1946–1991
- ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА**
М.А. ЕЛИЗАРОВ — Революционные матросы и анархистское движение Н.И. Махно. 1917–1919 гг.
- 36** **THE CIVIL WAR**
M.A. ELIZAROV – Revolutionary seamen and the anarchist movement of N.I. Makhno. 1917–1919
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ**
М.Г. КУДРЯВЦЕВА — Император призвал его к участию в реформировании Военно-морского флота (А.С. Меншиков)
- 42** **THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
M.G. KUDRYAVTSEVA – The emperor summoned him to participate in reforming of the Navy (A.S. Menshikov)
- Е.И. ЮРКЕВИЧ** — «Константин Павлович... сочетал редкую чуткость и рыцарский образ мыслей и поступков»
- 44** **E.I. YURKEVICH** – "Konstantin Pavlovich... combined rare tactfulness and mode of thoughts and deeds of a knight"
- ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ**
А.А. УПОРНИКОВ — «Война без порыва, как дело без старания, обречена на неудачу»
(Публикация Е.Ф. КОЛПИКОВОЙ)
- 47** **FAMILY ARCHIVE**
A.A. UPORNIKOV – "A war without a break-through, like business without diligence, is doomed to failure"
(Publication of E.F. KOLPIKOVA)
- ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ**
Г.М. ПИТАЛЕВ — Будни строителей Плесецка
- 50** **MEMOIRS AND ASSAYS**
G.M. PITALEV – Working days of builders of Plisetsk
- ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА**
Ю.Г. БОЕВ, В.П. ВЕТРОВ — От Конюшенного приказа – к государственной Ветеринарно-санитарной службе
- 57** **MILITARY ANNALS OF THE FATHERLAND**
Yu.G. BOEV, V.P. VETROV – From the stable department to the state Veterinary-sanitary service
- ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ**
А.В. ЛАВРЕНТЬЕВ, М.Л. БОГДАНОВИЧ, К.Ю. ЛЫСЕНКО — Сколько футов под килем?
- 61** **FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT**
A.V. LAVRENTIEV, M.L. BOGDANOVICH, K.Yu. LYSENKO – How many feet under the keel?
- АРМИЯ И КУЛЬТУРА**
В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — Воспевая бессмертный подвиг русских моряков (И.К. Айвазовский)
- 66** **ARMY AND CULTURE**
V.V. GRADOSELSKY – Glorifying immortal feat of Russian seamen (I.K. Aivazovsky)
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ**
Л.В. ПЕЧАЛОВА — «Красная армия должна взять помощь инвалидным домам в свои руки...»
- 68** **SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION**
L.V. PECHALOVA – "The Red Army must take into its own hands assistance to invalids..."
- НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**
С.М. СТЕПАНЯНЦ — Казаки в Армении. Конец XIX — начало XX века
- 70** **ON THE RUSSIAN EMPIRE FRONTIERS**
S.M. STEPANYANTS – Cossacks in Armenia. End of XIX – beginning of XX century
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** ★
- ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ**
Е.М. ЛУПАНОВА — Захваты судов в XVIII–XIX вв.
- 73** **EPOCH, REFLECTED IN DOCUMENTS**
E.M. LUPANOVA – Captures of vessels in XVIII – XIX centuries
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ**
В.Ф. ШМЕЛЕВ — «Сталин... сказал уверенно, что победа будет за нами»
- 77** **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
V.F. SHMELEV – "Stalin said with confidence... that the victory would be ours"
- КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА – 13, 65, 72; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» – 22, 30, 41, 67; ХРОНОГРАФ – 52; НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ – 56; СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА – 80
- THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN – 13, 65, 72; THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" – 22, 30, 41, 67; CHRONOGRAPH – 52; SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION – 56; INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE – 80**

VOENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

6 (566)

The Journal of Military History
2007 June

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Территориальные органы военного управления на Дальнем Востоке. Вторая половина XIX — начало XX века

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА

Информационное обеспечение ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968-го

ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

«Император Николай Павлович был солдат в полном значении этого слова»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Из истории трудовых армий

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

«Попав в плен, я был морально подавлен». Из уголовного дела генерала В.В. Кирпичникова

ВОЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Сокольство создает честных и стойких граждан, всегда готовых жертвовать собою на благо Отечества

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Русская императорская армия на Кавказе в XVIII веке

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по истории

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военной научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

В.Г. КИКНАДЗЕ — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬЦУКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал флота, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор запаса, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москва, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красноярск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооруженных сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Румынии (Бухарест)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Р.А. АЛИЕВ;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;
В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, лейтенант;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
О.Р. СПИХИНА;
А.Н. ЧАБАНОВА

секретариат:
М.В. ЗАБРОДИНА (заместитель ответственного секретаря редакции);
К.Н. АГАФОНОВА;
Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА;
А.С. ФИЛИППОВА

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
Е.С. ДАНИЛИНА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

СУЭЦКИЙ КРИЗИС 1956 ГОДА: ИСТОКИ, СУЩНОСТЬ, УРОКИ

В истории международных отношений 1956-й год оказался чрезвычайно тревожным, что было вызвано почти одновременным резким обострением обстановки в Европе (в связи с «венгерскими событиями») и на Ближнем Востоке — вокруг проблемы Суэцкого канала. Суэцкий кризис, или англо-франко-израильская агрессия против Египта, как позже окрестили этот конфликт, начавшийся летом 1956 года и уже к концу октября — началу ноября принявший форму вооруженного столкновения с прямым вовлечением в него внеблизневосточных государств, имел ряд особенностей, отличавших его от предыдущих и последующих военных столкновений в регионе.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ поводом для кризиса явился, как тогда казалось многим политическим наблюдателям, чересчур смелый шаг египетского руководства во главе с президентом Г.А. Насером, объявившим 26 июля 1956 года о национализации «Всеобщей компании морского Суэцкого канала», принадлежавшей англо-французскому капиталу. Этому акту в свою очередь предшествовало решение Вашингтона, Лондона, а также Международного банка реконструкции и развития отказать Египту в предоставлении кредитов на сооружение грандиозного Асуанского гидротехнического комплекса. В отместку президент Насер «вполне логично» решил изыскать средства на финансирование проекта за счет доходов от эксплуатации проходящего по египетской территории Суэцкого канала.

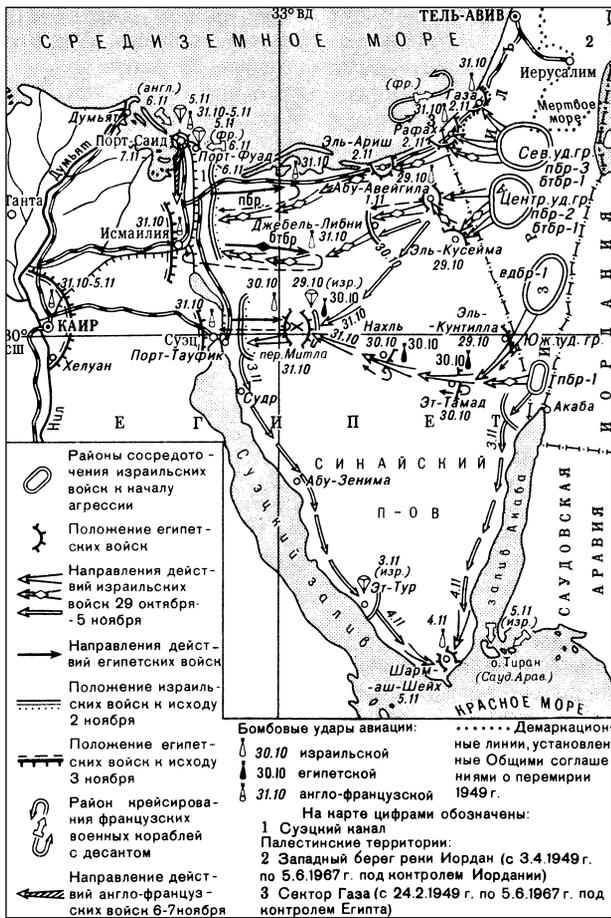
Истинные же причины кризиса скрывались в недовольстве Запада «антиимпериалистической революцией» в Египте 1952—1953 гг., годов, в «непозволительном» выходе египетского руководства из-под западной опеки и его переходе на арабо-националистические позиции с ориентацией на Советский Союз и возглавляемый им блок государств.

Усилия ведущих стран Запада после национализации канала сосредоточились на угрозах Насера дезавуировать данное решение. В ход был пущен весь арсенал политико-дипломатическо-пропагандистских и практических средств: от различного рода конференций с участием стран-пользователей канала, многочисленных заседаний в штаб-квартире ООН по данному вопросу, воздействия на общественное мнение через СМИ и отзыва лощманов до прямых угроз во-

енного вмешательства. Выдвигая различные варианты решения проблемы, Запад стремился любой ценой сохранить ускользавшую из его рук финансовую кормушку, но Каир держался, конечно же, не без поддержки всего арабского мира, Движения неприсоединения, но, главное, такого военно-политического гиганта, как Советский Союз.

Следует признать, что не последнюю роль в «стойкости» египетского руководства сыграли и США, формально занявшие нейтральную позицию в конфликте и периодически даже выступавшие с резкой критикой франко-британцев за их «чрезмерный милитаризм». Вашингтон действительно был не очень доволен политикой Лондона и Парижа в связи с Суэцким кризисом, ибо, во-первых, считал недопустимым «распыление» усилий своих западных союзников и отвлечение их внимания от назревавшего не без их же помощи более важного для Запада кризиса в советском блоке (из-за событий в Венгрии). Во-вторых, он полагал возникшую острую проблему на Ближнем Востоке явно не ко времени, так как она совпадала с пиком предвыборной кампании по избранию 6 ноября 1956 года президента США. В-третьих, в Вашингтоне небезосновательно расценивали планировавшуюся военную интервенцию своих западноевропейских союзников как по планам создания мощного прозападного (и антисоветского, естественно) блока арабских государств на базе Багдадского пакта. При этом в США отдавали себе отчет в том, что в Лондоне и Париже, принципиально вставших на путь силового давления на Египет, не потерпят жесткости американцев в отношении скоординированной политики «великих европейских держав», что было весьма чревато кризисом в военно-политическом союзе НАТО.

К этому времени и региональный союзник США Израиль уже бесповоротно, «за компанию» с Англией и Францией, решил воспользоваться ситуацией для удара по Египту. Все это заставляло Вашингтон в лице многоопытного госсекретаря Д.-Ф. Даллеса лавировать, что вызывало поначалу некоторое удивление европейских союзников, а затем и резкую критику со стороны британского и французского премьеров Э. Идена и Г. Молле соответственно. Забегая немного вперед, подчеркнем, что такое поведение Вашингтона в критический для его европейских союзников момент не было ими забыто, особенно в Париже, который с тех пор независимо от того, представители каких политических направлений стояли у кормила власти, настойчиво относился к политике США.

Англо-франко-израильская агрессия против Египта 29 октября — 7 ноября 1956 г.

В ЗАПАДНОЙ военно-исторической литературе, посвященной Суэцкому кризису, в те годы и особенно в настоящее время постоянно подчеркивается факт «неимоверного терпения», которым отличались Лондон и Париж, в течение более чем трех месяцев «угваривавшие» египтян пойти на компромисс¹. Действительное же положение дел, в том числе исходя из документов и мемуаров западных политиков, говорит скорее о развернувшейся еще до решения египетского президента планомерной подготовке к формированию англо-франко-израильской военной коалиции и, самое главное, тщательной разработке сценария развязывания военных действий против «вышедшего из-под контроля» Египта². Для этого были весомые основания, причем у всех трех участников коалиции.

Например, Лондон не мог простить Насеру вывода британских войск с баз из Египта в 1954—1956 гг. в зоне Суэцкого канала, происшедшего под аккомпанемент антибританской кампании в арабских СМИ; вынужденное смещение в марте 1956 года влиятельного на Ближнем Востоке командующего Арабским легионом в Иордании английского генерала Глабба и выдворение, не без содействия египтян, британских офицеров из этой же страны, и многое другое³. Фран-

ция была крайне раздражена не только моральной, но и существенной материальной помощью насеровского Египта национально-освободительному движению в Алжире и субсидированием антифранцузской кампании в других субъектах арабского Магриба. Перечень израильских претензий к Египту как лидеру арабского мира был еще более широк и существенен. К данному историческому отрезку времени Тель-Авив в условиях непрекращающихся вылазок «палестинских террористов» и фактической блокады единственного выхода израильского государства в Красное море через Акабский залив был готов к применению против Египта военного насилия. Планы «наказания» Египта, как видим, накапливались, с национализацией же канала наступил новый этап в подготовке к войне.

Примечательно, что на первых порах к обсуждению англичанами и французами конкретных планов военных действий против Египта приглашались и американцы в лице, например, представителей посольства США в Лондоне. Эти факты опровергают официальные заявления американской стороны о том, что Вашингтон якобы не был в курсе конкретных планов вторжения. Более того, позже эти заявления опроверг, например, руководитель американской разведки Ален Даллес — брат тогдашнего госсекретаря США⁴. Анализируя американскую позицию, следует все же признать, что по мере конкретизации планов военных действий британцы и французы, а затем и израильтяне старались избегать контактов со своим заокеанским партнером по данному вопросу, хотя это отнюдь не означает того, что Вашингтон не знал о реальных военных приготовлениях.

ПАРИЖ и Лондон разработали несколько вариантов агрессии против Египта. Сначала был подготовлен план операции «Рейлкар», предусматривавший участие 80 тыс. британских и французских военнослужащих в широкомасштабных действиях по захвату Александрии и наступлении на Каир. Рассматривался также вспомогательный десант со стороны Красного моря на южные берега канала. Однако данный план был отвергнут, и взамен разработан новый вариант действий союзников по захвату зоны Суэцкого канала, обеспечению превосходства в воздухе над всем Египтом с достижением окончательного результата в виде свержения военного-политического руководства во главе с президентом Насером⁵. После ряда изменений и уточнений окончательный план войны получил название «Мушкетер», предусматривавший две фазы действий: нейтрализацию стратегически важных объектов и целей путем массированных воздушных ударов по всей территории Египта, а затем непосредственное вторжение в зону канала.

1 сентября 1956 года Париж официально предложил своим британским партнерам вовлечь в войну на своей стороне Израиль. Первоначально британцы не согласились с

Народные торжества в Порт-Саиде по случаю завершения эвакуации английских вооруженных сил из зоны Суэцкого канала

Египетские суда, затопленные на входе в Суэцкий канал

1956 г.

этой идеей⁶. Дело в том, что отношения между Лондоном и Тель-Авивом были тогда натянутыми: Лондон в духе резолюции ООН от 29 ноября 1947 года призывал Израиль очистить арабские земли, захваченные им в результате Арабо-израильской войны 1948—1949 гг. Однако британцы вынуждены были «забыть» об этом, изменив свою позицию в угоду, как они посчитали, обреченному теперь на успех совместному (западноевропейско-израильскому) плану вторжения. Его сутью являлась первоначальная агрессия Израиля против Египта и быстрая оккупация Синая, а затем уже действия англо-французских войск под предлогом «разъединения враждующих сторон» с последующим закреплением своего присутствия в зоне канала.

Поначалу израильский премьер Д. Бен-Гурион выразил свое недовольство относительно роли Израиля в качестве зачинщика вооруженного конфликта. Затем в качестве компенсации он выдвинул ряд условий, затрагивающих вопросы закрепления территориальных приобретений Израиля в Иордании и Ливане, и передачи ему юрисдикции над Акабским заливом с последующим признанием этих решений Египтом. Однако британцы в жесткой форме умили аппетиты Тель-Авива, в результате чего израильтянам оставалось надеяться на свое умение поторговаться, но уже после окончания, как они надеялись, победоносной войны. В итоге был подписан секретный так называемый Севрский договор, по которому израильская часть совместной операции получила название «Кадеш». И все же израильтяне решили подстраховаться. Перед ударами по группировке египетских войск на Синае военное командование Израиля решило высадить десант в 45 км от канала, на перевале Митла, тем самым отрезав южную пересеченную часть Синайского полуострова от северной с последующим проведением туда подкреплений по суше. В

случае возможного отказа союзников удовлетворить территориальные запросы Израйля Тель-Авив полагал уместным представить действия своих вооруженных сил как всего лишь «антипартизанский рейд».

НАКАНУНЕ войны, с целью отвлечения внимания, Израиль провел военный рейд на Западном берегу реки Иордан. Уловка сработала, и все внимание арабского мира сместилось к Иордании, на территорию которой Ирак даже ввел свою дивизию. В это же время под видом учений Великобритания и Франция начали переброску своих воинских контингентов на Кипр и Мальту. США, желая отслеживать и контролировать ситуацию, уже с конца лета начали подтягивать корабли 6-го флота в Восточное Средиземноморье.

В совместной военной операции должны были принять участие 25 тыс. британцев и столько же французов. С учетом морских и вспомогательных сил численность британо-французского экспедиционного корпуса превысила 100 тыс. человек. Всего же для интервенции были сосредоточены около 230 тыс. солдат и офицеров трех стран, 650 самолетов и свыше 130 боевых кораблей⁷.

Египетские вооруженные силы накануне вторжения насчитывали 90 тыс. человек, 430 по большей части устаревших танков и 300 САУ. ВВС располагали примерно двумя сотнями самолетов, из них боеготовых — 42. Из тридцатитысячной группировки египетских войск на Синайском полуострове только 10 тыс. входило в состав регулярных частей, остальные — в ополченческие добровольческие формирования.

В целом по численности войска Израйля, предназначенные для действий на Синайском полуострове, превосходили египтян в полтора, а на отдельных направлениях — более чем в три раза; британско-французские войска, высаживавшиеся в районе Порт-Саида, имели более чем пятикратное превосходство над египтянами⁸. Следует

признать, что данные цифры говорят о явных провалах египетского военно-политического руководства (и его разведки, в частности), заранее не нарастившего группировку своих войск на Синае и в зоне канала.

Начавшееся в соответствии с утвержденным сценарием 29 октября 1956 года израильское наступление против египетских войск на Синайском полуострове разветвлялось одновременно по трем направлениям: вдоль средиземноморского побережья со вспомогательным маневром по окружению и уничтожению египетских войск в районе Газы; через перевал Митла на Суэц и на Исмаилию; и в ограниченных масштабах — вдоль побережий Суэцкого и Акабского заливов.

Боевые действия в первый день агрессии велись главным образом на южном, суэцком направлении. 29 октября в районе перевала Митла был высажен израильский воздушный десант (из состава 202-й воздушно-десантной бригады), после чего французские самолеты начали доставлять ему боевую технику, боеприпасы, горючее, продовольствие и воду. Переброшенные в Израиль за день до начала вторжения 60 французских реактивных истребителей с израильскими опознавательными знаками, но с французскими экипажами, поддерживали действия израильских сухопутных войск. Всего в ходе войны ими было совершено более 100 боевых вылетов⁹. Одновременно к египетским берегам направились корабли британского и французского флотов.

Однако для израильтян все складывалось не совсем так, как они планировали. После высадки десанта близ перевала Митла израильтяне столкнулись с активными действиями египетских ВВС по поддержке наземных войск (египетские летчики прошли обучение у советских специалистов). Неожиданно много хлопот израильтянам доставил сложный рельеф местности, постоянный выход из строя также не совсем новой военной и вспомогательной техники.

К концу дня 30 октября, совершив почти 300-километровый марш, к десанту на перевал вышла оставшаяся часть 202-й воздушно-десантной бригады. Продвинуться дальше — к каналу — она не смогла, встретив организованное сопротивление всего лишь пяти рот египтян, занявших позиции вдоль единственного прохода, ведущего к каналу.

Центральная израильская группировка в составе 38-й дивизионной группы в ночь на 30 октября практически без потерь пересекла границу и устремилась к каналу, в направлении Исмаилии. Однако и тут не получилось триумфального марша. Несмотря на то что ко 2 ноября израильтянам удалось отеснить египтян к каналу и установить прочную связь с 202-й воздушно-десантной бригадой, их потери оказались незапланированно высокими — более 100 человек убитыми и ранеными, включая командира одной из бригад.

Занять северный Синай и отрезать сектор Газа должна была Северная группа войск

Израиля в составе двух бригад. В ходе тяжелых двухдневных боев противостоящую египетскую усиленную пехотную бригаду удалось расчленить, в чем существенную помощь оказал мощный огонь французского крейсера «Жорж Леги». И здесь у израильтян не обошлось без существенных потерь: более 200 убитых и раненых, хотя в целом задача была выполнена. К этому следует добавить еще около сотни убитых и раненых во время захвата к 3 ноября сектора Газа, обороняемого палестинцами и египтянами.

На южном направлении с целью занятия Шарм-аш-Шейха (вблизи Красного моря) 2 ноября начала выдвигаться пехотная бригада ВС Израиля. На следующий день подразделения этого соединения столкнулись с ожесточенным сопротивлением арабов, но после получения подкрепления, в том числе со стороны 202-й бригады, подошедшей к городу с запада, задача была выполнена при минимальных, на этот раз, потерях (10 человек убитых и 32 раненых). Причем, израильская авиация, оказывая поддержку своим наземным войскам, впервые применила напалм против защитников Шарм-аш-Шейха. 5 ноября израильские десанты заняли принадлежавшие Саудовской Аравии острова Тиран и Санафир в Тиранском проливе, полностью взяв его под контроль.

ВТОРГАЯСЬ в Египет, израильтяне и их европейские партнеры правильно выбрали для прицельного поражения «чувствительную точку» египетской военной машины — систему управления войсками. Нанеся удары с воздуха и моря по командным пунктам и узлам связи, союзники «учинили настоящий хаос в египетских звеньях управления на всех уровнях»¹⁰. Этим, в основном арабы, позже объясняли относительно невысокую стойкость своих военнослужащих непосредственно на поле боя. В воздухе помимо более-менее успешного выполнения задач по поддержке наземных войск египетские ВВС проявили себя по-

Американский военный корабль в Суэцком канале

средственно, безвозвратно потеряв уже за первые 48 часов войны 4 МиГ-15 и 4 «Вампира». На поставленных Египту советских бомбардировщиках Ил-28 египетские летчики также ни разу не смогли точно выполнить поставленные им задачи. Эскадренный миноносец «Ибрагим аль-Авваль» египетских ВМС 30 октября обстрелял порт Хайфа, не нанеся серьезного ущерба израильцам, но на следующий день эсминец был атакован с воздуха и без сопротивления сдался противнику¹¹. Этим, по сути, военно-морское участие египтян в войне и ограничилось.

Между тем уже через сутки после вторжения израильских войск на Синай Великобритания и Франция в соответствии со сценарием предъявили ультиматум «враждующим сторонам»: отвести войска на 10 миль от канала и позволить франко-британским войскам временно занять зону Суэцкого канала в качестве «разъединяющей силы». Курьезность ситуации была в том, что израильцы были еще в 30 милях от канала, но, похоже, никто и не рассчитывал, что ультиматум примут.

Не получив согласия на свои требования, вечером 31 октября британцы и французы начали массированные налеты на египетские аэродромы, другие военные и гражданские объекты. Воздушная операция продолжалась до 5 ноября. Было сделано 2000 самолетовылетов. Однако союзники по коалиции столкнулись с непредвиденными обстоятельствами. Так, уже готовым к вылету самолетам пришлось дать «отбой» из-за того, что разведка целей была проведена некачественно. Кроме того, пришлось переориентировать бомбардировщики, предназначавшиеся для атаки главной и самой крупной авиабазы египетских ВВС — «Каир-Западный», так как на него приземлялись самолеты ВВС США для вывоза американских граждан¹².

В ходе конфликта американцы не раз преподносили сюрпризы своим европейским союзникам не только на политической арене, но и на театре военных действий. Так, например, подводная лодка ВМС США нарушила своим появлением боевой порядок французских оперативных сил, в результате чего союзникам пришлось прекратить маневрирование, заставить ее всплыть, чтобы случайно не протаранить. Чуть позже авианосная ударная группа ВМС США во главе с авианосцем «Корал Си» не согласовала действия с аналогичной британской, в результате чего чуть было не произошли столкновения не только кораблей, но и самолетов¹³. Еще более неприятный случай произошел уже внутри самой коалиции, когда 3 ноября израильский самолет атаковал британский крейсер вблизи Шарм-аш-Шейха, что поставило на грань разрыва британо-израильские военные связи и вызвало выдвижение британцами требования об исключении израильских офицеров из объединенного союзнического штаба.

Тем временем, воздушные налеты союзников на египетские объекты продолжались, хо-

тя и при довольно низкой точности бомбометания. Условия же для действий франко-британской авиации были весьма благоприятны. Особенно сказалось то, что президент Насер, считая своих летчиков намного хуже подготовленными, чем их западные противники, дал указание избегать воздушных боев с ними и сосредоточиться целиком на противоборстве с израильскими ВВС. Имели место лишь единичные воздушные победы египтян над франко-британцами.

В целом же египтянам были нанесены существенные потери как в живой силе, так и в технике. Однако до осуществления поставленной цели — свержения насеровского режима — было еще далеко. Чтобы довести задуманное до логического конца, Великобритания и Франция предприняли вторжение наземными силами. Оно началось с воздушных десантов, которые осуществлялись франко-британцами с баз на Кипре. 5 ноября при поддержке авиации британская парашютная бригада захватила Порт-Саид, а французские десантные бригады — Порт-Фуад. В ночь на 6 ноября на захваченных плацдармах началась высадка морского десанта, поддержанного прибывшими с Мальты и из Тулона 122 боевыми кораблями¹⁴.

СРАЗРАСТАНИЕМ англо-франко-израильской агрессии египетское руководство дрогнуло и обратилось за срочной помощью к Москве, которая, будучи всецело занята венгерскими событиями, сначала ограничилась предостережениями в адрес Парижа и Лондона. Египетское же сопротивление на поле боя резко пошло на убыль. Франко-британцы готовились к 8 ноября занять центральную часть, а уже к 12 ноября южную часть зоны канала. Но этим планам не суждено было сбыться. США и СССР, опираясь на механизм ООН, совместными усилиями, наконец, остановили войну. 6, 7 и 8 ноября британское, французское и израильское руководство, соответственно, отдало приказы о прекращении огня.

До сих пор военные аналитики и историки спорят о том, чей же вклад в завершение военной кампании был весомее — Москвы или Вашингтона. В основном отечественные, а ранее и арабские исследователи в пользу решающей роли советского вклада приводят готовность СССР направить в зону боевых действий регулярные войска под видом добровольцев, что и «испугало» франко-британцев. Западные же, главным образом американские, аналитики отвергают реальность данной версии, аргументируя это тем, что Вашингтон никогда бы не допустил военных действий СССР против напавших союзников, о чем он якобы и уведомил Москву. По их мнению, помимо «дружеского» политического нажима свою роль сыграло финансово-экономическое давление Вашингтона, а именно угроза заморозить британские финансовые резервы в банках США и тем самым резко ослабить британскую валюту¹⁵. Кроме того, Вашингтон обещал ком-

пенсировать Парижу и Лондону потери в получении ближневосточной нефти. Да и в британском Содружестве в связи с военной интервенцией возник глубокий кризис, причем к разочарованию Лондона резко антибританскую позицию заняли «испытанные» в прошлом союзники — Канада и Австралия.

Как бы то ни было, но военные действия были остановлены. К 22 декабря 1956 года Великобритания и Франция вывели свои войска, а Израиль, прибегая к различным уловкам, был вынужден уйти с Синая в марте 1957 года, разрушив и уничтожив всю военную инфраструктуру на полуострове. С 15 ноября 1956 года в зоне канала стали размещаться силы ООН. Концепция миротворческих действий ООН была разработана канадским министром иностранных дел Л. Пирсоном, за что он в 1957 году даже получил Нобелевскую премию мира (эта концепция во многом стала эталоном для всех последующих подобных акций ООН).

Самые большие потери, естественно, понесла жертва агрессии — Египет: 3000 военнослужащих и почти столько же гражданских лиц были убиты. Потери в военной технике также были огромны. Израильские потери убитыми — около 200 человек, и в четыре раза больше раненых. Великобритания и Франция в общей сложности потеряли 320 человек. Союзники заявили о потере пяти самолетов¹⁶.

Каковы же главные итоги и уроки Суэцкого кризиса?

Бесславное для Великобритании и Франции завершение военной агрессии подвело черту под определенным историческим периодом в существовании этих двух стран как великих колониальных империй. Именно этот кризис, подчеркивают западные исследователи, «сделал США и СССР сверхдержавами»¹⁷. Кроме того, Вашингтон весьма убедительно показал своим союзникам, что без его ведома и, самое главное, согласия впредь любые несанкционированные им акции Запада на международной арене обречены на провал. Правда, позже американский президент Д. Эйзенхауэр назвал своей «крупной ошибкой» «чрезмерно жесткую» политику Вашингтона в кризисе, повлекшую за собой резкое ослабление позиций некогда ведущих европейских держав и одновременно «искусственное возвеличивание Москвы и укрепление ее авторитета среди арабов»¹⁸.

В ОЙНА продемонстрировала неэффективность действий западноевропейских членов НАТО при отсутствии заблаговременного планирования и взаимодействия вне европейского театра военных действий. Одновременно кризис дал импульс утверждению на долгие годы насеровского Египта лидером антизападно настроенного арабского Востока. И даже несмотря на явный проигрыш на поле боя, в политическом и моральном плане Насер оказался победителем: Египет утвердил за

собой право на национализацию Суэцкого канала, повысил свой авторитет в арабском мире.

Меньше всех из членов антиегипетской коалиции потерял Израиль. Скорее даже наоборот, во всяком случае он добился снятия блокады с Акабского залива и продемонстрировал боеспособность своих вооруженных сил, заметно умерив воинственность арабских соседей по крайней мере на десятилетие. Военные действия выдвинули на передний план многих неординарно действовавших на поле боя командиров, которые впоследствии стали не только высокого уровня военными, но и государственными деятелями, сыгравшими в будущем весьма заметную роль на ближневосточной арене: М. Даян, Р. Эйтан, А. Шарон (Израиль), Х. Асад (Сирия) и др.

В военном плане доказали свою эффективность вертолетоносцы, впервые обеспечившие быстрое и масштабное десантирование людей и техники в прибрежных районах. Еще раз была продемонстрирована роль авианосцев для действий в региональном конфликте в удаленных районах Мирового океана. В результате этого в западных странах развернулось строительство новой серии авианесущих кораблей. Оценив роль ядерного оружия как «сдерживающего фактора» и Лондон и Париж пересмотрели свои позиции в сторону активизации национальных программ ядерного перевооружения. И, самое главное, в натовских странах осознали необходимость иметь заранее обученные контингенты войск, постоянно готовые к действиям, в том числе в отдаленных регионах, так называемые силы быстрого реагирования. Актуальность данной концепции для НАТО только подтверждалась в ходе многочисленных последующих кризисов, в которые под тем или иным флагом вовлекались страны-члены блока.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://en.wikipedia.org/wiki/searchInput>.

² Ibid.

³ Протопопов А.С. Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года. М.: Наука, 1969. С. 83.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ http://www.acing.org/artman/publish/article_256.shtml.

⁶ Ibid.

⁷ Государства НАТО и военные конфликты. М.: Наука, 1987. С. 171.

⁸ Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1997. Т. 1. С. 168.

⁹ http://www.acing.org/artman/publish/article_256.shtml.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Воен.-истор. журнал. 1961. №10. С. 42.

¹⁵ <http://en.wikipedia.org/wiki/searchInput>.

¹⁶ <http://www.warconflict.ru/rus/a/w/1956>.

¹⁷ <http://en.wikipedia.org/wiki/searchInput>.

¹⁸ Ibid.

Генерал-майор С.Л. ПЕЧУРОВ

«СОВЕТСКИЕ ГАРНИЗОНЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ЯВЛЯЮТСЯ ТАКИМ ФАКТОРОМ, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИВАЕТ МИР В ЭТОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЫ»

Латвийское
руководство
о международном
положении
в начальный период
Второй мировой
войны. 1939—1940 гг.

РСФСР признала Латвию независимым государством в ходе Советско-польской войны 1920 года — 11 августа 1920 года, когда был заключен Рижский мирный договор, подтверждавший суверенитет этой прибалтийской республики.

В предвоенные годы Эстония, Латвия и Литва оказались в сфере противостоящих интересов Германии и СССР. Германия стремилась превратить эти государства в свой плацдарм с целью дальнейшего «продвижения на Восток», Советский Союз, в свою очередь, принимал меры не допустить размещения на территории этих государств войск и сил других держав.

5 октября 1939 года* Москва и Рига заключили договор о взаимопомощи, согласно которому в Лиепае, Вентспилсе и ряде других районов разместились контингент советских войск. В июне 1940 года Москва обвинила Ригу в ненадлежащем выполнении этого договора и согласно достигнутым межгосударственным договоренностям в Латвию, для усиления имеющейся группировки войск и сил, были дополнительно введены соединения и части РККА.

Сложившаяся в Латвии внутренняя социально-политическая и экономическая ситуация, создававшаяся под воздействием событий того периода в Европе, привела к формированию в июне 1940 года нового латвийского правительства.

21 июля 1940 года была провозглашена Латвийская ССР, вошедшая в состав СССР 5 августа 1940 года.

4 мая 1990 года Верховный совет Латвийской ССР принял декларацию о восстановлении независимости, изменил название страны на Латвийскую Республику, 3 марта 1991 года на референдуме большинство населения высказалось за выход из состава СССР. 6 сентября 1991 года Государственный совет СССР признал независимость Латвии.

* См.: Известия. 1939. 6 октября. Однако в Военной Энциклопедии приводится дата заключения договора 5 ноября 1939 года (Военная Энциклопедия. Т. 4. М.: Воениздат, 1999. С 395).

ВХОЖДЕНИЮ Латвии 5 августа 1940 года в состав СССР предшествовал ряд событий, оказавших ключевое влияние на расклад сил в Восточной Европе.

Начало кардинальным политическим переменам в Европе и в мире было положено в 1933 году, когда в Германии пришла к власти национал-социалистическая партия, и президент генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург назначил главой правительства ее фюрера Адольфа Гитлера. В начале 1935 года последовало англо-французское Лондонское коммюнике: западные державы выражали готовность к отмене военных статей Версальского договора и замене их соглашением с Германией об уровне вооружений. Так было положено начало политике «умиротворения агрессора», политике, которая в дальнейшем привела Францию к позорному поражению, а Великобританию поставила на край гибели. 22 мая 1939 года последовало заключение пакта о дружбе и союзе между Германией и Италией — «Сталинский пакт», а на следующий день, 23 мая, на совещании с руководством вермахта Гитлер объявил о своем окончательном решении напасть на Польшу. 23 августа 1939 года был подписан пакт Молотова-Риббентропа, 1 сентября нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война, 17 сентября 1939 года Красная армия вступила на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, и уже в ноябре они были приняты в состав Советского Союза. С 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года шла «зим-

няя» война между СССР и Финляндией. Практически бескровно в июне 1940 года удалось решить вопрос о возвращении СССР Бессарабии и Северной Буковины. Сюда надо прибавить признание фашистским правительством Германии территорий Эстонии, Латвии и Литвы зоной советских интересов, что дало Москве легальный рычаг влияния в регионе и с чем вынуждены были согласиться Франция и Великобритания.

В этих условиях Латвия весной 1939 года заключила договор с Германией, а 5 ноября пакт о взаимной помощи с СССР, который, как отметил президент Латвии Карл Ульманис¹, стал важным фактором во взаимной безопасности обоих государств. В июне 1940 года правительство Ульманиса прекратило свое существование, а уже в конце июля была образована Латвийская ССР. Объяснять столь стремительные политические перемены в стране только вводом советских войск было бы по меньшей мере упрощением. Трагическая судьба Польши и Чехословакии, не говоря уже об итало-германской интервенции в Испании, начавшейся в 1936 году, и насильственном присоединении Австрии к Германии в марте 1938 года, вызвала у прибалтийских граждан глубокую озабоченность, что и было главным побудительным мотивом для сближения с СССР. С другой стороны, в прибалтийских государствах стали резко обостряться экономические и политические противоречия, расквартирование частей Красной армии и сил Балтийского флота шло в условиях скрытого противодействия определенной части властных структур. В связи с этим сегодня, когда в Прибалтике Советский Союз и Россия, в качестве его преемницы, вдруг объявляются оккупантами, было бы интересно познакомиться с тем, какой политики придерживалось в то сложное время латвийское руководство и какую оценку оно давало международным отношениям, в частности, отношениям со своим восточным соседом. При этом, надо полагать, Ульманис знал, что какое-либо противодействие СССР обречено на

неудачу, ибо, во-первых, Германия признавала Прибалтику в сфере советских интересов, во-вторых, Франция и Англия также полагали, что это лучше, чем захват прибалтийских стран Гитлером, и даже государственный секретарь США К. Хэлл еще до подписания мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 года дал понять, что США не будут «качать» Советский Союз за действия по обеспечению безопасности своих границ.

Подписанием договоров СССР с Прибалтийскими государствами была устранена возможность создания на их территориях марионеток под эгидой Германии².

Вводу и пребыванию советского воинского контингента на территории Прибалтийских государств предшествовало установление правовых регламентаций, которые соответствовали духу соглашений, подписанных между странами Балтии и СССР и международным правовым нормам того времени; обеспечивалось сохранение суверенных прав Эстонии, Латвии и Литвы, в том числе экономической системы и государственного устройства; была создана система совместного контроля по выполнению договорных положений и разрешению спорных вопросов.

Невмешательство СССР во внутренние дела прибалтийских стран в этот период во многом объяснялось нежеланием обострять отношения с Англией и Францией и неясностью перспектив войны с Германией³.

Быстрая победа Германии на Западе Европы не соответствовала ожидаемым прогнозам: советское руководство вынуждено было резко менять политический курс, тем более что правительства Прибалтийских государств начали вести двойную игру и была опасность, что в случае обострения отношений с Германией они могут выступить на ее стороне.

Так что в целом условия принятия советским руководством решений по обеспечению военной безопасности государства, в том числе и решение о вводе советских войск в страны Прибалтики, происходили в

сложной и противоречивой военно-политической обстановке конца 1930-х — начала 1940-х годов.

ПОЗИЦИЮ Запада в отношении советско-прибалтийских договоренностей в определенной степени отражает и письмо от 17 февраля 1940 года посла США в Эстонии и Латвии Дж. К. Уайли заместителю начальника европейского отдела госдепартамента США Л. Гендерсону. Посол отмечал, что «безропотное подписание соглашения с Советским Союзом и эвакуация прибалтийских немцев, по-видимому, привели большую часть остального мира к естественному выводу о том, что последняя глава в биографии этих новорожденных республик Прибалтики закончена. Но это, очевидно, не так. Прибалтийские государства возникли в результате поражения Германии, а также революционного хаоса и истощения России. Своим выживанием в течение двух десятилетий они обязаны равновесию между их двумя великими соседями. ...Советско-германский пакт по-новому поставил вопрос об этом равновесии преимущественно за счет Прибалтийских государств и в пользу СССР. Последующее развитие событий бросило новый свет и на отношения между рейхом и Россией в этом регионе. Поспешная эвакуация прибалтийских немцев обернулась чем-то вроде панического бегства. Одновременно советские военные подразделения заняли их новые базы в Прибалтике. Ясно, что... поддерживаемое... равновесие между рейхом и Россией все же сохраняется... Германские интересы в прибалтийских государствах, как и прежде, имеют агрессивную направленность»⁴.

Здесь надо вспомнить и усилия СССР в самом начале 1930-х годов по созданию так называемого Восточного пакта с участием Польши, СССР, Германии, Чехословакии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Правда, из-за происков Германии заключить его не представилось возможным, однако реальность плана признавали многие, а министр иностранных дел Франции Л. Барту так охарактеризовал роль СССР: «Наши

малые союзники в центре Европы должны быть готовы рассматривать Россию как опору против Германии...»⁵. Разумеется, это было мнением не одного Барту, и под его воздействием правительства Прибалтийских стран выразили готовность участвовать в Восточном пакте, а когда идея не осуществилась, пошли на заключение с СССР индивидуальных договоров с целью обеспечения собственной безопасности и возможности сохранения политики нейтралитета. Угроза же со стороны Германии была реальной. Так, в январе 1935 года путем организованного Германией плебисцита к ней перешла Саарская область, в марте 1936 года вермахт вступил в демилитаризованную Рейнскую зону, в 1938 году Германия потребовала присоединения к Восточной Пруссии так называемого польского коридора и района «Вольного города Данцига». Правительство Польши, до того послушно следовавшее в фарватере политики гитлеровской Германии⁶, на этот раз воспротивилось, что, кстати, и стало формальным поводом для нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, положившего начало Второй мировой войне⁷.

Надо отметить, что в Латвии, как, впрочем, и в Литве и Эстонии, на фоне развивающихся грозных событий не очень-то надеялись на провозглашенную политику нейтралитета⁸. Давая оценку 12 мая 1939 года складывавшейся ситуации в Европе, министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс отмечал на объединенном заседании хозяйственного и культурного советов, что «события в международной политике настоящего времени» требуют от правительства особого внимания, так как Европа раскололась на блоки, что привело к возникновению «противоположностей, контуры которых сравнительно ярко очерчиваются»⁹. Между прочим, в Риге в тот период вызывала опасения и позиция Польши. Так, в конце мая в газете «Лиетувос Айда» было опубликовано сообщение о выпущенной польским философом Винцентом Лютославским книге под названием «Миссия поль-

ского народа», где были такие строки: «Если мы восстанем благодаря верному, острому и толерантному образу действий доверие литовцев, то и латыши последуют за ними и попросят присоединить их к Польше. ... С другой стороны, желательно оттеснить Россию от Балтийского моря. Петербург... должен быть передан балтийским народам, только тогда Гельсингфорс, Пернов, Рига, Либава будут чувствовать себя в безопасности...». Не без язвительности в газете было отмечено, что «вину [за смысл сказанного] несет более ста лет вколачиваемая в поляков точка зрения об их величии»¹⁰.

В то же время, по мере все более портившейся дружбы между Германией и Польшей, уходила на второй план надежда хотя бы «формально выровнять наши отношения между обеими соседними странами»¹¹. Окончательно, по крайней мере в официальном порядке, эта идея умерла после 1 сентября 1939 года.

ПОСЛЕ разгрома Польши произошло продвижение Германии на восток, была создана советско-германская граница в основном по «линии Керзона». Военно-политическое положение в Прибалтике значительно изменилось. В этих условиях и члены латвийского кабинета, и пресса договор с СССР стали рассматривать единственным гарантом независимости страны. Так, газета «Ритс» от 7 ноября 1939 года давала договору следующие оценки: «Для обеспечения мира мы согласились с нашим великим соседом вместе отбивать нападение и защищаться. Сделаем все возможное, чтобы мир в нашей части Европы был сохранен...»¹². Еще более откровенным был министр внутренних дел страны К. Вейтман, отмечавший 20 декабря 1939 года в своем выступлении перед работниками государственных учреждений и самоуправлений, что «происходящая в настоящее время война сильно повлияла и на положение нейтральных стран. ... На нашем договоре с Советским Союзом нет надобности более подробно задерживаться... Надо подчеркнуть только то, что договор обеими сторонами исполняется лояльно и в

дружелюбной атмосфере. Советские войска уже размещены в предусмотренных базах, и это произошло без перебоев и в добром согласии, при взаимных уступках в каждом отдельном случае. Если даже размещение советских войск в нашей стране потребовало... известных жертв и неудобств в отношении занятых помещений и земельных участков, то всякому понятно, что советские гарнизоны на побережье Балтийского моря являются таким фактором, который обеспечивает мир в этой части Европы и отдаляет от нашей страны опасность войны. ...Договор с Советским Союзом даст нам возможность на льготных условиях покупать оружие у нашего союзника, о чем в настоящее время происходят переговоры».

Весьма показательно, что министр затронул и такой чувствительный для Германии вопрос, как репатриация лиц немецкой национальности на историческую родину. «Нельзя обойти молчанием репатриацию немцев... фактор, который будет иметь глубочайшее значение в нашей государственной и народной жизни... Одно ясно всем нам: после 16 декабря в Латвии не существует группы немецкой народности... В нашей стране больше нет немцев, за исключением тех, которые проживают здесь как иностранцы. Немечество в Латвии окончилось на вечные времена. Этого желало правительство Германии, и мы со своей стороны помогли и позаботились о том, чтоб выехали все принадлежавшие к немецкой национальности. Теперь этот исторический факт свершился, и мы можем в этом смысле быть удовлетворены: исчез последний объект возможного спора в наших отношениях с Германией. Если Латвия стала более латышской, то наша обязанность заботиться о том, чтоб латышское заняло почетное место... во всех явлениях, где... коренится чуждый нам немецкий элемент; это относится ко всем сферам социальности, традициям, обычаям, к названиям местностей, к именам и фамилиям и т.д.»¹³. Вообще следует отметить, что антинемецкие настроения, имевшиеся внутри

латвийского общества, сыграли свою роль при заключении договора с Советским Союзом. Это видно и по публикациям в газете «Ритс».

Кстати, на том же собрании председатель латвийской торгово-промышленной камеры (палаты) А. Берзиня отмечал: «договор между Балт-странами и Советским Союзом вообще вводит новую эпоху в политику берегов Балтийского моря. Особенности договора свидетельствуют о том, что договор... обещает сделать новую эпоху в этой части Европы полной стабильного и плодотворного сотрудничества»¹⁴. Берзиня назвал договор не просто «платоническим выражением симпатий», но меропрятным обоюдодоводным, что, по его мнению, являлось особенно важным фактором. Председателя торгово-промышленной палаты поддержал и министр торговли и промышленности Я. Блумберг. На конференции инспекторов народных школ 16 марта 1940 года он достаточно недвусмысленно высказался относительно создавшегося положения: «Когда... начались военные действия... Латвии как нейтральной стране предсказывалось «золотое время», ибо естественно, что в военное время возникает большой спрос на различные товары со стороны воюющих стран, и мы могли бы потребовать за них любые цены... Теперь мы можем сказать: увы, предсказание не сбылось... При нынешних обстоятельствах мы даже в худшем положении в вопросе нашего экспорта... ибо на свои сельхозпродукты мы не можем в такой степени повышать цены, какие мы должны платить за импортные товары»¹⁵. Сожаление министра будет более понятно в контексте экономической части советско-латвийского договора: размещение воинских континентов Красной армии приносило в латвийскую казну определенные средства, что несколько компенсировало убытки от внешней торговли.

В УСЛОВИЯХ разраставшейся войны военнополитическое положение в Европе серьезно осложнилось. Захватив Данию и Норвегию, гитлеровские вой-

ска в мае 1940 года вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург, 14 июня пал Париж. Даже непримиримые по отношению к СССР латвийские политические деятели были вынуждены признать огромную пользу для страны советско-латвийского сотрудничества. Так, министр общественных дел 10 апреля 1940 года, говоря о событиях на Севере Европы, подчеркнул, что Латвию от ужасов войны охраняют прежде всего благоприятные договоры, благодаря которым Латвия, хотя и испытывает экономические трудности, но все же в меньшем объеме, чем это могло бы быть¹⁶. По сути дела об этом шла речь и в статье министра народного благочиния Я. Волонга, опубликованной в «Правовом вестнике» 27 апреля 1940 года. По его словам, правительству приходилось предпринимать чрезвычайные меры, чтобы обеспечить население необходимыми товарами и сырьем. Под чрезвычайными мерами следует понимать сотрудничество с Советским Союзом. Впрочем, даже К. Ульманис при аккредитации полпреда СССР В. Деревянко 6 мая 1940 года отмечал все возрастающее взаимопонимание между Латвией и СССР и заверял, что его правительство «всегда уделяло и будет уделять» этому процессу особое внимание. Он отметил также, что пакт о взаимной помощи внес «новый важный элемент в общую безопасность во взаимном геополитическом пространстве наших стран и тем самым... помогал и помогает укреплять международные позиции Латвии и Советского Союза»¹⁷.

Что касалось хода Второй мировой войны, а также Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., то общий тон латвийской прессы был довольно спокойным. При этом одна из газет даже высказала мнение, что, опираясь на «реально защищенные Советским Союзом интересы мира в Балтийском море», Балт-страны могут снова «констатировать, что большая военная буря не заденет их солнечных берегов»¹⁸. Что же, вполне понятное стремление переждать бурю на хорошо защищенном острове.

Правда, сделать этого все-таки не удалось.

Справедливости ради, надо сказать, что, несмотря на лояльные заявления и реальную оценку значения для страны советско-латвийского договора, препятствий к его надлежащему исполнению в Латвии было немало. Они возникли при размещении советских войск, строительстве гарнизонов, решении различных правовых вопросов. Смена в июне 1940 года кабинета министров, июльские выборы в сейм изменили не только внутреннее положение в стране, но и характер внешней политики. Что касается отношений с СССР, то новый министр юстиции Ю. Любэрэс в своей радиоречи 6 июля 1940 года указал на то, что правительство считает своим долгом обеспечить честное выполнение латвийско-советского договора о взаимопомощи и «всеми мерами предотвратить всякое нарушение этого важного государственного задания...»¹⁹. Также Любэрэс отметил, что сотрудничество с Советским Союзом не только уберегало Латвию от разрушительной классовой борьбы, но одновременно «обеспечило и нашу государственную самостоятельность и развитие нашей истинно национальной культуры и хозяйства»²⁰.

Новое руководство приняло предложение СССР о расширении договорных рамок, что дало возможность Советскому Союзу ускорить работу по созданию новых оборонительных рубежей²¹.

Таким образом, используя англо-франко-германские противоречия, на основе межгосударственных договоренностей без применения воинской силы СССР удалось установить контроль над стратегически важным регионом, усилить свои позиции на Балтийском море.

В ПРИБАЛТИКЕ создавалась мощная группировка Красной армии. Незамерзающие порты обеспечивали действия флота на Балтике круглый год. В случае войны флот получал возможность проводить крейсерские операции, организовывать рейды подводных лодок, осуществлять минирование акватории Балтийского

моря у берегов Восточной Пруссии и Померании, блокировать доставку в Германию железной руды из Швеции. Прибалтийские аэродромы позволяли советской авиации наносить удары по территории Германии. Именно с них были нанесены первые воздушные удары по Берлину в августе 1941 года.

Принятием Прибалтийских республик в состав СССР советское руководство достигло решения главной стратегической цели, содержание которой состояло в упрочении безопасности, не говоря уж о возвращении в состав государства земель, утраченных в годы Гражданской войны, что по сути явилось актом восстановления исторической справедливости. В свою очередь, перенос границы создал ряд проблем, связанных с необходимостью перестройки всей группировки первого эшелона, прочного укрепления новых границ, оперативного оборудования приобретенных территорий, переработки всех оперативных планов. Но это уже другая тема.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Ульманис Карл** (1877—1942) — политический деятель Латвии. Родился в семье крупного землевладельца. Учился в Лейпцигском сельскохозяйственном институте и университете Небраски (США); агроном. В 1913 г. вернулся в Латвию. В 1917 г. заместитель комиссара Временного правительства Лифляндской губернии. Один из организаторов и лидеров партии «Крестьянский союз» (апрель 1917); возглавил в Латвии борьбу против советской власти. С ноября 1918-го по июнь 1921 г. председатель Временного правительства Латвии. Премьер-министр (1925—1926, 1931, март 1934 — июнь 1940) и министр иностранных дел (1926, 1931, 1934—1936). В мае 1934 г. совершил переворот, стал диктатором и в апреле 1936 г. назначил себя на пост президента Латвии. В июле 1940 г. был смещен с поста президента и после провозглашения советской власти в Латвии выслан из Латвийской ССР.

² 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 489.

³ См.: *Пыхалов И.А.* Как «поработали» Прибалтику // *Армия и Флот*. 2002. № 150(2).

⁴ *Мальков В.* Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939—

1940 гг. // *Новая и новейшая история*. 1990. № 5. С. 48.

⁵ Цит. по: *G. Tabouis.* Jls l'ont appele'e Cassandre. New York, 1942. P. 198.

⁶ 26 января 1934 г. сроком на 10 лет был подписан германо-польский пакт «Декларация о неприменении силы между Польшей и Германией». Правительство Польши рассматривало это соглашение в первую очередь как антисоветский акт. «Договор Гитлера с Польшей... — писал польский журналист Мацкевич, — являлся началом осуществления Германского похода против Советского Союза при активном участии Польши, при нейтралитете Англии и Франции» (См.: *Z. Mackiewicz* (Cat.). *Polityka J. Becka*. London. 1946. P. 125).

⁷ 21 марта 1939 г. Германия ультимативно потребовала от Польши передачи ей Данцига (Гданьска) и права строительства в «Польском коридоре» автострады и железной дороги. Польша отклонила эти требования. 11 апреля Гитлер подписал директиву о подготовке к войне. С учетом резервов против Польши было сосредоточено 62 дивизии, 1,6 млн человек, 2800 танков, 6000 артиллерийских орудий и минометов, около 2000 самолетов. Поляки противопоставили агрессору 39 пехотных дивизий и 11 кавалерийских бригад, 3 горно-стрелковые и 2 бронемоторизованные бригады, всего около 1 млн человек, 870 легких танков и танкеток, 4300 артиллерийских орудий и минометов, более 400 боевых самолетов. Военные действия начались 1 сентября, 16 сентября польское правительство бежало в Румынию, 17 сентября части Красной армии перешли польско-советскую границу, чем воспрепятствовали продвижению вермахта на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 210. Оп. 22. П. 31. Д. 14. Л. 25.

⁹ Там же. Л. 44.

¹⁰ Там же. Л. 89.

¹¹ Там же. Л. 122, 123.

¹² Там же. Д. 17. Л. 29.

¹³ Там же. Правда, министр поспешил выдать желаемое за действительное: влияние этнических немцев в Латвии, особенно в Курляндии (Курземе), продолжало оставаться весьма высоким.

¹⁴ Там же. Л. 177, 178.

¹⁵ Там же. Оп. 31. П. 30. Д. 12. Л. 38.

¹⁶ Там же. Л. 116.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 210. Оп. 21. П. 30. Д. 3. Л. 30.

¹⁸ Там же. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 24.

²⁰ Там же.

²¹ Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. В 2-х томах. М., 2000. Т. 1. С. 551.

Полковник С.Н. КОВАЛЕВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

**МАСТЕР
ОКРУЖЕНИЙ**

Обложка
книги

ВЫШЛА в свет книга Ричарда Португальского «Маршал Конев. Мастер окружений»*. Иван Степанович Конев вошел в историю Второй мировой войны как один из наиболее ярких и талантливых советских полководцев. Командующий войсками Калининского, Северо-Западного, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов, Конев участвовал в Смоленском сражении, Московской и Курской битвах, в форсировании Днепра, освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Польши, Чехословакии, в Берлинской и Пражской операциях. Это был бесстрашный военачальник, которого уважал и к мнению которого прислушивался даже И.В. Сталин.

Маршал Конев не только одержал крупные победы, блестяще организовал и провел ряд важнейших операций, но и внес большой вклад в развитие военного искусства. Полководческий талант Конева наиболее ярко проявился в наступательных операциях. Он обладал на редкость хорошей интуицией, умело сочетал мощь артиллерии и авиации с быстротой, натиском и внезапностью удара. Конев по праву считается мастером окружения и уничтожения крупных группировок противника. Он заслужил высшую полководческую награду Советского Союза — орден Победы.

* *Португальский Р.* Маршал Конев. Мастер окружений. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 320 с.

О.Р. СПИХИНА

«ЦЕЛЫЕ БАТАЛЬОНЫ ОПУСКАЛИСЬ НА КОЛЕНИ И МОЛИЛИСЬ БОГУ, ПРОСЯ О СПАСЕНИИ»

19 ноября 1942 года залпы более 15 тыс. орудий и минометов возвестили миру о начале нового этапа в ходе Великой Отечественной войны — историческом контрнаступлении советских войск под Сталинградом. Ставка Верховного Главнокомандования (СВГК) передала фронтам сталинградского направления для проведения этой грандиозной операции 75 артиллерийских и минометных полков. Для прикрытия войск и важнейших объектов тыла использовались 1100 зенитных орудий¹.

Дальнейший ход Сталинградской наступательной операции по окружению немецко-фашистских войск в ноябре и декабре 1942 года достаточно подробно представлен в советской историографии, но артподготовка советских войск 10 января 1943 года и последующие действия артиллерии вплоть до капитуляции окруженной группировки противника под Сталинградом в полной мере освещены лишь в специальной литературе. В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел, но не официальным языком боевых отчетов, а опираясь на воспоминания очевидцев событий.

УПОМИНАЯ об артподготовке 19 ноября 1942 года, советские историки давали ей исключительно положительные оценки, замалчивая о некоторых недочетах. А о том, что они были, свидетельствуют воспоминания крупных советских военачальников. Например, начальник артиллерии Красной армии генерал-полковник Н.Н. Воронов в своем докладе в СВГК отмечал, что артподготовка была недостаточно успешной на второстепенных направлениях удара: «Здесь из-за малой плотности артиллерийских и минометных средств, хотя они и работали с большим напряжением, все-таки не удалось надежно обработать оборонительную полосу противника. Здесь на действиях нашей артиллерии, на эффективности ее огня особенно сказались плохая видимость из-за густого тумана, а затем и снегопада»². Командующий артиллерией Донского фронта генерал-лейтенант В.И. Казаков также писал: «Оценивая опыт артиллерий-

ской подготовки 19 ноября 1942 года, мы пришли к выводу, что ложные переносы огня (а они у нас проводились) в условиях применения артиллерии себя не оправдывают. Они никого не обманывали, если не считать их авторов. Отказались мы и от пауз, и от расчленения артиллерийской подготовки на многочисленные периоды»³. Благодаря большой точности и силе первого огневого налета уже к середине артподготовки многие подразделения противника начали оставлять окопы и блиндажи, спасаясь в глубине своей обороны.

Ликвидация окруженной под Сталинградом группировки противника была возложена на войска Донского фронта в составе семи армий (21, 24, 57, 62, 64, 65 и 66-й). Замысел операции предусматривал рассечение всей окруженной группировки на две части и уничтожение каждой из них отдельно. Главный удар наносился с запада на восток, вспомогательные — с севера и юга.

Артиллерия
Донского фронта
на завершающем
этапе

Сталинградской
битвы.

31 декабря 1942 —
2 февраля 1943 года

Для выполнения этой задачи Донской фронт был усилен 69 артиллерийскими и минометными полками резерва Верховного Главнокомандования (РВГК) и частями реактивной артиллерии. Достаточно сказать, что в составе фронта по состоянию на 5 января 1943 года действовали 68 полков реактивных установок М-13, 26 полков М-8 и 114 дивизионов тяжелых реактивных установок М-30⁴. Часть этих полков организационно вошла во 2-ю и 3-ю гвардейские минометные дивизии. К 10 января 1943 года в армиях Донского фронта находилось 1656 установок реактивной артиллерии, включая установки 300-мм калибра. Только один залп такого количества реактивной артиллерии составлял 15 тыс. снарядов. Для сравнения: на 19 ноября 1942 года Донской фронт располагал всего 424 установками реактивной артиллерии.

Общая численность артиллерии фронта к 10 января 1943 года составляла более 7500 орудий и минометов, включая и боевые установки реактивной артиллерии. Плотность артиллерии в армиях, наносивших главный удар, достигала 90—110 орудий и минометов на 1 км фронта. В некоторых дивизиях она была еще больше и доходила до 165 орудий (214-я стрелковая дивизия 65-й армии). Количественное превосходство

в технике войск Красной армии продолжало нарастать. Достаточно сказать, что на направлении главного удара (65-я армия) в артиллерии оно было четырехкратным.

Следует отметить, что артиллерийский огонь по окруженной сталинградской группировке противника велся круглосуточно, не прекращаясь даже ночью. Один из участников Сталинградской битвы с немецкой стороны командир саперного батальона майор Г. Вельц впоследствии писал: «Весь вечер и всю долгую ночь противник ведет сильный артобстрел. Небо гремит канонадой, все в блиндаже дрожит, гаснут копилки. Снарядные осколки разрывают в клочья все, что встречается им на пути: связных, которые под покровом темноты перебегают из укрытия в укрытие, сменяющиеся посты и группы силой до отделения, высланные с целью подкрепить оборону боеприпасами и оружием»⁵.

АРТИЛЛЕРИЯ Красной армии не оставила немецкие войска в покое даже в новогоднюю ночь, произведя сильный огневой налет 31 декабря 1942 года. Г. Вельц с содроганием вспоминал: «Казалось, пришел наш последний час. Часа за два до полуночи на всем фронте города протяженностью 30 километров русские начали ураганный артобстрел из тысячи стволов. Пушки, гаубицы, реактивные установки и минометы открыли такой огонь, что мы совершенно ошалели и думали, что уже началось давно ожидаемое генеральное наступление. Но на сей раз это было еще не оно. Это, видно, просто был новогодний привет от противника»⁶. Окруженные немецкие и румынские войска были окончательно деморализованы. Г. Вельц отмечал: «...этот новогодний ужас пронизал нас до самых костей. "Фейерверк" показал нам, что противник превосходит нас не только своими людскими резервами, но и техникой». Это дало ему печальные основа-

ния для следующего вполне справедливого вывода: «Если тысячи стволов непрерывно бьют по нам день и ночь, если у русских столько боеприпасов, что через Волгу гремит новогодняя канонада, если для одной-единственной атаки на Мариновку они выставляют 123 реактивные установки, то это такое материальное превосходство, перед лицом которого мы более или менее бессильны»⁷.

А как вела себя в эти дни немецкая артиллерия, как она действовала в ответ? С самого начала операции у немцев ощущался снарядный голод. Г. Вельц с горечью отмечал: «У нашей артиллерии тоже сплошной отдых. Перед окружением она ночь за ночью вела беспокоящий огонь по русским позициям, выпуская по две тысячи снарядов помимо поддержки атак и кроме регулярных огневых налетов по важнейшим объектам. А теперь редко-редко услышишь разрыв нашего снаряда и таким образом узнаешь, что у нас вообще еще есть орудия крупного калибра. Бывают дни, когда по растянувшемуся вдоль Волги городу делается всего какая-нибудь сотня орудийных выстрелов. Подавление батарей противника, во множестве окружающих наши блиндажи и фасады разбитых домов, по существу, прекратилось»⁸.

Планируя артиллерийское наступление на 10 января 1943 года, штаб начальника артиллерии Донского фронта генерал-лейтенанта В.И. Казакова отказался от нескольких ложных переносов огня, кроме одного. В остальном же график артиллерийской подготовки был прост. Оценивая характер немецкой обороны и моральное состояние противника, в штабе В.И. Казакова решили, что удар должен быть очень сильным, но более коротким. Продолжительность артподготовки определялась в 50—60 мин. В результате разговора командующего Донским фронтом генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского с генерал-лейтенантом В.И. Казаковым и генерал-

полковником Н.Н. Вороновым было принято решение о продолжительности артподготовки в течение 55 мин. Как писал позднее в своей книге В.И. Казаков, «мы намеревались сбить противника с ног одним ударом увесистого кулака, а не тратить время на слабые пощечины, от которых можно быстро оправиться»⁹.

Однако в этот план неожиданно вмешались генералы артиллерии А.К. Сивков и И.Д. Векилов. Они потребовали разработки графика артподготовки из расчета ее продолжительности 2 ч 30 мин. При этом предложили свой вариант, который включал паузы и ложные переносы. В.И. Казаков был крайне недоволен таким поворотом событий: «Генералы Сивков и особенно Векилов находились в плену старых представлений об артиллерийской подготовке и мало считались с уроками, которые нам давала война»¹⁰. 21 декабря В.И. Казаков обратился за помощью к К.К. Рокоссовскому, и тот поддержал его. Вместе они доложили о возникшем споре Н.Н. Воронову. Тот принял их сторону. Таким образом, конфликт был исчерпан.

10 ЯНВАРЯ 1943 года ровно в 8 ч 5 мин залп тысяч орудий разорвал тишину морозного утра. Командовавший в то время 1077-м пушечным артиллерийским полком РВГК полковник В.М. Жагала, наблюдая за артподготовкой, позднее писал: «Земля задрожала от тысячеорудийного залпа.словно из-под земли взвились клубы порохового дыма и пламени. Белоснежное покрывало на наших глазах стало черным. Огненный смерч уничтожал в стане врага все живое. Вместе с землей и камнями к небу взлетали обломки блиндажей, орудий и танков противника. Такого мощного артиллерийского огня мне еще не приходилось видеть. 55 минут в воздухе стоял сплошной гул. За это время огневая система противника была полностью подавлена»¹¹.

По другую линию фронта советская артподготовка виделась так: «Лишь только забрезжил рассвет 10 января и над необозримой снежной равниной еще не рассеялся густой утренний туман, на нас обрушился артиллерийский огонь такой силы, какого нам даже здесь не приходилось переживать никогда... Со всех сторон в котел рвутся смерть и разрушение, и нет нигде ни одного укромного уголка, нет защиты, нет даже временной безопасности, потому что нет больше ни одной не простреливаемой противником точки. А огненная волна все нарастает и катится вперед. Вот уже превзойдено все мыслимое, сознание и чувства отказываются воспринимать происходящее»¹².

Короче всех, но достаточно убедительно высказывались солдаты: «Вот это огонь!»¹³. И действительно, после первого же налета вся огневая система противника была подавлена. Ответный удар был нанесен силами не более двух-трех батарей и нескольких минометов на всем десятикилометровом фронте. Но после второго артиллерийского налета и они замолчали.

Полковник В.М. Жагала писал: «Ни одна батарея немцев в секторе обстрела 1-й артиллерийской дивизии не открыла ответного огня. Проезжая позже мимо позиций гитлеровских артиллеристов, мы могли наблюдать свою работу: всюду валялись искореженные орудия, горели арттягачи, едким дымом коптели резиновые накладки на колпаках бетонированных огневых точек, на месте складов с боеприпасами зияли огромные воронки»¹⁴.

Начавшееся после артподготовки наступление развивалось успешно. В первый же день войска 21-й и 65-й армий прорвали передний край обороны противника на всем фронте. Особенно удачным было наступление правого фланговых дивизий 65-й армии.

В целом артподготовка нанесла противнику серьезный урон. По подсчетам советской стороны, только огнем артиллерии Донского фронта

10 января 1943 года было уничтожено более 100 орудий и минометов, 200 пулеметов, разрушено около 300 дзотов и блиндажей. Однако имелись и недочеты. Например, на левом фланге 65-й армии действовала 11-я артиллерийская дивизия, которая прибыла на Донской фронт с опозданием и по этой причине к началу общего наступления едва успела занять боевые порядки. Командование ее не смогло как следует изучить боевые позиции противника. В результате огонь этого соединения был менее эффективен по сравнению с другими частями, заблаговременно развернувшись на своих участках. Это существенно повлияло на ход боевых действий левофланговых соединений 65-й армии.

ОСНОВНАЯ тяжесть по взламыванию обороны противника в этих январских боях снова легла на артиллерию. По воспоминаниям К.К. Рокоссовского, боевой порядок советских наступающих войск в январе 1943 года был следующим: «жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними поэшелонно двигались орудия прямой наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехотинцев. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнем весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам»¹⁵.

Активно привлекалась к поддержке пехоты и истребительно-противотанковая артиллерия. Например, 27-й артиллерийский истребительно-противотанковый полк, приданный 422-й стрелковой дивизии 65-й армии, за первые три дня боев, сопровождая пехоту, уничтожил 3 противотанковые пушки, 2 миномета, 12 открытых пулеметных точек, 13 блиндажей и дзотов. В бою

под ст. Воропоново четыре батареи полка вели огонь прямой наводкой по огневым точкам противника, а пятая — с закрытых позиций»¹⁶.

Особый страх вызвала у немцев и румын наша реактивная артиллерия. Г. Вельц в своих воспоминаниях писал, что немецкие офицеры, «как люди тактически и технически образованные, были едины в высокой оценке русских минометов и многоствольных реактивных установок»¹⁷. Некоторые, как, например, офицер-пехотинец Шульц, спрашивали: «Почему, собственно, мы не скопировали у русских многоствольные реактивные установки? Мы ведь на себе испытали, какие потери* они наносят. Разве не следует в ходе войны учиться у противника?»¹⁸. Ответ простой: не смогли. Хотя ради справедливости следует сказать, что шестиствольные реактивные минометы, прозванные немцами по аналогии «андрюшами», появились в вермахте еще в начале Великой Отечественной войны, но они уступали по своим тактико-техническим характеристикам нашим знаменитым «катюшам» и «ванюшам».

Самым узким местом артиллерии в этих боях оставались средства тяги, все еще преобладала конная тяга. В условиях открытой местности из-за огня противника и недостатка фуража лошади не могли оперативно передвигать орудия. Правда, орудия батальонной и полковой артиллерии были не так уж тяжелы (600—900 кг) и их могли перемещать расчеты. Но из-за огня противника последние несли потери, и нередко у орудий оставалось по четыре, а то и по три человека. В таких случаях орудия могли стрелять, но неизбежно отставали от пехоты. Тогда пехотинцы приходили на помощь и тащили их на себе. Были проблемы с маневренностью и у частей, имевших на вооружении механическую тягу. Например, полковник В.М. Жагала отмечал не-

* Так в книге

высокую подвижность своего подразделения: «Пока переправлялись, стрелковые и танковые подразделения ушли далеко вперед. Попробовали догонять, но это тоже оказалось нелегко: дороги разбиты, скорость движения по ним 152-миллиметровых орудий за тракторами не превышала 4—5 км в час. Но пехотинцы и танкисты ждали от нас поддержки, и мы делали все, чтобы не отставать и, где требовалось, дать огоньку. Выручали, конечно, солидная дальность стрельбы и наши корректировщики со средствами радиосвязи, которые всегда были впереди»¹⁹. И все-таки нехватка средств тяги отрицательно сказалась на взаимодействии артиллерии с другими родами войск.

22 января 1943 года войска Донского фронта возобновили наступление. Важную роль при взломе обороны противника играли артиллерия и пехота. Об огневой насыщенности ударов можно судить по тому, что в 22-километровой полосе наступления 21, 57 и 64-й армий были сосредоточены 4100 орудий и минометов.

ЭФФЕКТНУЮ точку в завершении Сталинградской наступательной операции снова поставила артиллерия. 31 января 1943 года после отклонения немецким командованием очередного ультиматума войска Красной армии начали готовиться к завершению ликвидации окруженных войск противника. На 1 февраля 1943 года советское командование назначило новую мощную артиллерийскую подготовку, которая должна была предшествовать наступлению наших войск в целях окончательного разгрома окруженных войск противника. Главный удар надлежало нанести 65-й армии, которая получила наибольшее количество артиллерии, вспомогательные справа и слева — 21-й и 66-й армиям. В результате проведенной перегруппировки средняя плотность артиллерии на фронте

65-й армии составила более 170 орудий и минометов на 1 км. Максимальная плотность артиллерии была достигнута на участке 27-й гвардейской стрелковой дивизии — до 338(!) орудий и минометов на 1 км фронта.

Вот как описывает последний день окруженной группировки К.К. Рокоссовский: «Утром 1 февраля огненная буря обрушилась на позиции врага. Нам с наблюдательного пункта было видно, как весь передний край его обороны потонул в разрывах снарядов и мин. По артиллерийским позициям в глубине обороны бомбовые удары наносила авиация. Канонада грохотала долго. Наконец она стихла. И тотчас во многих местах над еще дымившейся черной землей затрепетали белые флаги»²⁰.

Более яркое описание мы находим у В.И. Казакова: «Ровно в 8 часов 30 минут заговорили тысячи наших орудий, минометов и «катюш». Воздух наполнился грохотом выстрелов, которым, как эхо, вторили звуки разрывов в расположении противника. Земля дрожала под ногами так, что наблюдать за полем боя в бинокль было совершенно невозможно: все плясало перед объективом. Пришлось без помощи приборов обозревать местность, кипевшую в море огня. 15 минут длился огневой налет, и этого было достаточно. Враг не выдержал»²¹. И действительно, как только утих грохот орудий и минометов, к войскам Красной армии потянулись вереницы немецких и румынских солдат, шедших сдаваться в плен. Все они заявляли, что их «взяла артиллерия». Как вспоминал В.И. Казаков, «первый допрошенный пленный, еще не оправившийся от потрясения, сказал, что «во время огневого налета целые батальоны опускались на колени и молились Богу, прося о спасении от огня русской артиллерии»²². После этого артиллерии уже нечего было делать. Только отдельные орудия

поддерживали пехоту, возвращавшуюся в город.

Действия советской артиллерии в завершении разгрома немецких войск под Сталинградом у немецких солдат вызвали и страх и отчаяние. Арто наступление 10 января 1943 года, по их высказываниям, выглядело более продуманным и мощным, чем предыдущие. В нем были учтены недочеты, имевшие место 19 ноября 1942 года, да и количество артиллерийских средств увеличилось. То же самое можно сказать и об артподготовке 2 февраля 1943 года, которая окончательно деморализовала окруженные немецкие войска и подавила их волю к сопротивлению.

Таким образом, на сталинградском направлении было доказано на практике, что артиллерия способна не только подготовить и поддержать пехоту и танки при прорыве обороны противника, но и сопровождать мощным огнем наступление войск на всю глубину боя и операции, проводить артиллерийское наступление оперативно-стратегического масштаба.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984. С. 101.

² Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 278.

³ Казаков В.И. На переломе. М., 1962. С. 143.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 83. Оп. 1. Д. 26. Л. 93.

⁵ Вельц Г. Солдаты, которых предали. М., 1966. С. 180.

⁶ Там же. С. 254.

⁷ Там же. С. 255.

⁸ Там же. С. 171.

⁹ Казаков В.И. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 141.

¹¹ Жагала В.М. Расчищая путь пехоте. М., 1973. С. 85.

¹² Вельц Г. Указ. соч. С. 255.

¹³ Казаков В.И. Указ. соч. С. 163.

¹⁴ Жагала В.М. Указ. соч. С. 86.

¹⁵ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 2002. С. 179.

¹⁶ Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1957. С. 112.

¹⁷ Вельц Г. Указ. соч. С. 361.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Жагала В.М. Указ. соч. С. 74.

²⁰ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 182.

²¹ Казаков В.И. Указ. соч. С. 185.

²² Там же.

О.Е. АЩЕУЛОВ

ТАЙНА УЗЛА СВЯЗИ «ВИКТОРИЯ»

ДО СИХ ПОР историки, журналисты, краеведы и любители детективов проявляют неподдельный интерес к «Объекту 808», запасному узлу связи Ставки Верховного Главнокомандования. Первые сведения о нем дает Г.К. Жуков: «Когда немецкие войска близко подошли к столице, Генеральный штаб был разделен на две части. Одна часть во главе с первым заместителем начальника Генерального штаба А.М. Василевским оставалась в Москве при Ставке Верховного Главнокомандования, другая во главе с Б.М. Шапошниковым временно переехала в район, где был подготовлен запасной командный пункт»¹. А.М. Василевский² в своих мемуарах пишет: «Между ним (ГШ. – В.Х.) по новому месту дислокации устанавливалась прочная, надежная и постоянная связь». У С.М. Штеменко в издании 2005 года указывается, что «основной состав Генштаба под руководством Б.М. Шапошникова нашли нужным отправить в Арзамас. Переезд совершался двумя железнодорожными эшелонами, комендантом одного из них был Ф.И. Шевченко, а другого — я»³. Таким образом, никто из них конкретно не пишет об этом узле связи.

15 октября И.В. Сталин подписывает совершенно секретное постановление Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы города Москва», 3-й пункт которого гласил: немедленно эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев (Самара), а основной группе Генштаба – в Арзамас. Разумеется, столицу покидали не только они. В Куйбышев эвакуировались наркоматы, партийные и правительственные учреждения, дипломатические предста-

вительства. 17 октября в «запасную столицу» переезжает Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин. Часть наркоматов была направлена в Горький. Наркомат связи переехал в Уфу. Большая часть Главного управления связи (ГУС) КА отправилась в Куйбышев, 18 специалистов были откомандированы в Арзамас. Сам начальник ГУС КА, все начальники отделов и небольшое количество офицеров остались в Москве в составе оперативной группы Генштаба во главе с А.М. Василевским.

Согласно плану эвакуации на узле связи Генерального штаба был произведен демонтаж оборудования приемного радицентра, которое вместе с личным составом направили в Куйбышев и Арзамас, а телефонную станцию – в Куйбышев. Работникам Наркомата связи, сугубо гражданским людям, выдавали оружие.

19 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление о введении с 20 октября в Москве и прилегающих районах осадного положения. Повсеместно чувствовалось дыхание приближающегося к городу фронта. Усиливались бомбежки столицы. Около десятка бомб упало на территорию передающего радицентра узла связи Генерального штаба в Сокольниках. К счастью, обошлось без жертв. Особую опасность налеты авиации противника представляли для воздушных линий связи, так как большинство телеграфно-телефонных магистралей в то время подходило к самому центру Москвы именно по воздушным линиям.

Вспоминает ветеран войск связи, генерал-лейтенант в отставке Николай Александрович Брусницын, в те дни лейтенант, прибывший с фронта в Мытищи за получе-

нием аппаратуры засекречивания: «В Москву прибыл 20 октября, и был поражен беспорядками, паническим настроением жителей города... Над Москвой висели аэростаты воздушного заграждения. Некоторые улицы города были перегорожены противотанковыми бетонными надолбами и стальными «ежами». Буквы «М» над входами в московское метро светились маскировочным синим огнем»⁴.

В начале октября И.Т. Пересыпкин, являясь наркомом связи и одновременно заместителем наркома обороны, а также начальником Главного управления связи Красной армии, побывал в штабе Западного фронта в деревне Перхушково, где он узнал, что там не хватает аппаратуры связи, офицерского состава и специалистов, особенно в армиях, соединениях и частях. Но Пересыпкина беспокоило не только это. Враг вот-вот мог захватить важнейшие кабельные и воздушные линии связи. Следовательно, необходимо создать запасной пункт управления Ставки с соответствующим узлом связи в глубине страны.

«Нас, связистов, работавших как в наркомате, так и в Главном управлении, с самого начала войны беспокоило отсутствие запасного узла связи Ставки, — писал И.Т. Пересыпкин. — По своей инициативе мы, на всякий случай, оборудовали узлы восточнее Волги, назвав их резервными. Там была смонтирована аппаратура, установлены источники питания. Но даже этот, наиболее развитый узел не отвечал всем требованиям Ставки. Все эти узлы мы соединили с телефонно-телеграфной магистралью, построенной в первые недели войны. Кроме того, они были связаны с про-

водной сетью, существовавшей еще до войны»⁵.

ОДНОВРЕМЕННО по указанию И.Т. Пересыпкина Наркомат связи и ГУС КА предприняли ряд мер по оборудованию нескольких узлов связи в районах Казани, Куйбышева, Саратова, а также по строительству рокадной линии связи по восточному берегу Волги. Правда, это были все же паллиативные меры: для Ставки был нужен запасной узел связи. И.Т. Пересыпкин дважды обращался с этим вопросом к Б.М. Шапошникову, но никакого решения принято не было. Тогда Пересыпкин решает обратиться с этим вопросом непосредственно к Верховному Главнокомандующему⁶. Сталин принял его вечером 14 октября, при этом присутствовали Шапошников и Василевский⁷.

Вот что писал позднее об этом приеме Иван Терентьевич. «Обратившись к Сталину, я попросил его рассмотреть вопрос о выборе запасного пункта управления Ставки Верховного Главнокомандования и выслушать мои соображения по этому вопросу. Прежде всего я попросил его принять решение о выборе места и подготовке запасного пункта управления Ставки. Если же по каким-то соображениям нельзя назвать один пункт, я просил назвать несколько пунктов, куда в случае необходимости возможен переход Ставки Верховного Главнокомандования. Объяснив, что это сейчас абсолютно необходимо для своевременной подготовки средств связи и проведения работ по организации связи, я ждал указаний».

Тов. Сталин подошел к стене, на которой висела самая обычная географическая карта европейской части СССР, снял и положил ее на длинный, стоявший в кабинете, рабочий стол, за которым обычно проводились заседания, и спросил:

– Что Вы предлагаете?

Я ответил, что с точки зрения удобства организации связи, а также меньшей затраты сил, средств и времени для оборудования узла связи и установления связи с

фронтами наиболее подходящим для организации запасного пункта управления Ставки является район Куйбышева. С этим предложением он сразу же не согласился и, подумав некоторое время, сказал, что в Куйбышеве теперь много людей, и, в частности, иностранцев.

– А еще какой пункт подходит для этой цели? – спросил он вновь.

На этот раз я назвал Казань, хотя и оговорился, что она в отношении связи будет значительно хуже Куйбышева, так как оттуда будет значительно труднее организовать и обеспечить связь с фронтами, а также потребуется значительно больше времени и усилий.

Сталин внимательно посмотрел еще раз на карту, подумал и сказал:

– Давайте Арзамас! Там когда-то была Ставка Ивана Грозного.

Это было для меня настолько неожиданным, что я не сумел даже как-то объяснить ему, что из Арзамаса крайне трудно будет решать такую сложную задачу, как организация и обеспечение в короткое время связи со всеми фронтами и важнейшими центрами в тылу страны⁸. При этом Сталин потребовал: «Надо уложиться в шесть-семь дней»⁹.

ЗАДАЧА оказалась архитрудной. В этом районе были плохо развиты не только линии связи, но и дорожная сеть. Автомобильная дорога, которая, хотя и носила гордое название Арзамасское шоссе, для проезда оказалась практически непригодной. Всего за две недели его мотыгами и лопатами привели в порядок жители близлежащих колхозов. С воздуха над шоссе постоянно барражировали истребители, через каждые десять километров располагались зенитные батареи 88-миллиметрового калибра, способные поражать самолеты противника почти на 10-километровой высоте, а заодно вести наземный, в том числе противотанковый огонь на случай высадки фашистского десанта. Вся местность была огорожена несколькими ря-

дами колючей проволоки, а дороги перекрыты. На самом шоссе действовал пропускной режим. И все же над Арзамасом не раз появлялись вражеские самолеты-разведчики. Нет сомнения, что немцы делали аэрофотоснимки производившихся работ, пытаюсь угадать, что же это строится в такой тщательной маскировке. Пытались они выяснить подробности и с помощью разведывательно-диверсионных групп. Одну из них блокировали и задержали у ближайшего села Хватовка.

Что касается железнодорожного сообщения, то оно было довольно удобным. От Горького на Пензу, с севера на юг, шла рокадная железная дорога, ее пересекала трасса Москва–Казань.

В Арзамасе ввели комендантский час, вызвавший неудовольствие местных жителей, особенно ребятишек. Но главная проблема состояла в другом: где разместить военных? В городе не имелось ни одного подходящего здания. Из положения вышли в духе тех времен: заключенным из ближайшего лагеря объявили, что отныне они являются бойцами штрафбата и обязаны ударным трудом искупить вину перед Родиной. И те, конечно, потрудились. Всего за месяц на окраине города появилось оружие с тремя подземными и тремя надземными этажами. Чтобы сохранить тайну, «штрафников» по окончании строительства отправили на передовую, а само здание получило секретный литер «Объект 808», к которому подвели многочисленные коммуникации. Но все это было потом.

А сначала Пересыпкин, его заместитель Г.А. Омельченко и генерал А.М. Стрелков, взяв с собой нескольких сотрудников, поехали на место будущего строительства. Разместились в конторе связи, в деревянном доме, построенном каким-то купцом еще в XIX веке.

Основой запасного узла связи послужили два поезда связи. Пересыпкин дал указания эвакуированную в Куйбышев запасную телеграф-

ную станцию, состоявшую из 13 железнодорожных вагонов и находившуюся к тому времени в пути, переадресовать в Арзамас. Ее там демонтировали и вновь смонтировали в стационарном варианте на 20 аппаратов Бодо-дуплекс и 10 стартовых (СТ), а также подвели источники питания. Был переадресован на Арзамас и находившийся на пути к Куйбышеву поезд связи НКС.

Пересыпкинскими были направлены военные представители ГУСКА в Горьковское, Владимирское, Рязанское, Пензенское и Куйбышевское областные и Мордовское республиканское Управления связи. Их задачей была подготовка узлов связи этого региона по специальной схеме, содержание которой знал только начальник управления.

Оборудование запасного узла связи для эвакуированной части Генерального штаба проводилось его специалистами, а линейные сооружения возводились частями Военно-восстановительного управления Наркомата связи и другими воинскими подразделениями. За несколько дней по городу были проложены и зарыты в землю десятки километров телефонного кабеля. В здании районного узла связи по улице Космонавтов, 2, на втором этаже была смонтирована АТС на 400 номеров (бывшая кремлевская «вертушка») с ручными коммутаторами.

На железнодорожном разъезде с романтическим названием Соловейка, что рядом с Арзамасом, в близлежащем лесу силами дислоцировавшейся в этом районе запасной стрелковой бригады была построена специальная железнодорожная ветка протяженностью около пяти километров для размещения двух поездов связи и специального поезда оперативной группы Генерального штаба. Они усиленно охранялись. Работавшие в них люди там же и жили, так что на первый взгляд эти вагоны казались необитаемыми. От поездов связи до пункта управления Ставки и до АТС был проложен подземный кабель.

Интересно, что в районе Горького в то же время монтировали радиоузел Ставки. Небольшой радиоузел, включающий радиобюро со стационарными радиоприемниками, был смонтирован и в Арзамасе. Радиопередатчики находились в автомашинах. Всего запасной узел связи Ставки имел в своем составе 20 радиостанций и отдельных радиопередатчиков различных типов и 18 радиоприемников, 36 аппаратов Бодо, 32 – СТ-35 и 24 аппарата Морзе, центральную телефонную станцию АТС – на 400 номеров, телефонный коммутатор ЦБ – на 600 номеров, мощную дизельную электростанцию, достаточное количество аккумуляторов и зарядных агрегатов, небольшой запас линейных материалов, а также необходимые монтажные и эксплуатационные материалы.

Для Верховного Главнокомандующего, в случае его приезда, выбрали двухэтажный дом, на первом этаже которого находились ВЧ-станции. Наиболее сложной была задача установить телеграфную и телефонную связь со всеми штабами фронтов и военных округов, так как Арзамас не имел выходов на основные магистральные линии связи. Так что предстояло проделать еще огромный объем работ, которые велись круглосуточно. Тянули многокилометровые линии от будущего резервного узла связи Ставки к магистральным линиям связи восточного направления, монтировали телефонные и телеграфные станции, развертывали радиоприемные и радиопередаточные центры. Усталость порой валила людей с ног, но они не сдавались. Через пять суток запасной узел связи Генштаба был готов.

«Утром 21 октября я (И.Т. Пересыпкин. — В.Х.) встречал маршала Шапошникова на местной железнодорожной станции, и доложил ему, что нами сделано.

В салон-вагоне я увидел Бориса Михайловича, сидевшего за столом с какой-то книгой в руках. Несмотря на его видимое спокойствие, я чувствовал, что обстановка на фронте

продолжает ухудшаться, оперативная группа Генштаба приехала сюда неспроста.

Я доложил Шапошникову, что нами сделано. Вместе с ним мы наметили план работы по дальнейшему совершенствованию узла, после чего я возвратился к себе. Поздно ночью мне позвонили из Москвы и передали приказание Ставки о возвращении. Рано утром 22 октября на самолете Ли-2 мы вылетели и через несколько часов были уже в Москве»¹⁰. В 1974 году А.М. Василевский в «Военно-историческом журнале» (№ 6. С. 124–128) писал: «За пять суток они [связисты] выполнили огромный объем работы, для чего в обычное фронтовое время потребовалось бы не менее 15-ти суток». Пересыпкин об этом скажет следующее: «Вместо того, чтобы задолго до начала войны создать и хорошо оборудовать запасный пункт управления Ставки Верховного Главнокомандования Советского Союза (и не один), приходилось это делать в тяжелейших условиях военного времени, в большой спешке, в трудной обстановке, при отсутствии достаточного резерва сил и средств связи»¹¹.

НО ВЕРНЕМСЯ к хронологии дальнейшего сооружения запасного узла связи Ставки ВГК. 21 октября 1941 года был закончен только монтаж аппаратуры. Для устойчивой телеграфной и телефонной связи со штабами фронтов, отдельных армий, военных округов и стратегическими объектами предстояло в кратчайший срок выполнить большой объем работ по строительству рокадных линий, связывающих узел связи в Арзамасе с основными магистральными линиями. О том, как шли эти работы, свидетельствует докладная начальника 1-го Управления ГУС КА генерал-майора А.М. Стрелкова И.Т. Пересыпкину от 11 ноября 1941 года: «саперные работы... очень затягиваются; земляных сделано на 30 проц.; землянки для "кольца" сделаны, и работники поезда монтируют щитки переключе-

чений. Завтра к вечеру "кольцо" будет готово для эксплуатации; строительство на линиях (выходы из Арзамаса) произведено примерно на 50 проц. Местами нет материалов, инструментов и даже заданий ротам (участок Мухтолово – Навашино и Ардатов – Кулебаки). Недостает и негде взять 13,5 тонн проволоки и 90 проц. материалов для соединительных линий; надсмотрщики за линиями для быстрого устранения повреждений в Горьковской области не обеспечены средствами передвижения, наверняка подобное положение и в других областях; два вагона заряженной проволоки в Навашино и 1 вагон в Сергач еще не прибыли, где они – найти не могу; 30 тонн проволоки и линейный инструмент, посланный из Пензы, застрял в Рузаевке. Принимаю меры к проталкиванию»¹².

Одна из задач, которую должен был решить А.М. Стрелков, — это развитие узлов и линий южнее Арзамаса: Арзамас – Ардатов, Ардатов – Дивеево, Краснослободск – Саранск, Кочкурово – Вьясс, Мокшан – Царевщина. По расчетам А.М. Стрелкова, для этого требовалось: 1975 км железного провода и 190 – бронзового, а также передислокации на эти участки 707-го и 711-го отдельных линейных батальонов связи, 61, 740 и 743-й телеграфно-строительных рот. При наличии рабочей силы, оборудования и материалов работы могли быть выполнены на участке Арзамас – Краснослободск за 10 рабочих дней, Краснослободск – Саранск за 7 дней, Саранск – Лунино за 10, Пенза – Мокшан за 6, Рузаевка – Исса за 3 рабочих дня.

15 ноября И.Т. Пересыпкин утвердил схему и расчет линейных материалов: проволоки стальной 4-мм – 198 т, проволоки вязочной 2,5-мм – 1759 кг, проволоки спаянной 1-мм – 49 кг, крюков 18-мм – 39 807 штук, крюков 16-мм – 160 шт., изоляторов ТФ-2 – 40 737 шт., изоляторов ТФ-3 – 170 шт., изоляторов вводных – 462 шт., сжимов ревизионных – 104 шт., каболки смо-

ляной – 598 кг, сплава олова 30-проц. – 52 кг.

Заготовка телеграфных столбов проводилась на месте по согласованию с органами власти. Воздушные линии при включении кабелей снимали и использовали для соединительных цепей на других участках. По-прежнему не хватало людей и транспорта, вагонов, лошадей, повозок, срывались сроки поставок грузов. И все же задачу удалось выполнить.

Так каковы должны были быть функции этого узла связи? В случае выхода из строя радиоузла в Москве был разработан вариант схемы радиосвязи Генштаба РККА со штабами фронтов, армиями и военными округами через узлы связи в Куйбышеве, Горьком и Арзамасе. В случае нахождения Генштаба в Арзамасе задействовался в полном объеме этот узел связи путем дистанционного управления передатчиками в Горьком через телеграфные каналы многократной системы, установленной между Арзамасом и Горьком. Если бы Генштаб находился в Горьком, работа в сетях связи должна была производиться непосредственно оттуда, а если в Куйбышеве — основные сети связи передавались бы Куйбышевскому узлу. Во всех случаях обеспечивалась прямая связь с основными штабами фронтов и отдельных армий, сохранялась необходимая оперативность, исключалась схема реприема радиogramм. При потере проводной связи между радиоузлами можно было быстро установить межузловую радиосвязь¹³.

В Арзамасе запасной узел связи Ставки ВГК находился два месяца. Разгром немцев под Москвой сделал его существование ненужным¹⁴. Впоследствии история его создания обросла всякими домыслами и небылицами, вроде тех, что тогда в Арзамасе строили бункер Сталина. В фондах Центрального архива Министерства обороны имеется дело «Строительство телефоно-телеграфных линий по личному указанию заместителя наркома обороны», в котором хранятся отдельные доку-

менты по этому объекту, но и они в полной мере не проливают свет на те далекие события. К сказанному пока можно добавить только то, что запасной узел Ставки получил позывной «Виктория», что означает победа. Так связисты в далеком 1941 году приближали победу советского народа над фашистской Германией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1986. С. 78.

² Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1988. С. 155.

³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Транзит-книга, 2005. С. 51.

⁴ Брусницын Н.А. Кто подслушивает президентов от Сталина до Ельцина. М.: Вита-пресс, 2000. С. 31.

⁵ Пересыпкин И.Т. А в бою еще важнее. М.: Советская Россия, 1970. С. 97.

⁶ И.В. Сталин — с 8 августа 1941 г. до сентября 1945 г. Верховный Главнокомандующий.

⁷ Выписки из журнала посещения И.В. Сталина в его кремлевском кабинете. См.: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 231.

⁸ Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. М.: Воениздат, 1960. С. 51, 52.

⁹ Кочуков А. В огне прокладывали связь. Красная звезда. 2004 г. 18 июня.

¹⁰ Пересыпкин И.Т. А в бою еще важнее. С. 98.

¹¹ Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны... С. 52.

¹² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 71. Оп. 12169. Д. 1119. С. 14–16.

¹³ Там же. С. 175, 176.

¹⁴ Как вспоминает И.Т. Пересыпкин, «так закончилась история создания запасного узла связи Ставки Верховного Главнокомандования в октябре 1941 года. К счастью, он так и не понадобился. Обстановка не потребовала, чтобы Ставка выехала из Москвы. Советские воины отстояли столицу нашей Родины и разгромили немецко-фашистские полчища на ее подступах». См.: Пересыпкин И.Т. А в бою еще важнее. С. 99.

**Полковник запаса
В.С. ХОХЛОВ**

Реликвии минувшей войны

Уважаемая редакция!

В пятом номере «Военно-исторического журнала» за 2006 год мы прочитали заметку «Стальной нагрудник РККА». И были очень удивлены, что экспонат в Десногорском музее — большая редкость.

Наш поисковый отряд «Суворов» (г. Коломна Московской области) уже несколько лет работает в Кировском районе Ленинградской области, в местах, где войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду в январе 1943 года, где в сентябре был ликвидирован синявинско-шлиссельбургский выступ.

Ветераны 67-й армии Ленинградского фронта вспоминают, что 12 января 1943 года (начало операции «Искра») после артподготовки вперед пошли штрафники, одетые в 8-килограммовые панцири. Мы, поисковики, до сих пор находим их доспехи.

Были и так называемые снайперские кирасы — они укороченные, нет нижней части, которая прикрывала все, что ниже пояса. А верхнюю часть снайпер ставил как щиток для стрельбы, там имела специальная выемка для фиксации ствола винтовки. Были пятисекционные кирасы, у нас такая есть, находится в реставрации. Она надевалась как рубаша. Вообще-то мы являемся членами военно-исторического клуба «106-й отдельный инженерно-саперный батальон», бойцы которого и были экипированы в кирасы.

Надо сказать, что, хотя металл в кирасах довольно толстый, пули пробивали его. Мы находили кирасы с пулевыми отверстиями прямо против сердца.

Будем рады, если наше письмо прольет свет на еще одну страницу военной истории.

С уважением,

О.В. СТРУЖАНОВА,
командир поискового отряда «Суворов»;
Г.К. ВИКТОРОВИЧ,
журналист
(г. Коломна Московской области)

Уважаемая редакция!

Сначала немного о себе. Я участник и инвалид Великой Отечественной войны. Начинать воевать на Ленинградском фронте, после ранения немного был на 2-м Прибалтийском, закончил войну в Курляндии в составе 56-й гвардейской Смоленской Краснознаменной стрелковой дивизии в 254-м гвардейском стрелковом полку имени Александра Матросова в первой пулеметной роте в звании гвардии сержанта; в данный момент гвардии майор в отставке.

Прочитал вашу статью «Стальной нагрудник РККА» в пятом номере журнала за 2006 год и вспомнил, что у нас в Лодейнополюском историко-краеведческом музее имеется такой стальной нагрудник. Да я и сам его носил в 1944 году, участвуя в боях по полному снятию блокады Ленинграда в составе 11-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии, наступающей в районе южнее г. Нарвы. Мы, испытывая эти панцири, стреляли по ним из автоматов и винтовок. Под прямым углом и с близкого расстояния эти панцири пробивались, а в остальных случаях пули ricochetили.

Так вот, я сходил в наш музей, чтобы посмотреть на этот панцирь. У них он сохранен в полном комплекте. С внутренней стороны его — стальной набрюшник, он присоединяется изнутри панциря. Я поинтересовался насчет его приобретения. Директор Нина Васильевна Трошева сказала, что в музее их несколько и все найдены на правом берегу реки Свирь, где шли ожесточенные бои. Поисковики нашли их несколько: этот как новенький, а остальные пробитые и проржавевшие.

Посылаю вам два фото: наш музей и памятник*, где заложена капсула в день 30-летия Свирской победы, которую надо вскрыть в день 100-летия Свирской победы — отмечается у нас в период 21—25 июня в воскресенье.

Желаю вам успехов в вашем благородном труде.

* См. 4-ю страницу обложки

Ю.И. МЕШАЛКИН

(г. Лодейное поле Ленинградской области)

Уважаемая редакция!

К сожалению, с большим опозданием и совершенно случайно узнал, что в пятом номере «Военно-исторического журнала» за 2006 год была опубликована статья «Стальной нагрудник РККА», где имелась ссылка на мою статью в газете «Смоленский атом» от 22 сентября 2005 года. Я продолжаю работать по этой теме и мог бы добавить следующее.

В 1943 году три из пяти штурмовых инженерно-саперных бригад, а именно: 1-я (полковника И.Г. Петрова), 3-я (полковника Б.С. Немировского) и 4-я (подполковника Матуза или Матуза) начали свой боевой путь на Смоленщине. По некоторым данным, и 5-я штурмовая бригада начала свои боевые действия в составе 39-й армии Калининского фронта с 13 августа 1943 года. К сожалению, я не смог установить фамилии командиров 2-й и 5-й бригад.

1-я бригада придана 10-й гвардейской армии, действовавшей на смоленском направлении. Армия должна была взломать оборону противника в районах Ельни и Спас-Деменска и в дальнейшем наступать на Рославль. Армия начала наступление в 6.30 7 августа 1943 года после мощной артиллерийской подготовки, длившейся 1 ч 50 мин, и ударов авиации с воздуха. Однако только к вечеру 8 августа продвижение составило местами до 4 км, потери в войсках были большие. Особенно упорное сопротивление противник оказывал на линии опорных пунктов Гнездилово и Служка, где ключевой была высота 233,3, пересекающая заболоченную долину речки Домина (Спас-Деменский район). Для взятия этой высоты из 1-й бригады выделили первый инженерно-саперный батальон майора Ф.Н. Белокопя. К 9 часам вечера 8 августа батальон сосредоточился для атаки в первой траншее. Было решено, пользуясь сумерками, двигаться к исходной позиции, не открывая огня, затем стремительной и внезапной атакой овладеть высотой, закрепиться и удерживать ее до подхода пехоты.

По сигналу зеленой ракеты батальон пошел на штурм высоты. Фашисты, увидев атакующие цепи, открыли сильный огонь из автоматов и пулеметов. Но, к их удивлению, цепи атакующих не редили. Гвардейцы шли вперед, как заговоренные. Пули не брали их. Нервы у фашистов не выдержали, и они в панике бросились бежать. В 22 ч 15 мин была достигнута вершина высоты, в 23 ч 50 мин высота была полностью взята. Это, судя по всему, был первый бой советских солдат, одетых в стальные «панцири».

Затем бригаду передали 21-й армии, где она успешно штурмовала опорные пункты противника восточнее Матвеевщины.

У меня да, думаю, не только у меня есть вопросы, на которые хотелось бы получить ответы: где выпускались стальные нагрудники, почему они оказались снятыми с вооружения, какова марка стали?

В.К. ШИШУЛИН

(г. Десногорск Смоленской области)

ВЛИЯНИЕ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА РАЗВИТИЕ РОССИИ И УКРЕПЛЕНИЕ ЕЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Начало XVIII века стало важным этапом в истории России в связи с реформами, которые охватили практически все стороны жизни государства: экономику, науку, быт, культуру, внешнюю политику, государственный строй и армию. Реформы сказались на укреплении безопасности страны и ее международного положения, обновлении мировоззрения общества, задали тон в последующем цивилизационном развитии России. Эти преобразования были осуществлены во многом благодаря личным усилиям Петра I, его целеустремленности и привлечению к делу талантливых и энергичных людей, независимо от их происхождения.

ОДНИМ их важных итогов деятельности Петра, символизировавшим новое качество российской государственности, явилось принятие им в 1721 году (по прошению Сената, поддержанного Святейшим синодом) титула императора¹. С этого времени именовавшаяся ранее Московским или Русским царством Россия стала Всероссийской империей. На международной арене формальное признание императорского титула при жизни Петра I последовало только со стороны Швеции, Персии и Голландии в 1722 году. Другие государства признали императорский титул в России позже: Англия в 1742 году, Австрия — в 1744-м, Франция — в 1745-м,

Польша — в 1764-м. Только при Екатерине II были прекращены споры России с иностранными государствами о признании императорского титула.

Возвращаясь к петровским преобразованиям необходимо прежде всего назвать имена сподвижников и соратников Петра I, внесших существенный вклад в проведение реформ. Это Ф.М. Апраксин (1661—1728), Д.М. Голицын (1665—1737), Ф.А. Головин (1650—1706), Г.И. Головкин (1660—1734), Б.И. Куракин (1676—1727), А.В. Макаров (1675—1750), А.Д. Меншиков (1672—1729), Ф.Ю. Ромодановский (1640—1717), П.А. Толстой (1645—1729), П.П. Шафиров (1669—1739), П.И. Ягужинский (1683—1736)². При этом ближайший сподвижник Петра — А.Д. Меншиков одновременно являлся и видным военачальником, удостоенным звания генерал-фельдмаршала, а генерал-адмирал Ф.М. Апраксин был ближайшим помощником царя в военно-морских делах. Видными военными деятелями и полководцами Петровской эпохи являлись также Б.П. Шереметев, М.М. Голицын, А.И. Репнин.

ОЦЕНИВАЯ петровские преобразования, отметим в первую очередь, что они были направлены на преодоление отставания России от европейских стран в экономическом и культурном развитии и подчинены идее существенного укрепления экономических и военных сил страны для обеспечения ее безопасности и проведения активной военной политики. Последняя предполагала вооруженную борьбу с одной из сильнейших европейских держав — Швецией за выход России к Балтийскому морю и вылилась в длительную и упорную Северную войну 1700—

Петр I
Художник Я. КУПЕЦКИЙ,
1711 г.

1721 гг. Известный русский историк профессор С.Ф. Платонов отмечал, что эту войну Петр I «предпринял с глубоким пониманием национальных интересов и в победах искал не личной славы, а лучших условий для культурного и экономического преуспеяния Руси»³.

В связи с Северной войной первоочередное внимание Петра I заняли военные реформы. Основным их содержанием стали: введение в качестве источника комплектования вооруженных сил единой рекрутской повинности; создание однотипной организации войск, вооружения и обмундирования; введение единой системы воинского обучения и воспитания, регламентированного уставами; централизация военного управления. Рекрутская повинность заменила разнородные источники комплектования войск («охочие», даточные люди и др.) и стала надежным способом формирования войск. Для дворян была введена обязательная военная служба, они получали офицерские звания после окончания военной школы или службы рядовыми и унтер-офицерами в гвардейских полках. Офицерами могли

Наградной портрет Петра I, выдававшийся за военные заслуги (лицевая и оборотная стороны)

Прославление Петра I за Полтавскую победу
Неизвестный художник, XVIII в.

стать не только дворяне, но и представители других сословий. Полки «нового строя», стрелечья пехота и поместное войско были заменены регулярной армией с единообразной организационно-штатной структурой и тремя основными родами войск (пехотой, кавалерией и артиллерией). Стали проводиться полевые учения — маневры. Выдающаяся заслуга Петра — создание отечественного военно-морского флота, также регулярно. Пройдя боевую закалку, русские регулярные армия и флот добились впечатляющих военных побед над шведами на суше и море.

Вопросы воинского обучения, способы организации и ведения боевых действий были законодательно закреплены в уставах — Воинском (1716) и Морском (1720), — разработанных при личном участии Петра. С 1721 года все солдаты и матросы стали принимать торжественную клятву (присягу) на верность царю и Отечеству, офицеры присягали при каждом повышении в чине. Была налажена система подготовки национальных военных кадров, военным законодательством определен порядок прохождения офицерами службы. Учреждены, государственные награды — ордена, медали и зна-

ки отличия, введены полковые знамена и установлен порядок награждений за ратную доблесть, установлены воинские звания и правила повышения в чине. В 1718—1720 гг. вместо разрозненных воинских приказов созданы новые органы военного управления — Военная коллегия и Адмиралтейств-коллегия. С новой армией и флотом Россия завоевала выход в Балтийское море и превратилась в мощную европейскую державу.

Очень значительными были преобразования Петра I в области государственного управления, усилившие централизацию законодательной, исполнительной и судебной власти. Вместо Боярской думы создан новый высший государственный орган — Сенат, члены которого назначались царем, вместо приказов введены 12 коллегий. Внешнеполитическими делами ведала Коллегия иностранных дел, промышленностью — Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия, торговлей — Коммерц-коллегия, судебными делами — Юстиц-коллегия и т.д. Место ликвидированного патриаршества заняла Духовная коллегия, руководимая назначаемым царем обер-прокурором Синода. Страна была разде-

лена на губернии (во главе с губернаторами), губернии — на провинции, провинции — на уезды (во главе с земскими комиссиями). В городах была заведена полиция, которая характеризовалась в регламенте как «душа гражданства и всех добрых порядков».

Государственно-административная реформа рационализировала управление: администрация поделилась по ведомственному принципу, произошла регламентация деятельности учреждений на основе должностных инструкций. Все это не только улучшило управление государством, но и отвечало его военным потребностям — четкому функционированию местных органов системы комплектования вооруженных сил и регулируемому обеспечению войск всеми видами снабжения. В Табели о рангах (1722) все должности и звания, расписанные на 14 классов, делились на военные, гражданские и придворные, установлены их соотношение и порядок прохождения государственной службы⁴. Необходимо отметить долговечность созданных при Петре I государственных институтов: так, например, губернское деление существовало до 1920-х годов, Синод — до 1918 года, Сенат и Табель о

рангах — до 1917-го, коллегии — до 1802-го (заменены при Александре I на министерства).

В МЕСТЕ с тем Петровская эпоха примечательна окончательным оформлением самодержавия, приблизившимся к абсолютизму. Петр I реализовал потенциально заложенные в институте русского самодержавия идеи с переходом к качественно новой форме правления — абсолютизму (это было сделано и под влиянием аналогичных форм правления в некоторых европейских странах). Новая разветвленная система государственного управления Россией предполагала огромный чиновничий аппарат, в конечном счете замыкавшийся на царе. Придворные, гражданские и военные чины составили мощный, иерархически организованный институт, подчиненный государю. Это относилось и к священнослужителям: уничтожив патриаршество и создав Синод, Петр лишил церковь самостоятельности и включил ее в систему иерархического государственного управления. Многие историки считают, что петровское царствование — это время утверждения абсолютизма в России. Заботясь об общем благе, Петр довел идею строго упорядоченного государственного управления до абсолютной бесконтрольности верховной власти. Этому отвечало, в частности, и издание им в 1722 году Указа о порядке престолонаследия⁵.

Созданная Петром государственная машина стала средством осуществления задуманного им реформ, осуществляемых во многом с помощью принуждения. По мнению историка В.О. Ключевского, вся преобразовательная деятельность Петра I «направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения; он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага»⁶.

Преобразования в экономической области, как и в системе государственного управления, во многом были связаны с удовлетворением потребностей вооруженных сил государства. В сравнении с 1680 годом военные расходы России с началом Северной войны возросли в 4,5 раза, в 1710

А.Д. Меншиков

Б.П. Шереметев

М.М. Голицын

году они составляли 83 проц. расходов государственного бюджета⁷. Петр осознавал необходимость развития промышленности в первую очередь для вооружения и снабжения армии и флота. При этом решающая роль отводилась государству. Мануфактуры, казенные и частные, имелись в стране и до Петра, но его активность резко ускорила процесс их создания. Только за пять лет начала 1700-х годов были построены 11 металлургических заводов, обеспечивавших потребности армии в железе. Благодаря постройке новых и расширению существовавших оружейных заводов к 1712 году армия была обеспечена оружием. Строились и расширялись водные пути, текстильные, полотняные, канатные, кожевенные и другие мануфактуры, заводились овчарные и конские заводы и т.д. К концу правления Петра I в России было около 200 мануфактур (из них около половины государственных), то есть в 10 раз больше, чем до него⁸. Именно при нем возник промышленный район на Урале. Для изготовления оружия учреждены «Оружейный двор» в Туле и пороховой завод в Санкт-Петербурге, Сестрорецкий оружейный завод, пушечный и оружейный заводы в Петрозаводске. Для строительства кораблей созданы верфи в Воронеже, Казани, Санкт-Петербурге, Олонецке и др.

Вместе с тем отведение государству ведущей роли в развитии промышленности не способствовало развитию буржуазных отношений, частной инициативы, капиталистического производства. Частное предпринимательство было жестко привязано к государственной колеснице системой

правительственных заказов, преимущественно оборонного значения. С одной стороны, это обеспечивало устойчивость доходов владельцев мануфактур, которые могли быть уверены, что сбыт продукции казне гарантирован, но с другой — препятствовало перспективе технического совершенствования, резко снижало значение конкуренции как двигателя предпринимательства. То же было характерно и для торговли. В первую очередь развивалась государственная торговля (была введена государственная монополия на продажу соли и табака, а на внешнем рынке — кож, пеньки, льна, смолы, хлеба, поташа, икры и многих других товаров). Купцы, хотя и были выведены из-под власти местных губернских чиновников, сковывались регламентами центрального органа управления — Главного магистрата. В интересах снабжения армии и флота торговцам указывалось, куда и какие товары им надо везти, цены на товары далеко не всегда определялись рыночной конъюнктурой, а диктовались государством.

ПЕТР не только не оставил в неприкосновенности социальный строй, но существенно укрепил его. Это относилось и к положению подавляющей части населения — крестьянства, из представителей которых и комплектовалась солдатская масса армии. Абсолютизм в России формировался на базе безраздельного господства феодально-крепостнической системы. Произошло слияние крепостных крестьян и холопов в единое сословие. Как известно, холопство — институт, близкий по своим чертам к домашнему рабству, имевшему тысячелет-

ную историю. Общая тенденция развития крепостного права в России шла в направлении распространения на крепостных крестьян многих норм холопьяго права, что и являлось общей платформой для их последующего слияния. К началу 1720-х годов была усилена борьба с побегами крестьян, которых возвращали прежним владельцам. Указом 1723 года регулируется порядок приема на работу людей, не принадлежавших владельцу или не «приписанных» к данному заводу. Всем им приходилось либо получить у своего помещика разрешение работать временно («отходник» с паспортом), либо попасть в число беглых, «беспашпортных», подлежащих аресту и немедленному возвращению помещику. Хотя для семей солдат, набираемых из крестьян, были введены некоторые льготы, это мало способствовало улучшению «человеческого материала» русской армии. Военная служба для солдат была пожизненной, что отрывало от производительного труда часть дееспособного мужского населения.

Реформы шли трудно. Петр опирался на небольшой круг близких сторонников, но они не всегда умело реализовывали его замыслы. В таких условиях стимулами реформ весьма часто становились кнут и пряник. Дворянство, получив право наследственного владения поместьями (1714), обязано было служить. Проведя податную реформу (1718—1723), которая означала перепись душ мужского пола и введение подушной подати, государство прикрепило каждого налогоплательщика туда, где он был записан в оклад. Крестьянин и посадский человек платили бесчисленные сборы и налоги (последние за первую четверть XVII в. возросли в 5,5 раза); помещичьих крестьян начали продавать без земли, а государственных приписывали к заводам.

Петр I понимал, что интересы экономики и вооруженных сил требовали развития просвещения и культуры. В стране создавались начальные «цифирные» школы, издавались буквари, учебные пособия, карты, был введен близкий к современному «граж-

данский шрифт». С 1703 года выходила первая русская печатная газета «Ведомости», в 1719-м была открыта Кунсткамера, в 1724-м учреждена Петербургская академия наук с гимназией и библиотекой. Начали издаваться книги по русской истории, военной и технической тематике, положено начало изучению географии страны и картографированию, проводились экспедиции в Сибирь и Среднюю Азию, на Дальний Восток. Вместе с тем развитию народного образования и просвещения уделялось недостаточное внимание, что во многом объяснялось условиями войны, большой занятостью царя военными делами. По-прежнему сохранялась культурная пропасть между дворянством и основной массой народа. Она же переносилась и в армию, в которой это противоречие все же сглаживалось условиями боевой обстановки, требованиями Петра к офицерам заботиться о солдатах, постоянно учить их военному делу и сознательно исполнять свои обязанности по службе.

БОЛЬШОЕ значение Петр I придавал развитию законодательства. Он считал, что правительственный закон, вовремя изданный и последовательно проведенный в жизнь, может сделать почти все. Идея Петра была направлена, во-первых, на создание такого совершенного и всеобъемлющего законодательства, которым была бы по возможности охвачена и регламентирована вся жизнь поданных, во-вторых, Петр надеялся на создание совершенной и точной, как часы, государственной структуры, через которую могло бы реализовываться законодательство. Именно поэтому законодательство Петровской эпохи отличалось ярко выраженной тенденцией всеобъемлющей регламентации, включая бесцеремонное вмешательство в сферу частной и личной жизни. С учетом уровня культуры подавляющей массы населения страны исполнение законов оказалось в ведении чиновничьего аппарата, и это имело многие негативные последствия.

Характеризуя Петра I и осуществляемые им реформы, можно сказать, что для его мировоззрения было харак-

терно отношение к государственным учреждениям, как к воинским подразделениям, к регламенту, как к уставу, а к любому служащему, как к военнослужащему. И дело не в особой воинственности Петра I, который из 36 лет царствования (1689—1725) 28 занимался насущными военными делами. В силу сложившихся обстоятельств он был убежден, что именно армия — наиболее совершенная общественная структура, достойная модель всего общества. Воинские законы, построенные на проверенных опытом сражений принципах, по мнению царя, с убедительностью показывали преимущества военной модели. Воинскую же дисциплину Петр считал тем рычагом, с помощью которого можно воспитать в людях порядок, трудолюбие, сознательность, христианскую нравственность.

Внедрение в гражданскую сферу военных принципов проявлялось и в распространении на систему государственных учреждений военного законодательства. Поскольку не все нормы этого законодательства были применимы в гражданской сфере, использовались специально составленные выборки из воинских законов. Распространение военного права на гражданскую сферу вело к применению в отношении гражданских служащих тех же мер наказания, которым подлежали нарушители воинской присяги. Ни до, ни после Петра I в истории России не было издано такого огромного количества указов, предусматривавших смертную казнь за преступления по должности.

Выпестованные Петром I регулярная армия и ее офицерский корпус заняли огромное место в жизни русского общества, став его важнейшим элементом. При определенном разделении военной и гражданской служб петровские реформы характеризовались широким распространением практики участия в государственном управлении профессиональных военных. Не случайно последующие десятилетия XVIII века стали «веком дворцовых переворотов» — во многом из-за гипертрофирован-

ного влияния на политическую жизнь царского двора военных, особенно привилегированного сословия гвардейских офицеров. Их мнение, поддержка, корпоративный дух часто использовались претендентами в борьбе за престол.

Серьезные изменения произошли при Петре I в области внешних отношений. Полтавская победа позволила России перехватить инициативу в Северной войне. Россия укрепила свои позиции в Ингрии (Ижорской земле) и Карелии, русские войска заняли Лифляндию и Эстляндию, затем вступили в Германию, где при содействии союзников — Дании, Саксонии, отчасти Пруссии и Ганновера было начато наступление на шведские владения в Померании и других северных германских землях. За неполных шесть лет союзники вытеснили шведов из всех их заморских владений и в 1716 году покончили со шведским присутствием на чужой территории.

В ходе раздела шведских владений Россия в силу своих убедительных побед на суше и на море получила преимущество. При этом Петр I решил не ограничиваться возвращением старых русских территорий, отторгнутых шведами после Смутного времени начала XVII века, — Ингрией и Карелией. Занятые силой русского оружия Лифляндия и Эстляндия уже в 1710 году были включены в состав России. Резко усилившиеся армия и флот стали гарантией этих завоеваний. Начиная с 1712 года Петр I стал проявлять внешнеполитическую активность в отношении германских княжеств-государств. Поначалу это было связано с борьбой против шведов в Померании, Голштинии и Мекленбурге. Но и после изгнания оттуда шведов Россия сохранила большое влияние на эти германские государства.

А.А. Керсновский отмечал следующую особенность внешней политики Петра I: он «не сходил слишком близко ни с одной из иностранных держав, благодаря чему при нем русская кровь не проливалась за чужие интересы». Петр всегда стремился быть лояльным по отношению к союзникам, но когда видел, что у кого-либо из них появилось желание «за-

гребать жар русскими руками», немедленно порывал всякие отношения. «Впоследствии, — продолжает Керсновский, — эта мудрая петровская традиция была позабыта. Сколько несчастий удалось бы избежать России, если бы на протяжении двух столетий русская кровь лилась лишь за русские интересы»⁹.

Ништадтский мир 1721 года, юридически оформивший победу России в Северной войне, закрепивший ее территориальные приращения и выход в Балтику, означал вхождение России в число ведущих держав Европы и рождение Российской Империи.

ПОСЛЕ окончания Северной войны Россия получила возможность активизировать свою внешнюю политику в Закавказье, установить более тесные связи с его народами. Поход русских войск в 1722—1723 гг. на Восточный Кавказ и в Северный Иран (Южный Прикаспий), вошедший в историю под названием Каспийского (или Персидского) похода Петра I также был успешным. Это нашло закрепление в подписанном в Петербурге в 1723 году договоре, по которому к России отошли прикаспийские провинции Ирана с Дербентом и другими городами. О долговременности интересов России в Южном Прикаспии свидетельствовала постройка там крепостей. В 1724 году русское правительство заключило Константинопольский договор с Турцией, по которому султан признал приобретение России в Прикаспии, а Россия — права султана на Западное Закавказье. В целом поход способствовал росту влияния и закреплению России в Закавказье.

В международных делах Петром I двигали не только политические мотивы, стремление утвердить международный авторитет России, но и ее торгово-экономические интересы. Так было, например, с Балтикой, ставшей морским путем для развития торговых связей России с европейскими государствами. Южный Прикаспий рассматривался как важный путь развития торговли с государствами Среднего Востока, Индией и Китаем. Придерживаясь меркантилизма — концепции протекционистской

деятельности государства в отношении торговли и купечества, Петр стремился к улучшению торгового баланса страны. Можно утверждать, что после Ништадтского мира значение торгово-экономических задач в общей системе внешней политики России существенно возросло.

В целом за время петровского правления произошла серьезная метаморфоза внешней политики России: став империей, Россия заявила о своем праве занять видное место в международных отношениях, решать крупные внешнеполитические задачи, в том числе действовать по своему усмотрению. Петровские реформы дали России сильную военную организацию как опору внешней политики империи. С учетом окончательного формирования самодержавно-крепостнической системы можно также говорить об образовании военно-бюрократического государства со всеми его недостатками и будущими проблемами, которые неизбежно легли на плечи последующих поколений. Петровские реформы означали разрыв со многими традиционными ценностями в жизни России, ее правящих классов и массы населения. Они стали началом процесса модернизации и европеизации страны, основанном на активном перенятии западного опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российское законодательство XVIII—XIX веков. М., 1896. Т. 4. С. 179.

² «Птенцы Петровы» // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. В 6 т. Т. 3—4. М., 1992. С. 101—125.

³ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1994. С. 565.

⁴ Табель о рангах // Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2 (1682—1865). С. 83—85.

⁵ Там же. С. 63, 64.

⁶ Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 191.

⁷ Финансовая и экономическая политика Петра I, государственное хозяйство России конца XVII и начала XVIII века // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Т. 3—4. С. 311.

⁸ Володарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 73.

⁹ Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 21, 50.

А.В. ЗАВРАЖИН

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1860–1870-х ГОДОВ НА УРАЛЕ

ОДНИМ из недостаточно изученных аспектов либеральных реформ 60–70-х годов XIX века в России является история военных преобразований в регионах. Знания отечественных историков об их подготовке, проведении, ходе и результатах, в частности на Урале, достаточно скудны и носят фрагментарный характер.

Введение всесословной воинской повинности 1874 года на территории Пермского края уже в 1886 году было освещено Е.И. Красноперовым¹. Он принял сравнительный анализ тех условий в регионе, которые сложились до и после проведения военной реформы. Ученый привлек статистический материал, содержащий информацию о результатах набора населения Пермской губернии для отбывания воинской повинности в 1884 году, отмечая, что повинность, дотоле несоразмерно тяжкая для простого народа, сделалась посильною долею всех классов народонаселения в доблестном служении на благо государства.

В работе А.А. Дмитриева² кроме восторженного отзыва о военной реформе отмечался интересный факт: первый призыв новобранцев, согласно Уставу о всеобщей воинской повинности, проходил в Перми осенью 1874 года, причем в присутствии флигель-адъютанта М.Д. Скобелева — будущего полководца и героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В труде бывшего председателя уездного по воинской повинности присутствия И.М. Белоусова рассмотрено исполнение воинской повинности на территории Пермского уезда по данным призывов 1874–1885 гг. Здесь содержится богатый статистический и этнографический материал о ходе военной реформы. По данным исследователя, в среднем ежегодно призывалось 1675 человек³. Благодаря научным изысканиям автора стало известно о сословном по-

ложении призывавшихся, их вероисповедании, составе, семейном положении, грамотности, здоровье, занятиях и т.д.⁴ Вся собранная информация была отражена в статистических таблицах.

В советский период (конец 40-х — начало 50-х годов XX в.) вышло несколько статей П.А. Зайончковского, а в 1952 году — его монография «Военные реформы 1860–1870-х годов в России». Труд ученого интересен тем, что в нем помимо общероссийского материала фрагментарно затрагивался процесс военных преобразований на Урале⁵. Историк осветил общую программу реформ российского военного министра Д.А. Милютина и все преобразования, растянувшиеся более чем на десять лет, охватившие различные сферы: комплектование армии, ее вооружение и снабжение, организация военного управления — центрального и местного, постановка военного образования и воспитания, военное судостроительство и судопроизводство. Автор основательно изучил проблему и изложил материал, избегая идеологии и тенденциозности, тем самым обеспечив книгу долгую жизнь. До сих пор это самое крупное исследование военных реформ 1860–1870-х годов в историографии. Изданный в СССР в 1952 году, труд был переиздан на русском языке в США в 1967 году⁶.

М.Д. Рабинович рассмотрел преобразование в области военного дела на территории Башкирии, уделив наибольшее внимание введению всесословной воинской повинности⁷. Ученый представил картину формирования в соответствии с Уставом о воинской повинности Башкирского отдельного конного эскадрона численностью в 250 человек. В 1878 году из башкир Верхнеуральского, Оренбургского и Челябинского уездов был создан полк в составе четырех эскадронов, просуществовавший до 1882 года. Вместе с тем на

остальное население распространялась всеобщая воинская повинность, которую отбывали в обычных воинских частях.

К сожалению, ничего не сказано о военных реформах 60–70-х годов XIX века на Урале у авторов вышедшей в свет в 1963 году коллективной монографии «История Урала»⁸. Второе издание книги об этом вопросе также умалчивает.

В труде Н.Я. Пенькова и В.А. Косогова рассмотрена история Оренбургской артиллерийской бригады⁹. Особое внимание уделено парковой службе артиллерии, включавшей в себя текущий ремонт вооружения, выполнение лабораторных и других необходимых работ по содержанию в исправности орудий, а также организацию артиллерийских складов в Оренбургском военном округе. Ученые пришли к выводу, что качественные изменения в области материальной части серьезно повлияли на развитие способов боевого применения артиллерии.

Проведение военных реформ 60–70-х годов XIX века на Урале кратко затронула Г.А. Кулагина¹⁰. Основное внимание историк уделила вопросам создания в крае военно-окружной системы и введения всесословной воинской повинности. Последнее, отметила Г.А. Кулагина, повлияло на горнозаводское население, ранее освобожденное от рекрутской повинности, способствовало росту грамотности и политической сознательности уральских рабочих и крестьян. Однако, по ее мнению, принцип всесословной воинской повинности ни тогда, ни позже полностью осуществлен не был¹¹. Несомненной заслугой автора является то, что она показала место уральских губерний в военно-окружной системе пореформенной России. При этом отмечалось, что Вятская, Пермская и Уфимская губернии, а также Оренбургское и Уральское казачьи войска входили в состав Казанского во-

енного округа. В уральских губерниях были образованы губернские по воинской повинности и уездные воинские присутствия. Еще одной особенностью в сфере проведения военных преобразований на Урале, по мнению Г.А. Кулагиной, стала ликвидация военных сил горного ведомства, поскольку отменялись его административные функции, служившие в течение длительного времени опорой и олицетворением военно-полицейского режима на горных заводах Урала.

Постсоветская историография военных реформ 60—70-х годов XIX столетия на Урале незначительна. Вышедшие в последние годы работы затрагивают лишь частные аспекты рассматриваемой проблемы.

Военную реформу 1874 года на территории Южного Зауралья В.Г. Савельев¹² осветил на фоне других проведенных в России либеральных реформ 60—70-х годов XIX века. Ученый исследовал вопросы распределения призывников в войска и ополчения, организации и функционирования сдаточных пунктов для снабжения армии лошадьми. В Южном Зауралье введение всесословной воинской повинности, как и в целом по стране, произошло тогда, когда на базе уездных рекрутских присутствий были образованы Курганское окружное и Шадринское уездное по воинской повинности присутствия. При анализе социального состава призывников историк рассмотрел все основные группы населения Южного Зауралья. По данным В.Г. Савельева, большая часть призывников приходилась на крестьян и мещан — 95,14 проц, и только 4,86 проц. составляли купцы, служащие и дворяне. Кроме того, некоторая часть призывников воспользовалась правом «отбыть воинскую повинность без жребия, в качестве волноопределяющихся». Подлежавшие призыву лица участвовали в жеребьевке, по результатам которой они направлялись в войска или зачислялись в ополчение.

В РАБОТАХ последних лет историки обратились к теме развития военного производства на Урале в контексте российских либеральных преобразований. Программа перевооружения армии преду-

сматривала в первую очередь замену чугунных гладкоствольных артиллерийских орудий стальными нарезными орудиями, кремневых гладкоствольных ружей — нарезными винтовками¹³. Наибольший вклад в разработку данного вопроса внесли Д.В. Гаврилов, С.И. Сметанин, И.В. Худякова, В.П. Шевелёв¹⁴.

Реформу военного управления в Оренбургском крае в 60—80-е годы XIX века осветила Н.Л. Семёнова¹⁵. Данная тема ранее никем не рассматривалась. Изучение этого вопроса позволило историку не только определить особенности и основные тенденции в становлении российского управленческого аппарата в крае, но и проследить влияние новых политических институтов на местное население.

В тезисной форме рассматриваемую проблему представил Р.Т. Якупов¹⁶, уделив особое внимание личности Александра II и его роли в реформировании армии. К сожалению, о военных преобразованиях на Урале в работе Р.Т. Якупова нет ни слова.

Сегодня наблюдается всплеск интереса историков Урала к военным преобразованиям 60—70-х годов XIX столетия. Об этом свидетельствуют проведение Уральских военно-исторических чтений в Екатеринбурге, а также публикации материалов региональных конференций различной направленности. Огорчает лишь то обстоятельство, что подавляющее большинство авторов обращаются в основном к общероссийскому материалу, игнорируя краеведческий¹⁷.

Составной частью военных реформ 1860-х — 1870-х годов являлись преобразования в военно-учебной сфере. К.Л. Бусыгин¹⁸ рассмотрел историю создания военно-учебных заведений в Пермской губернии. Ученый обратился к истории открытой в 1869 году Пермской военной прогимназии, в которой обучались 200 воспитанников. Был изучен состав учащихся, перечень преподававшихся предметов и занятий внеклассного времени. Кроме того, исследованы судьбы выпускников прогимназии и указан фактор закрытия ее в 1872 году.

ИСТОРИЯ военно-учебных заведений Урала стала объектом исследования В.Н. Грасько¹⁹. По мнению историка, центром военного об-

разования края являлся Оренбург, длительное время представлявший интересы страны на Востоке. При этом он отмечал ярко выраженную специфику Оренбуржья — казачьей территории. Исследователь выделил ключевые даты, связанные с Оренбургом: 1866 год — преобразование в военную гимназию кадетского корпуса; 1867-й — создание юнкерского казачьего училища; 1868-й — завершение реформирования военно-учебного дела на Южном Урале в связи с образованием военной прогимназии.

Краткий материал о военных преобразованиях 60—70-х годов XIX века на Урале содержит научные изыскания Р.И. Хафизовой²⁰. Она подсчитала, что на территории Уфимской губернии было 30 призывных участков и 183 военно-конских. Историк делает вывод о своевременности и необходимости преобразований в военной сфере пореформенного времени.

В коллективном труде В.А. Золотарёва, О.В. Саксонова, С.А. Тюшкевича²¹ наряду с общероссийским материалом о военных реформах 1860—1870-х годов содержатся отрывочные сведения, касающиеся Урала. Ученые изучили историю развития сталелитейного производства на Мотовилихинском заводе, продукция которого обладала высоким качеством и по многим показателям превосходила лучшие заграничные образцы.

Н.И. Леонов²² изучил проведение и результаты преобразований в военной сфере в 60—70-е годы XIX века на территории Башкирии. Ученый обратился к персонам, стоявшим у истоков проведения военной реформы 1874 года на Южном Урале. Согласно Военному уставу 1874 года уезды Башкирии были разбиты на призывные участки. От военной службы освобождались священнослужители всех христианских вероисповеданий, а также псаломщики, окончившие курс в духовных семинариях. Вместе с тем исследователь подчеркнул, что правительство сочло излишним освобождать от военной службы священнослужителей мусульманского и иудейского вероисповеданий. По подсчетам Н.И. Леонова, в Уфимской губернии в 1874 году была призвана в армию лишь пятая часть годных к военной службе.

Составленные им статистические таблицы позволяют проследить ход реформы в регионе в цифрах и фактах. Из них следует, что с введением всеобщей воинской повинности башкиры наравне со всеми стали проходить военную службу в обычных воинских частях. Интересно, что в своем труде историк реконструировал внешний облик русского солдата последней четверти XIX века на Южном Урале. Автор представил материал, относящийся к обмундированию солдат и офицеров, а также к основным видам оружия того времени.

Подводя итог историографическому обзору о военных преобразованиях 1860—1870-х годов на Урале, следует подчеркнуть, что наибольшее внимание в исследованиях уделялось комплектованию армии после 1874 года, ее вооружению и перевооружению, снабжению, частично — организации местного военного управления и постановке военного образования и воспитания, игнорировались проблемы военного судостроительства и судопроизводства в крае. По-прежнему остается открытым вопрос о значении военных преобразований рассматриваемого периода для последующего развития Урала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Красноперов Е.И.* Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем императором Александром II (историко-статистический очерк). Пермь, 1886. С. 132, 133.

² *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г. Пермь, 1889. С. 281—315.

³ *Белоусов И.М.* Пермский уезд по данным 12-ти призывов 1874—1885 годов к исполнению воинской повинности (статистические и этнографические материалы). Пермь, 1895. С. 18.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 23—27, 81, 82, 145, 150—153, 179, 237, 239, 246.

⁶ *Захарова Л.Г.* Петр Андреевич Зайончковский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. М.: Иерусалим, 2000. С. 332—347.

⁷ *Рабинович М.Д.* Буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в. // Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 156—167.

⁸ История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 273—279; 2-е изд., перераб. и доп. Пермь, 1976. С. 217—223.

⁹ История отечественной артиллерии. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.) / Под ред. К.П. Казакова. М.; Л., 1966.

¹⁰ *Кулагина Г.А.* Буржуазные реформы 1860—1870 гг. // История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 61—68.

¹¹ Там же.

¹² *Савельев В.Г.* Введение всеобщей воинской повинности // История Курганской области (1861—1917 гг.). Курган, 1996. Т. 2. С. 272—279.

¹³ *Гаврилов Д.В.* Горнозаводской Урал XVII—XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 528.

¹⁴ Там же. С. 432—437; *Сметанин С.И.* Из истории Мотовилихинского артиллерийского завода // Исследования по истории Урала. Пермь, 2005. С. 130—134; *Худякова И.В.* Развитие государственной оборонной промышленности на Урале в пореформенные десятилетия XIX века // Страницы истории Урала: Сборник статей и информационных материалов. Пермь, 1998. Вып. 3. С. 44—54; *Шевелёв В.П.* Судьба пушек Каменского завода // Первые Невьянские Демидовские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 87—92.

¹⁵ *Семёнова Н.Л.* Реформа военного управления в Оренбургском крае в 60—80-е гг. XIX в. // Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 343—346.

¹⁶ *Якунов Р.Т.* Военная реформа Александра II — опыт реформирования армии // Первые Татищевские чтения. Тезисы докл. и сообщ. Екатеринбург, 1997. С. 86—89.

¹⁷ *Гилёв П.Н.* О сущности дискуссий вокруг реорганизации русской армии в период военных реформ 60—70-х гг. XIX в. // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 12, 13; *Готов С.Ю.* Дневник Д.А. Милютина как источник по военной истории России второй половины XIX века // Там же. С. 14—16.

¹⁸ *Бусыгин К.Л.* Создание военно-учебных заведений в Пермской губернии // Тезисы докладов научно-практ. конф. «Взгляд на историю Прикамья на пороге XXI века». Пермь, 1997. С. 120—123.

¹⁹ *Грасько В.Н.* Из истории военного образования на Урале XIX — начала XX в. // Первые Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2001. С. 46—48.

²⁰ *Хафизова Р.И.* Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Уфа: Китап, 1999. С. 153.

²¹ *Золотарёв В.А., Саксонов О.В., Тошкевич С.А.* Военная история России. М.: Кучково поле, 2002. С. 736.

²² *Леонов Н.И.* Буржуазные реформы 60—70-х гг. в Башкирии. Уфа: Башк. ун-т, 1993. С. 62—76.

С.С. КОНОВАЛОВ

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Здравствуйтесь, редакция!

Хотелось бы сказать вам спасибо за то, что вы подняли на страницах журнала тему о фальсификациях истории Великой Отечественной войны, и представляете современный взгляд на нее писателей и историков, в частности М.А. Гареева. Я не генерал и не научный сотрудник, а простой любитель военной истории. Наш народ и СССР победили в этой войне, этим надо гордиться, надо чтить память этих людей и не принижать их заслуги и их победу. Но при этом не надо забывать и скрывать, какой ценой досталась нашему народу победа в Великой Отечественной войне. Открытие военных архивов позволило по-новому оценить некоторые события Великой Отечественной войны, а также дела и поступки известных военачальников. Не всем это нравится. Историков и исследователей, пытающихся на основе ставших известными документов заново осмыслить те или иные события войны, зачастую обвиняют в злопыхательстве и очернительстве. Между тем ни для кого не является секретом, что слишком часто при постановке боевых задач звучало «любой ценой»!

Необходимо честно, используя все доступные источники, показывать потери не только противника, но и своих войск, то есть определять цену победы. Это вовсе не умаляет нашей победы. Историки пишут об этом, открывают факты боевых действий и личные взаимоотношения в среде высшего командного состава, и их отношения к солдату, обеспечению его всем необходимым в боевых действиях. Но это, похоже, не всем нравится, им подавай историю войны без крови, потерь и ошибок в планировании боевых операций. Как будто не было этих ошибок, пьянства начосостава и бездарного командования. Не было плохо обученных солдат, бросаемых в неподготовленные атаки. Поэтому, по моему мнению, надо публиковать разные точки зрения на боевые действия наших войск, а не только отлакированную цензурой официальную историю Великой Отечественной войны. Хотя, конечно, она многим выгодна, не заставляет думать об ошибках, допущенных командным составом.

Конечно, публикации должны быть правдивыми, подтверждаться документами, не унижать памяти павших и здравствующих ветеранов войны.

Вот такое мое мнение о публикациях современных историков о Великой Отечественной войне и статье М.А. Гареева.

Я считаю, что поднятую журналом тему надо продолжить, потому что она в настоящее время достаточно актуальна.

С уважением, ваш читатель

С.А. ДОГАДИН
(г. Ковров)

УБЫХИ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ 1817—1864 гг.

Период с конца XVIII до 60-х годов XIX века является важным этапом в истории народов Северного Кавказа, вступивших на путь активной поддержки Турции в ее противостоянии с Россией. Так, одно из небольших, но весьма воинственных черкесских племен — убыхи многие годы упорно сопротивлялись русским войскам в ходе Кавказской войны, открыто стали на сторону Турции в русско-турецких войнах XIX века, затем частью эмигрировали, частью были депортированы на территорию Османской империи, где полностью ассимилировались с коренным населением, утратив постепенно и родной язык. Сведения об убыхах в научной литературе весьма скупы, поэтому любой материал по данной теме представляет определенную ценность.

ПЕРВОЕ письменное упоминание об убыхах, по мнению известного кавказоведа А.Н. Генко, относится к древности. Византийский историк и географ VI века Прокопий в своих сочинениях пишет: «За область Абазгов на Кавказе проживают Брухи [убыхи], территория которых находится между Абазгами и Аланами...»¹. В 1641 году уже итальянский путешественник Эвлия Челеби упоминает на этой территории о племенах Waipigha, которые, по мнению некоторых исследователей, являются убыхскими. Однако по свидетельству Белля Waia — это псезуапинское племя гоаие (гои) — подразделение причерноморских шапсугов, а righa, видимо, производное от пех — самоназвания убыхов. Тогда можно предположить,

что Waipigha — это смешанное шапсуго-убыхское население междуречья Псезуапсе — Шахе.

Окончательно в научную литературу убыхи вошли в конце XVIII века благодаря исследованиям Гюльденштедта и Палласа, которые причисляют убыхов к абазам и располагают их на исторической территории расселения, общепринятой уже в XIX веке.

В условиях начавшегося наступления русских войск на Северный Кавказ у военного ведомства возникла необходимость в получении более точных сведений как об особенностях театра военных действий, так и о народах, населяющих эту территорию. Такие материалы собрали военные исследователи Ф.К. Брун, Я. Потоцкий, С.Т. Званба, Г.И. Филипсон, Ф.Ф. Торнау, С. Эсадзе и другие, побывавшие на восточном побережье Черного моря в XVIII—XIX вв. и не обошедшие в своих трудах и записках жизнь убыхов.

Особое место среди источников занимают сведения, собранные русскими офицерами, служившими на Кавказе, и разведчиками, инкогнито путешествовавшими в поисках стратегической информации. Долгое время находясь среди горцев, изучая жизнь и быт последних, они имели возможность приобрести богатый фактический материал. Здесь хотелось бы выделить труды таких авторов, как И.Ф. Бларамберг², С.М. Броневский³, К.Ф. Сталь⁴, Г.В. Новицкий⁵, Л.Я. Люлье⁶, Ф.Ф. Торнау⁷, Н.И. Карлгоф⁸ и др.

«Этнографическое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа», составленное генерального штаба генерал-лейтенантом И.Ф. Бларамбергом в 1833 году, содержит некоторые данные, касающиеся территории расселения и численности убыхов, что служит необходимой предпосылкой для объективного освещения исторической действительности.

В 1852 году в газете «Кавказ» публикуется статья абхазского

этнографа офицера русской армии С.Т. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию»⁹, положившая по существу начало изучению истории убыхов. Хотя очерк носит этнографический характер, в нем содержится интереснейший материал о представителях знаменитого убыхского рода Берзек и военной организации убыхов, что дает представление об участии их в военных действиях в период Кавказской войны. Несомненный интерес представляет одна из первых посвященных убыхам научных работ — статья П.К. Услара «О языке убыхов»¹⁰. Интерес этот обусловлен не столько тем, что статья дает представление о малоизученном языке, сколько тем, что автор ее записывал тексты убыхского языка со слов 14-летнего сына предводителя убыхов Хаджи Герандука Берзека.

В работе «Обзор политического состояния Кавказа», составленной в 1840 году, говорится, что убыхи — «народ воинственный, князья и дворяне убыхские ревностные магометане, народ до сего времени сохранил некоторые обряды христианской веры с помощью язычества»¹¹. В аналогичном обзоре горских племен за 1840 год, видимо, составленном иными авторами, дается такая характеристика убыхам: «Убыхи, славящиеся своим молодечеством и неустрашимостью, занимают юго-восточную покатость хребта Кавказских гор между р. Саше и р. Шахе. По берегу моря между этих рек убыхи живут смешанно с шапсугами, составляя несколько отдельных обществ: Хизе, Урдане, Шмиткуадж и селение Зюеш, известное у соседей под названием Ардона. Дворянских фамилий две — Дешен и Берзеки, все они ревностные магометане, между тем как часть народа продолжает поклоняться кресту»¹². Здесь надо подчеркнуть, что до принятия ислама убыхи исповедовали христианство с элементами языческой религии.

В определении численности убухов в существующей научной литературе до сих пор наблюдается весьма широкий диапазон мнений. Согласно данным И.Ф. Бларамберга, численность убухского народа в 1830-е годы не превышала 7 тыс. человек, хотя Н.И. Карлгоф в своей работе приводит цифру в 40 тыс. человек. Те же данные приводятся в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона¹³. А вот Г.В. Новицкий определяет численность убухов на 1830 год в 25 тыс. человек. Информацию о территории расселения и численности убухов можно обнаружить в трудах К.Ф. Сталя, М. Рукевича, Е.Д. Фелицына, генерала от кавалерии Н.Н. Раевского, командовавшего на Кавказе корпусом в годы Русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

Ценные сведения о состоянии региона шли от адыгов, находившихся на службе у русского правительства. Примером могут служить «Записки о Черкесии» адыгского просветителя Султан Хан-Гирея¹⁴. Большой интерес представляют материалы непосредственных участников боевых действий на Кавказе — А. Фонвилля¹⁵ и польского офицера Т. Лапинского¹⁶, в течение трех лет вместе с горцами воевавшего против русских войск.

В СОВЕТСКОЕ время об убухах писали известные историки-кавказоведы А.Н. Генко, Л.И. Лавров, А.В. Фадеев, Г.А. Дзидзария и другие. Заслуживает внимания работа Л.И. Лаврова «Этнографический очерк убухов», содержащая интересные данные¹⁷. Давая характеристику одному из представителей рода Берзек — Хаджи Герандуку, Л.И. Лавров называет его «военным вождем убухов».

Большой вклад в изучение данной проблемы внес историк А.В. Фадеев, хотя он и рассматривал ее со свойственным тому времени марксистско-ленинским подходом. В 1935 году он опубликовал в журнале «Исторический сборник» работу с символическим названием «Убухи в освободительном движении на Западном Кавказе»¹⁸. В то время это единственная в отечественной литературе работа, где вполне объективно

освещены вопросы участия убухов в Кавказской войне. Сетую на недооценку роли убухов в истории народов Кавказа, что можно было объяснить исключительной скудостью материалов, автор попытался определить роль убухов в борьбе против Российской Империи на Кавказе и охарактеризовать порядок их переселения в пределы Османской империи. В другой работе А.В. Фадеева «Россия и Кавказ в первой трети XIX в.» содержится богатый материал об отношениях между убухами и абхазами и стремлении убухских предводителей Хаджи Берзека и его племянника приобщить Абхазию, которая находилась в то время с Россией в союзнических отношениях, к борьбе против России. В ней также находятся интересные сведения об агентурной деятельности английских и турецких эмиссаров, направленной против русских, на территории Северо-Западного Кавказа¹⁹.

Проблемами истории убухского народа занимались также известные исследователи-кавказоведы Н.Г. Волкова²⁰, Е.П. Алексеева²¹, З.В. Анчабадзе²², Г.З. Анчабадзе²³, Ю.Д. Анчабадзе²⁴ и другие. Значительное место в своих трудах уделяет убухам известный ученый-кавказовед Ш.Д. Инал-Ипа. В работах «Убухи и их этнокультурные связи с абхазами»²⁵ и «Садзы»²⁶ ученый освещает страницы военной истории убухов и политическую деятельность их предводителей из рода Берзек в годы Кавказской войны, считая их, между прочим, экстремистами. В своей работе «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», изданной в Сухуми в 1982 году, Г.А. Дзидзария дает ценные сведения о территории расселения и численности убухского народа, этнокультурных связях с соседями, в частности с шапсугами и Абхазией²⁷. В работе содержится подробное описание военных действий на Западном Кавказе и степень участия в них убухов. Здесь же нашли отражение и некоторые особенности убухского махаджирства²⁸.

ОДНОЙ из наиболее ценных работ, дающих представление о месте, занимаемом убухами в большой семье кавказских народов

и их участия в Кавказской войне, является исторический очерк кавказоведа Т.В. Половинкиной «Черкесия — боль моя»²⁹. Хотя ее труд носит компилятивный характер, это не умаляет его ценности в деле изучения социально-экономической, политической, военной и культурной истории убухов. Работа содержит сведения не только о происхождении, территории расселения и отношениях убухов с соседями, но и объективно освещает период в истории убухов и других народов Кавказа, получивший название Кавказской войны. Между прочим, показывая причины и характер Кавказской войны, Т.В. Половинкина пытается выяснить степень распространения мюридизма³⁰ среди населения Западного Кавказа и приходит к выводу, что в среде убухов данное религиозное течение успехом не пользовалось и они довольно холодно относились не только к самим наибам Шамиля, но и к их проповедям. Довольно подробно Т.В. Половинкина остановилась и на такой проблеме, как массовое переселение адыгов, в том числе убухов, в Турцию.

Представляет интерес работа Р. Трахо, историка, адыга по происхождению, жившего за границей и попытавшегося глазами эмигранта посмотреть на историю адыгов³¹. В ней содержится краткий обзор военных действий убухов совместно с другими адыгскими племенами в период после подписания Адрианопольского трактата 1829 года, завершившего Русско-турецкую войну 1828—1829 гг., по которому к России отходило Кавказское побережье Черного моря от устья р. Кубань до северной границы Аджарии, уделено также внимание переселенческому процессу и убухскому махаджирству.

Историк-этнолог А.С. Марзей раскрывает причины и мотивы военных походов убухов, систему их подготовки к воинской жизни, ее истоки и обоснование³². Мы считаем важным знание всех этих составных частей убухского военного менталитета для понимания сути их турецкой ориентации и отношений с соседями, так как игнорирование тех или иных сторон исторического наследия этноса обедняет и искажает сам его феномен.

В актуальном исследовании А.Ю. Чирг содержится материал об эволюции общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа, в том числе убыхов, раскрыты особенности общественно-политической организации «демократических» племен, к которым относились и убыхи³³. Автор характеризует общественно-политические преобразования, имевшие место в Черкесии в конце 40-х — начале 60-х годов XIX века, и направленные на создание государства на территории Северо-Западного Кавказа. Провал планов по созданию государственной системы и консолидации горцев Кавказа он видит в недостаточной сплоченности и отсутствии начал национального единства, а также в противодействии этому процессу иностранной агентуры.

Работа молодого исследователя А.В. Сивера содержит интересные сведения об убыхском этносе и участии его в Кавказской войне³⁴. Автор подтверждает факт частичной консолидации горцев Кавказа: убыхского, шапсугского, натухайского и других этнических групп в борьбе против русских войск, а в монографии М.М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа» имеется богатый фактический материал об общественном строе, социальной организации убыхов, об убыхской модели наездничества³⁵. Детальное описание военных действий на Черноморском побережье и участия в них убыхов, а также материалы по убыхским персоналиям времен Кавказской войны позволяют считать данное исследование серьезным подспорьем в освещении военной истории³⁶.

Труд М.Х.-Б. Кишмахова носит этнографический характер. Вместе с тем это одно из первых обобщений монографического плана, посвященное убыхам. Автор описывает территорию расселения и численность этого народа, его хозяйственные занятия, ремесла, быт, культуру, обычаи, традиции, говорит о социальной, экономической, политической и общественной организации убыхов. Рассказывая о роде Берзек, автор освещает все аспекты деятельности известных представителей этого рода в годы Кавказской войны:

переговоры с русским командованием, организация сопротивления, попытки создания государства на территории Западной Черкесии, массовое переселение убыхов в Османскую империю³⁷.

И последняя, но не по значимости, монография — «История убыхов». Ее автором является горный инженер, геоморфолог, кандидат географических наук В.И. Ворошилов³⁸. Своей целью автор ставил создание подробного историко-этнографического очерка об убыхах, начиная с раннего средневековья до второй половины XIX века.

Подводя итог, хочется отметить, что, хотя исторических сведений об убыхах и их участии в Кавказской войне пока еще недостаточно, все же приведенный историографический анализ поможет современным историкам воссоздать объективную картину истории убыхского этноса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генко А.Н. «О языке убыхов» // Известия АН СССР. VII серия, отд. гуманитарных наук. № 3. 1928. С. 229.

² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставропольское книжное издательство, 1992; Он же. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 1994.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

⁴ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа / Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21.

⁵ Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Алахе // Газета «Тифлиссские ведомости». 1829. № 22—24.

⁶ Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.

⁷ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию. Нальчик, 1999. С. 508.

⁸ Карлагов Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. М., 1860. Т. 28. Книга 2.

⁹ Званба С.Т. Зимние походы убыхов на Абхазию // Кавказ. 1852. № 33.

¹⁰ Услар П.К. О языке убыхов. Этнография Кавказа. Тифлис, 1887.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Д. 6164. Ч. 93. Л. 12.

¹² Там же. Д. 1851. Л. 16 об., 17.

¹³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 34, 67. СПб., 1902. С. 413.

¹⁴ Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 334.

¹⁵ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863—1864. Киев, 1991.

¹⁶ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Перевод Гарданова В.К. Нальчик, 1995.

¹⁷ Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов. Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. Т. 7.

¹⁸ Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. М.-Л., 1935. № 4.

¹⁹ Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961. С. 232—238.

²⁰ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М.: Наука, 1984.

²¹ Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.

²² Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVIII вв.). Сухуми, 1959; Он же. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964.

²³ Анчабадзе Г.З. «Книга путешествия» Эвлия Челеби как источник по истории горских народов Кавказа. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.

²⁴ Анчабадзе Ю.Д. Абаза. К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Под ред. В.К. Гарданова. № 8. М., 1984. С. 141—164.

²⁵ Инал-Ипа Ш.Д. Убыхи, их этнокультурные связи с абхазами // Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 257—310.

²⁶ Инал-Ипа Ш.Д. Садзы. М., 1995. С. 286.

²⁷ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

²⁸ Махаджирство (от арабского мухаджерет) — переселение в страну правоверных.

²⁹ Половинкина Т.В. Черкесия — боль моя. Майкоп, 2001.

³⁰ Мюридизм — учение, получившее распространение на Кавказе в 20—60-е годы XIX в. в период национально-освободительного движения.

³¹ Трахо Р. Черкесы. Нальчик, 1994.

³² Марзей А.С. Черкесское наездничество — «зеклуэ». М., 2004.

³³ Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа. Майкоп, 2002.

³⁴ Сивер А. Шапсуги. Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002.

³⁵ Наездничество — система военных походов у народов Кавказа.

³⁶ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

³⁷ Кишмахов М.Х.-Б. Род из священной долины убыхов. Черкесск, 1999.

³⁸ Ворошилов В.И. История убыхов. (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX в.). Майкоп, 2006.

М.Г. ХАФИЗОВА

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ. 1946—1991 гг.

Строительство и развитие Вооруженных сил РФ требует высокого уровня обучения и воспитания. Для этого необходимы комплексные меры по развитию сил и средств информационного обеспечения, приемов и способов их применения, психологической, военно-социальной и культурно-досуговой работы. Важную роль в решении указанных задач играют технические средства обучения и воспитания, внедрение современных информационных технологий в учебно-воспитательный процесс.

С 1946 года, а затем с середины 50-х годов XX века в связи с научно-технической революцией и коренными преобразованиями в военном деле технические средства пропаганды в Вооруженных Силах неоднократно модернизировались. Появились принципиально новые их образцы (телевизоры, магнитофоны, бесшрифтовые полиграфические комплексы, станции звукозаписи и копирования магнитофильмов). С 1950 по 1959 год на оснащение армии и флота кино-, радио- и фотоаппаратурой, полиграфическим оборудованием было израсходовано более 379 млн рублей. За указанные годы парк аппаратуры и оборудования в войсках был обновлен: по стационарным киноустановкам — на 53 проц., кинопередвижкам — на 70 проц., радиоузлам — на 86 проц., радиоприемникам — на 85 проц., фотоаппаратуре — на 94 проц., по ротационным и плоскочечатным машинам — на 76 проц., по линотипам — на 56 проц.¹

Особую роль играли походные технические средства пропаганды. В полевых условиях, в боевой обстановке походные автоклубы ПАК-65/70 и автокинопередвижки АКД-64, автотинографии АТБ-70, АТС-62А(Б), БПК-63/70, АТМ-83 и приемные пункты информации ТАСС И1-80, И2-80, переносные установки ПТУ-10 и войсковые радиоприемники явля-

лись, как правило, единственным и незаменимым средством оперативного получения и распространения политической информации, издания армейских и флотских газет, агитационных материалов, организации кино- и радиообслуживания личного состава².

Армия и флот получали современные типы проекционных и звукоусилительных устройств, съемочных камер и фотопринадлежностей, радиоаппаратуры и полиграфического оборудования, выпускаемых отечественной промышленностью. Кроме того, многие образцы технических средств пропаганды (в том числе и вся походная техника) разрабатывались и изготовлялись по специальным требованиям, учитывающим условия войсковой эксплуатации и использования. В целом развитие и модернизация таких средств осуществлялись по планам и тактико-техническим заданиям Главного политического управления СА и ВМФ. Весомый вклад в решение этих задач внесли генерал-майор В.И. Кондюрин, полковники Б.А. Волков, В.И. Тютюник, Ф.П. Вознюк, М.Л. Марголин, капитаны 1 ранга Н.М. Карлош, Н.И. Короткевич, гражданские специалисты В.Н. Крайнов, Л.А. Устинова.

Благодаря постоянному вниманию государственных и военных органов к идеологической

работе воинские части, корабли, военно-учебные заведения, культурно-просветительные учреждения СА и ВМФ были обеспечены разнообразным политико-просветительским имуществом. Уровень обеспеченности им войск в 50—60-е гг. XX века составлял 80—100 проц., 70-е гг. — 90—100 проц., 80-е гг. — 95—100 проц. При этом, если в 1980 году в государственный оборонный заказ включалось более 700 наименований технических средств обучения и воспитания, то в 2000 году в связи с тяжелым экономическим положением в стране в государственный оборонный заказ включалось не более 50 наименований.

В 80-е годы XX века основное внимание уделялось разработке и закупке подвижной и стационарной кино-, радиоаппаратуры, полиграфических комплексов, стационарной телевизионной техники. Руководство управления технических средств пропаганды Главного политического управления СА и ВМФ несвоевременно оценили перспективность применения подвижных телевизионных комплексов в локальных войнах и вооруженных конфликтах современности. Опытно-конструкторская работа была открыта только в 1988 году, а первый образец подвижного телецентра поступил с предприятия в 1993 году.

В ОБЕСПЕЧЕНИИ Вооруженных Сил СССР техническими средствами пропаганды и обучения можно выделить три периода. Первый — 1946—1958 гг. В связи с созданием групп советских войск в странах Западной Европы были сформированы склады политико-просветительного имущества Группы советских войск в Германии, Северной, Центральной и Южной групп войск. Уровень обеспеченности этих сил, на-

личие современных образцов техники стало делом престижа государства. На их снабжение выделялось до 30 проц. материальных средств, предназначенных для военных округов. Большим событием для всего личного состав групп советских войск за рубежом стало создание в короткие сроки гарнизонных телевизионных центров и узлов. Они транслировали первую программу Центрального телевидения и имели возможность вести местные передачи³.

Второй период — 1959—1979 гг. С образованием новых видов Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и Войск противовоздушной обороны страны (ПВО) корректируется система снабжения. Соединения и части этих видов Вооруженных Сил были поставлены на довольствие по техническим средствам пропаганды в политические управления военных округов, на территории которых они дислоцировались. Утверждались новые нормы снабжения техническими средствами пропаганды и политико-просветительским имуществом, которые учитывали особенности несения частями и подразделениями РВСН, Войск ПВО боевого дежурства, отдаленность размещения воинских частей от населенных пунктов⁴.

Для третьего периода — 1980—1991 гг. — важнейшим стало выполнение интернационального долга советских войск на территории Демократической республики Афганистан (ДРА). Боевые действия соединений и частей показали возрастание роли электронных и печатных средств массовой информации, морально-психологического обеспечения личного состава воюющих группировок. С первого дня пребывания наших войск на территории ДРА личный состав частей и подразделений обеспечивался техническими средствами пропаганды по штатам военного времени. По предложениям, имевшим принципиальное значение, были разработаны бронезащиты для звуковещательных станций ЗС-72Б, выполнена опытно-конструкторская работа по созданию звуковещательной

станции ЗС-82, вооруженной пулеметом. Осуществлена замена войсковых радиоприемников МП-64, «Маяк», и «Маяк-М» на войсковой радиоприемник «Маяк-2» с универсальным источником питания.

СЕРЬЕЗНОЙ проблемой являлось использование дивизионных автотипографий БПК-63. Отсутствие хорошо подготовленных специалистов, сложные климатические условия не позволили в первые месяцы организовать качественный выпуск газет. Это потребовало создания и использования нового походного полиграфического оборудования. По мере разработки такой аппаратуры походные автотипографии БПК-63 стали заменяться вновь разработанными для экстремальных климатических условий походными автотипографиями АТМ-83.

Опыт ведения боевых действий в горной местности, в населенных пунктах потребовал создания вертолетной звуковещательной станции ВЗС-85. Первые серийные образцы этой станции начали поступать в войска в 1988 году.

В исследуемый период функции генерального заказчика и центрального довольствующего органа по техническим средствам обучения и воспитания в Вооруженных Силах СССР были возложены на Главное политическое управление СА и ВМФ. Довольствующими органами в военных округах, группах войск, округах ПВО в это время являлись отделы (отделения) технических средств пропаганды и снабжения политических управлений. В воздушной армии, армии ПВО, ракетной армии и корпусе задачи обеспечения соединений и частей техническими средствами пропаганды решал старший инструктор по снабжению политического отдела; в соединении — старший инструктор по снабжению политического отдела; в полку — начальник клуба.

Структура органов снабжения техническими средствами обучения и воспитания в ВМФ не претерпела существенных изменений и обеспечивала выполнение поставленных задач. Функции довольствующих органов выполняли отдел технических средств пропаганды политического управления Военно-

морского флота, отделы технических средств пропаганды и снабжения политических управлений флотов, отделение технических средств пропаганды и снабжения политического отдела флотилии, военно-морской базы, вещевая служба тыла береговой базы, авиационно-технической базы, отдельной части, кораблей 1 и 2 рангов.

С 1946 по 1991 год государственными органами, центральными органами военного управления совершенствовалась нормативно-правовая база снабжения войск. Были приняты союзные законы, постановления Правительства СССР, документы государственных органов, изданы приказы министра обороны СССР, которые определили организацию заказов технических средств пропаганды по государственному оборонному заказу, порядок снабжения войск техническими средствами пропаганды и политико-просветительным имуществом в соответствии с действующей организационно-штатной структурой Вооруженных Сил, прокат кинофильмов, табельные нормы обеспечения техническими средствами пропаганды, полиграфическим оборудованием и культурно-досуговым имуществом воинских частей Вооруженных Сил СССР в мирное и военное время, порядок открытия и функционирования полиграфических предприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 788825. Д. 2. Л. 2.

² Кондюрин В.И., Тютюник Е.Г. Технические средства пропаганды. 3-е изд. М.: Воениздат, 1987. С. 9.

³ Система телерадиовещания // Информационный бюллетень Главного управления воспитательной работы МО РФ. 1992. № 4. С. 12.

⁴ Приказ министра обороны СССР от 28 июня 1961 года «О введении в действие Сборника комплектов, норм расхода эксплуатационных материалов и сроков службы технических средств пропаганды и политико-просветительного имущества». М., 1961. С. 6; Приказ министра обороны СССР от 6 марта 1980 г. «О введении в действие типовых табельных норм снабжения техническими средствами пропаганды, другим политико-просветительным имуществом и комплектов полиграфического оборудования». М., 1980. С. 27.

Полковник Л.Д. САБУРОВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАТРОСЫ И АНАРХИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ Н.И. МАХНО. 1917–1919 гг.

В ИЗУЧЕНИИ проблематики Гражданской войны в России до недавнего времени почти не рассматривалась третья сила — махновцы и революционные матросы, к которым можно отнести основную массу матросов российского императорского флота из-за их активной роли в революционных событиях 1917 года. Это затрудняло понимание логики Гражданской войны, особенно на начальном и завершающем ее этапах. Серьезных исследований о махновском движении в советский период почти не было. Зато в постсоветской литературе оно вызвало большой интерес. Были изданы воспоминания Н.И. Махно¹, а также нескольких его соратников². Появился целый ряд специальных исследований о махновском движении³.

Советская историография, рассматривавшая деятельность революционных матросов, наоборот, представлена большим количеством как мемуарной⁴, так и специальной литературы⁵, что было обусловлено концепцией руководящей роли большевиков во всех революционных событиях. Но политическая активность военных моряков освещалась в основном только в период до 1918 года. Оставалась почти неизученной дальнейшая их деятельность, когда на почве разочарования новой властью настроения значительной части матросов стали приобретать левооппозиционный большевикам характер. Считалось, что революционеры не могут расходиться с большевиками. В постсоветский период этот стереотип продолжал действовать. Поэтому в современной историографии специальные работы о революционных матросах почти исчезли⁶ и представлены в основном на уровне отдельных диссертаций и статей⁷.

ПРИЧИНЫ сближения моряков и махновского движения в 1917–1919 гг. не ограничивались только общностью их леворадикальной политической линии. Ему способствовала географическая близость Черноморского флота с районом распространения махновского движения. Очень важную роль играли также богатые морские традиции запорожских казаков, наследниками которых считали себя махновцы. Им, как и многим матросам, оказалась близкой анархистская идеология.

В 1917 году центрами анархистского движения в стране являлись сначала Петроград и Кронштадт, а затем Москва и Украина. Анархисты пользовались поддержкой на флоте, когда критиковали Временное правительство и деятельность соглашательских партий. Однако к их теориям будущего матросская масса оставалась равнодушной⁸. На флоте из-за всероссийской известности эффективной революционной деятельности Кронштадтского совета наибольшую популярность получил лозунг «Власть Советам!». Соответственно, главными своими союзниками матросы считали большевиков, отстаивавших этот лозунг. Затем, после Октябрьской революции 1917 года, на почве разочарования в большевистском правительстве среди матросов стали популярны анархисты, особенно в главной базе Балтийского флота — Гельсингфорсе. Анархистски настроенные матросы были почти на всех кораблях⁹ и в Центральном комитете Балтийского флота (Центробалте). В дальнейшем, по мере укрепления советской власти значи-

тельная часть матросов, особенно в Петрограде и Москве, оказавшись во властных структурах, стала отдавать свои симпатии большевикам и партии левых эсеров.

На Украине и Черноморском флоте распространению анархизма способствовала обстановка безвластия, сложившаяся в южнороссийских губерниях в 1918 году, а также, как считал видный идеолог анархизма и «крестный отец» Н.И. Махно П.А. Аршинов¹⁰, удаленность от центральной коммунистической власти, которая после Октября 1917 года начала душить массовые движения трудящихся¹¹. Зимой 1917/18 года на юге Украины в связи с демобилизацией на Черноморском флоте появилось много анархистских матросских отрядов, по-своему осуществлявших советизацию на местах. В этих отрядах большинство составлял пришлый деклассированный элемент, привлеченный революционной фразеологией, особой популярностью матросов и их радикальными настроениями. Последние в дальнейшем рассеивались, а матросские отряды зачастую преобразовывались, распускались или вливались в более крупные красногвардейские соединения и в формируемые части Красной армии.

С НАЧАЛОМ немецкой оккупации в 1918 году матросы Украины объективно оказывались в авангарде той части населения, которая выступала против политики сотрудничества украинской Рады с немцами. Они являлись инициаторами создания многих партизанских отрядов самообороны на Украине. Чер-

номорские матросы, связанные с местным населением, гораздо сильнее балтийских были настроены против Брестского мира, а следовательно, против большевистских верхов, его заключивших. Поэтому в матросских отрядах анархизм в условиях столкновения с регулярными немецкими частями не изживался, а, напротив, получал подпитку, доходя до смыкания с окологоловными элементами¹².

Одним из наиболее известных отрядов руководила М.Г. Никифорова¹³ — землячка, предшественница по революционной борьбе, а затем и сподвижница Н.И. Махно. Впервые она вмешалась в большую политику в период июльского кризиса 1917 года, когда в числе группы петроградских анархистов смогла поднять кронштадтцев на вооруженную демонстрацию в столице¹⁴. Зимой—весной 1918 года М.Г. Никифорова во главе отряда Черной гвардии, костяк которого составляли черноморские и балтийские матросы, советизировала юг Украины, а затем начала воевать с оккупировавшими эту территорию немцами. При этом ее отряд взаимодействовал с другими матросскими отрядами, особенно с отрядом А.В. Полупанова¹⁵.

Поведение матросского отряда М.Г. Никифоровой вызвало недовольство советских властей. В апреле 1918 года она была арестована в Таганроге. Ее пытались судить за бесчинства по отношению к населению, но за нее заступились Н.И. Махно и черноморские анархисты во главе с А.В. Мокроусовым¹⁶, а также командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко¹⁷, имевший в 1917 году тесные связи с революционными матросами¹⁸.

Многие махновцы предпочитали носить атрибуты флотской формы, по-матросски обматывались крест-накрест пулеметными лентами, обращались друг к другу «братишка», любили плясать «яблочко» и другие матросские танцы¹⁹. Сам Н.И. Махно в детстве, по воспоминаниям его жены Г. Кузьменко, будучи отправленным матерью

в 9—10 лет к дальним родственникам, в их галантерейный магазин в Мариуполе, сбегал с работы и часами пропадал в порту среди моряков и рыбаков²⁰. Духовные наставники Н.И. Махно — «идейные» анархисты — активно участвовали в революционном движении, и среди них было немало матросов²¹. Н.И. Махно знал и уважал вожака балтийских анархистов А.Г. Железнякова²² и вспоминал о нем в эмигрантской печати, отмечая, что тот сделал большую ошибку, не разогнав после Учредительного собрания и большевистский Совнарком (СНК)²³.

АРМИЯ Н.И. Махно берет свое начало с осени 1918 года, когда в бою на стороне небольшого анархистского отряда²⁴ принял участие отряд его земляка — матроса Ф. Щуся²⁵. Затем крестьяне на митинге провозгласили Н.И. Махно батшкой, Ф. Щусь стал при нем адъютантом, но еще долго считал себя равным батшке. Таким Ф. Щусь считали и многие махновцы. Например, в документах 2-го съезда повстанцев и крестьянских Советов Гуляйпольского района в феврале 1919 года махновский штаб фигурировал как «штаб Махно и Щуся». На том съезде Н.И. Махно был избран почетным председателем, а Ф. Щусь — товарищем почетного председателя²⁶. Ф. Щусь опирался на значительную поддержку матросов на съезде. Так, председателем для его ведения был избран бывший севастопольский матрос левый эсер Б.В. Веретельников²⁷. Окончательно Ф. Щусь подчинился Н.И. Махно только в марте 1919 года²⁸. Позже он занимал у Махно должности начальника штаба, начальника кавалерии.

Впоследствии другой матрос — Д.И. Попов²⁹ стал ближайшим помощником Н.И. Махно³⁰. Он, по воспоминаниям начальника махновской контрразведки Л.Н. Зиньковского-Задова³¹, «крутил батшкой порой, как хотел»³². Д.И. Попов, по мнению некоторых исследователей, в определенной степени обеспечил преемственность демократических антибольшеви-

ских традиций левых эсеров, продолженных Н.И. Махно и позже ярко выразившихся в Кронштадте в марте 1921 года³³. Среди командиров, в основном начавших участвовать в махновском движении с его зарождения, имелись также бывшие матросы Чалый, Демерджи, Веретельников, Брова, М. Полонский, А.Е. Максюта, Гуро, Лященко, Кийко, Уралов, Красовский³⁴. Матросы часто назначались Н.И. Махно комендантами городов и занимали другие властные должности. Многие из них, по воспоминаниям современников, отличались крайним экстремизмом³⁵. При Н.И. Махно находился, например, преданный ему немой мужчина в матросской форме, который готов был убить каждого, не понравившегося батшке (его потом, по слухам, отравили)³⁶.

Особое место в ходе Гражданской войны занимали отношения между Н.И. Махно и П.Е. Дыбенко³⁷. В конце 1918 и начале 1919 года П.Е. Дыбенко командовал полком, бригадой и особой группой войск на екатеринославском и харьковском направлениях в боях против белогвардейцев и интервентов.

В первой половине 1919 года деятельность П.Е. Дыбенко на Украине приняла масштабный характер. Видимо, этому способствовали его революционность, национальность, работа в севастопольском подполье в 1918 году, известная оппозиционность большевистскому руководству при наличии в этой среде устойчивых с ним связей, в том числе личная дружба с В.А. Антоновым-Овсеенко, в январе 1919 года назначенным командующим Украинским фронтом, а также наличие брата — командира одного из петлюровских повстанческих отрядов, перешедших на сторону Красной армии. После взятия Харькова в начале января 1919 года П.Е. Дыбенко стал командиром группы войск екатеринославского направления, включившей несколько прибывших с Волги бронепоездов под командованием матроса С.М. Лепетенко. К лету эта группа насчитывала уже около десяти

«сухопутных броненосцев» и стала наиболее крупной в Красной армии³⁸. После занятия 5 февраля 1919 года Киева большевиками вопрос контроля ими почти всей Украины решился благодаря присоединению к ним главных партизанских вожаков Н.И. Махно и Н.А. Григорьева — авантюриста, симпатизировавшего левым эсерам, бывшего петлюровца³⁹. Для Н.И. Махно основными аргументами в пользу присоединения являлось то, что в его войсках сохранились прежние внутренние порядки (выборность командования, анархистская идеология и др.), а также то, что П.Е. Дыбенко — из матросов, а значит, махновцев поймет⁴⁰.

Присоединение Н.И. Махно к советским войскам П.Е. Дыбенко произошло во многом в ходе взятия ими 26 января 1918 года ключевого города Восточной Украины — Екатеринослава. П.Е. Дыбенко брал город не по плану Украинского фронта, а исходя из установленных им связей с Н.И. Махно⁴¹.

ПОСЛЕ взятия Екатеринослава была сформирована 1-я Заднепровская стрелковая дивизия под командованием П.Е. Дыбенко. В составе дивизии 1-ю бригаду, нацеленную на Николаев и Одессу, возглавлял Н.А. Григорьев⁴², 3-я под руководством Н.И. Махно наступала на Бердянск и Азовское побережье⁴³. 1-я Заднепровская дивизия быстро продвигалась и успешно брала созревшие для советизации южноукраинские города, получая благодарности и награды большевистской Москвы, нуждавшейся тогда в военных успехах. За взятие Мариуполя — крупного порта на Азовском побережье Н.И. Махно и его командир полка В. Куриленко⁴⁴ одними из первых в республике Советов были награждены орденом Красного Знамени⁴⁵. С выходом махновцев на побережье им пришлось немало заниматься флотскими вопросами. При этом действия бригады Н.И. Махно отличались самоуправством, склонностью к самочинным реквизициям.

Согласно курсу VIII съезда РКП(б) на борьбу с «партизанщиной» П.Е. Дыбенко по отно-

шению к Н.И. Махно практиковал в целом авторитарный стиль руководства⁴⁶. Однако сам допускал явные «левые» перехлесты, требуя от махновцев красноармейской дисциплины без учета их специфики⁴⁷. Пугая крестьян репрессивными мерами, он пытался запретить как «явно контрреволюционный» третий съезд Советов Гуляйпольского района, назначенный его ревсоветом на 10 апреля 1919 года. П.А. Аршинов считал этот шаг П.Е. Дыбенко «первым открытым покушением большевиков на свободный район»⁴⁸. В результате съезд все равно состоялся, а П.Е. Дыбенко только спровоцировал его антибольшевистский уклон.

Н.И. Махно начал все больше отдаляться от П.Е. Дыбенко и стал общаться с ним в основном по телеграфу. А тот под давлением Москвы строил планы удаления батьки от советского командования. В ответ последний назвал П.Е. Дыбенко «проклятым матросом»⁴⁹. Дыбенко терял авторитет у повстанцев и красноармейцев.

Проходя территорию Левобережной Украины «как нож сквозь масло», П.Е. Дыбенко вовлек советские войска в неоправданные боевые действия в Крыму. Тем временем требовались силы для Южного фронта против возраставшего давления войск А.И. Деникина, особенно в районе Донбасса. В.А. Антонов-Овсеенко, активно сопротивляясь требованиям И.И. Вацетиса и Л.Д. Троцкого о передаче войск соседям, тем не менее считал наступление П.Е. Дыбенко на Крым предпринятым «в порядке частной инициативы». Он дал приказание войскам П.Е. Дыбенко двигаться на Мариуполь на помощь Н.И. Махно, сражавшегося с деникинцами⁵⁰. Но у П.Е. Дыбенко возникли трудности с отрядами из так называемых таврических матросов, которые в большом числе остались в Северной Таврии после немецкой оккупации и имели даже партизанский флот из катеров и лодок⁵¹. Они просили о снабжении оружием. Значительная часть их была включена в сформиро-

ванные в Северной Таврии и Екатеринославе полки, которые отказывались выдвигаться на махновский фронт и всячески стремились в Крым⁵².

Основная территория полуострова была легко занята, так как этому способствовали недовольство местного населения деникинскими порядками и эвакуация интервентов из Севастополя из-за восстания на французских кораблях⁵³. Однако при попытках занять Керченский полуостров, переправиться на Тамань и ударить по Деникину с тыла начались неудачи. Здесь активно использовалась корабельная артиллерия Антанты. Одновременно усиливалось давление деникинских войск на махновцев в Северном Приазовье. В этих условиях Крым для П.Е. Дыбенко грозил превратиться в «мешок», выход из которого зависел от устойчивости махновского фронта. Н.И. Махно, испытывая затруднения в снабжении, во всех отношениях рассчитывал на помощь П.Е. Дыбенко и других вышестоящих начальников. Но Л.Д. Троцкий начал против Н.И. Махно кампанию в печати и тормозил снабжение его войск, а П.Е. Дыбенко не прочь был списать на батьку свои просчеты.

ВОСНОВЕ причин ухудшения отношений Москвы и Н.И. Махно лежало возрастающее недовольство крестьян введением 13 апреля 1919 года продразверстки на Украине. Оно привело к ряду антибольшевистских выступлений. Из них наиболее зрелым было восстание матросов в Николаеве. Требования восставших во многом предвосхитили лозунги Кронштадтского восстания в марте 1921 года⁵⁴. Николаевское восстание прежде всего повлияло на антибольшевистское выступление Н.А. Григорьева в мае 1919 года. Но значительная часть матросов, недовольная национализмом Н.А. Григорьева, в дальнейшем ушла к Н.И. Махно⁵⁵, который был заподозрен в возможности повторения григорьевщины и в начале июня необоснованно обвинен в измене. Сдав командование, он вместе с Ф. Щусем и не-

большой группой единомышленников ушел в подполье на правобережье Днепра⁵⁶.

Создавшаяся обстановка способствовала стратегическому поражению Красной армии — прорыву войск А.И. Деникина на Украину. Перед участниками повстанческого движения и матросскими отрядами встал вопрос: отступить ли с частями Красной армии с перспективой сложнейшего прорыва из района Одессы к Киеву, или, как это было год назад, оставаться в родных местах и вновь начинать партизанскую борьбу. В этих условиях части, которыми ранее командовали Н.И. Махно, П.Е. Дыбенко и Н.А. Григорьев, стали рассыпаться. С июля 1919 года, после того как Н.И. Махно вышел из подполья и призвал к возобновлению повстанческой борьбы, большая часть этих войск, и матросы в том числе, стала переходить под его начало⁵⁷.

В обстановке анархии на юге Украины многие матросские анархистские лидеры, несмотря на прежнее неприятие диктаторских методов Москвы, действовали в ее интересах. Так, А.Г. Железняков для борьбы против Н.А. Григорьева, который открыто поднял антисоветский мятеж, из матросов-анархистов создал команду бронепоезда, на котором героически погиб 26 июля 1919 года⁵⁸. А.В. Мокроусов в августе 1919 года в Николаеве сыграл решающую роль в предотвращении прорыва к махновцам основной части ранее считавшейся пробольшевистской бригады бронепоездов С.М. Лепетенко, в то время отсутствовавшего. Он не допустил расстрела матросами командира И.Ф. Федько, который заменил возглавлявшего оставшиеся верными большевикам войска Дыбенко, и его комиссара⁵⁹. Повышенной сознательностью и большевистскими симпатиями отличались и те бывшие матросы, которые перешли к Н.И. Махно со своими частями. В частности — командиры полков Демерджи и особенно М. Полонский⁶⁰, который позже был обвинен Н.И. Махно и его контрразведкой в большевистском заговоре и расстрелян. Этот случай явно отражал изме-

нение отношения Н.И. Махно к матросам из-за их стремления к самостоятельности и сознательного выбора многими из них большевистских позиций. Так, при прорыве к Н.И. Махно одного из матросских бронепоездов он к удивлению своего штаба приказал разоружить матросов, подозревая их в симпатиях к большевикам⁶¹.

После того, как Красная армия оставила Украину и началось наступление А.И. Деникина на Москву, Н.И. Махно своими успешными действиями в тылу деникинских войск в конце сентября 1919 года внес определенный вклад в то, что они были остановлены, а позднее и разгромлены. Моряки в рядах махновцев внесли весомый вклад в этот успех. После возвращения советской власти на Украину махновские повстанцы вновь влились в Красную армию, но из-за антикрестьянской политики большевиков сохранившееся ядро махновской армии постепенно развернуло до середины 1931 года массовое антибольшевистское движение в сельских районах Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Махно Нестор Иванович (1888—1934) — анархист-коммунист с 1906 г., из рабочих. За участие в террористических актах приговорен к смертной казни (1910), замененной бессрочной каторгой. Освобожден из Бутырской тюрьмы Февральской революцией 1917 г. В 1917 г. — председатель Гуляйпольского Совета. С апреля 1918 г. начал партизанскую борьбу против германских оккупантов. Отличался храбростью и жестокостью. В ноябре 1918 г. получил от повстанцев уважительное имя «Батько». В феврале 1919 г. махновцы вошли в состав Заднепровской дивизии Красной армии в качестве 3-й бригады. Н.И. Махно стал ее командиром. За взятие Мариуполя награжден орденом Красного Знамени (1919). В 1919—1920 гг. воевал с белогвардейцами и петлюровцами, а также против Красной армии. Трижды вступал в соглашение с советской властью и трижды рвал его. В августе 1931 г., после окончательного разгрома махновского движения, ушел в Румынию с небольшим отрядом. В эмиграции жил в Румынии, Польше, Германии, с 1925 г. — во Франции. Преследовался властями этих стран за анархистскую деятельность. Умер в Париже 25 июля 1934 г.

² Махно Н.И. Воспоминания. М., 1992; Белаш В.Ф., Белаш А.В. Дороги Нестора Махно. Харьков, 1993; Аршинов П.А. История махновского

движения (1918—1921). Запорожье, 1995; Волин В.М. Неизвестная революция, 1917—1921. М., 2005.

³ Колин В.В. Нестор Махно: мифы и реальность. Тверь, 1990; Волковинский В.Н. Махно и его крах. М., 1991; Голованов В.Я. Тачанки с юга. М., 1997; Шубин А.В. Махно и махновское движение. М., 1998; Он же. Анархия — мать порядка. Между белыми и красными. М., 2005; Телищев В. Нестор Махно: Историческая хроника. М.; Смоленск, 1998; Семанов С.Н. Махно. Подлинная история. М., 2001; Скурда А. Нестор Махно — казак свободы (1888—1934). Париж, 2001; Мосияш С.П. Одиссея батки Махно. М., 2002; Эврич Пол. Русские анархисты. 1905—1917. М., 2006.

⁴ Дыбенко П.Е. Мятельники. М., 1923; Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1925; Колбин Н.Н. Балтийский флот в 1917 году. Л., 1933; Измайлов Н.Н. Балтийский флот в октябрьские дни. М., 1957; Флеровский И.П. Большевистский Кронштадт в 1917 году. Л., 1957; Вахрамеев И.И. Во имя революции. М., 1957; Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966; Рошаль М.Г. На путях революции. М., 1986; Баранов С.Н. Ветер с Балтики. М., 1967; Цупов-Шапильский А.П. Матросы сходят на берег. М., 1970; Иванов Д.И. Я — матрос «Гангут»! М., 1987; Четверухин Г.Н. Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1989. № 10—12; 1990. № 2—4, 11—12; 1991. № 8.

⁵ Жуков В.К. Черноморский флот в дни революции. Л., 1931; Сивков П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 г. Л., 1946; Богданов А.В. Моряки-балтийцы в 1917 г. М., 1955; Гречаник Н., Попов П. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957; Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции / Сб. ст. и восп. М., 1958; Шангин И.С. Моряки в боях за советский Север (1917—1920). М., 1959; Столяренко М.А. Моряки в огне революции. Л., 1960; Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. Калининград, 1967; Гаркавенко Д.А. и др. Под знаменами партии. Л., 1965; Петраш В.А. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971; Селяничев А.К. В.И. Ленин и становление Советского Военно-Морского флота. М., 1979; Петров М.А. Большевизация южных баз Балтийского флота в 1917 г. Л., 1981; Кардашев Ю.П. Буревестники. М., 1987.

⁶ Елизаров М.А. Матросские массы в 1917—1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004.

⁷ Беляев В.В. Балтийский флот в период буржуазно-демократической революции в России. Вопросы историографии. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1992; Киличенков А. «Братцы, надо крови!» // Родина. 1996. № 7—8; Шалушкина М.А. Политическое сознание матросов в 1915 г. // Нестор. 2001. № 1; Юрковский Н.К. О матросских массах в 1917—1918 гг.:

опыт социально-психологической характеристики // Россия в XX веке. Сб. статей к 70-летию В.А. Шишкина. СПб., 2005. С. 13—22. На рост антибольшевистских настроений матросов после Октябрьской революции обращают внимание также современные исследователи Кронштадтского восстания марта 1921 г. и некоторых других конкретных событий Гражданской войны на флоте (см.: Кузнецов М.Н. За что был расстрелян Кронштадт. СПб., 2001; Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж. М., 2003 и др.).

⁸ Флеровский И.П. Указ. соч. С. 21, 22; Рассказывают участники Велико-го Октября. М., 1957. С. 109.

⁹ Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг.: В 2 т. 1917—1935 гг. М., 1999. Т. 2. С. 99, 107—109.

¹⁰ Аршинов Петр Андреевич (1886—1938) — революционер, из рабочих. За организацию террористических актов в революции 1905—1907 гг. приговоривался к смертной казни (апрель 1907). Бежал. Вновь арестовывался. 2 марта 1917 г. освобожден из Бутырской тюрьмы, где сидел вместе с Н.И. Махно. В апреле 1919 г. по приглашению Н.И. Махно прибыл в Гуляйполе, руководил идеологической работой среди махновцев. В январе 1921 г. выехал за границу. В 1931 г. вернулся в СССР. Репрессирован.

¹¹ Аршинов П.А. Указ. соч. С. 41.

¹² Деникинское подполье в Николаеве. Введение // Летопись революции. 1926. № 3—4. С. 8; Ермаков В.Д. Борьба большевистской партии против анархистского влияния в армии, на флоте и в партизанском движении в период Гражданской войны (1918—1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 131.

¹³ Никифорова Мария Григорьевна (1885—1919) — дочь офицера, из дворян. С 1905 г. — анархистка-коммунистка. За участие в террористических актах приговорена к смертной казни (1907), замененной на 20 лет каторги. Бежала за границу. Во время Первой мировой войны окончила офицерскую школу во Франции. Активная участница июльских событий 1917 г. в Петрограде. С августа 1917 г. развернула активную анархистско-организаторскую работу в городах юга Украины. Была сторонницей «безмотивного» уничтожения всех государственных учреждений и отличалась крайним экстремизмом. Как командир «Вольной боевой дружины» участвовала в боях с белыми и германскими войсками на Украине. За дискредитацию советской власти дважды привлекалась к суду (в апреле 1918 г. и в январе 1919 г.). Выехала в Крым для организации убийства А.И. Деникина. В сентябре 1919 г. в Севастополе была опознана и повешена.

¹⁴ Чон В. Маруся Никифорова // <http://www.makhno.ru/other/43.php>; Елизаров М.А. Кронштадты в июльских событиях 1917 года // VI Царскосельские чтения. Т. VI. История и современность. СПб., 2002.

¹⁵ Полупанов Андрей Васильевич (1888—1956) — матрос Балтийского

флота. Член РСДРП(б) с 1912 г. В конце 1917 г. во главе матросского отряда направлен для борьбы с Центральной Радой. В январе 1918 г. — комендант Киева, а затем командир матросского бронепоезда на Украинском и Восточном фронтах. В 1919 г. — командир Днепровской речной флотилии. Награжден орденом Красного Знамени (1921). В дальнейшем — на партийной и хозяйственной работе.

¹⁶ Мокроусов Анатолий Васильевич (1887—1959) — советский военный и хозяйственный деятель. В 1908—1912 гг. — матрос Балтийского флота, в 1917 г. — Черноморского флота. Лидер севастопольской группы анархистов. Зимой 1917/18 г. — организатор ряда черноморских отрядов для борьбы с калединщиной. Во время наступления германских войск — командир ряда частей и соединений Красной армии в Таврической губернии и на Северном Кавказе. В 1919 г. — командир бригады РККА на Украине. В 1920 г. — командир Крымской повстанческой армии. Награжден орденом Красного Знамени (1920). С 1921 г. — в основном на хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны. Полковник.

¹⁷ Антонов-Овсенко Владимир Андреевич (1883—1939) — советский военный и партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1903 г. Офицер. В 1905 г. перешел на нелегальное положение. Приговоривался к смертной казни за участие в вооруженных восстаниях, бежал из Севастопольской тюрьмы в 1907 г. В 1917 г. в основном вел революционную работу на Балтийском флоте. Один из главных руководителей Октябрьского восстания в 1917 г. в Петрограде. Нарком в первом составе СНК — член Комитета по военным и морским делам. В 1918 и 1919 гг. командовал советскими войсками на Украине. В августе—сентябре 1918 г. исполнял обязанности наркома по морским делам. Награжден орденом Красного Знамени (1923). В 1924 г. за связь с троцкистами снят с должности начальника Политуправления РВСР и переведен на дипломатическую работу. Репрессирован.

¹⁸ Махно Н.И. Указ. соч. С. 80—84; Воронин А., Авдеевский С. Маруся раздвоилась // Paradox. 2004. № 1. С. 96, 97; Мосияш С.П. Указ. соч. С. 75, 76.

¹⁹ Скирда А. Указ. соч. С. 234, 250; Мосияш С.П. Указ. соч. С. 127, 187, 452. Один из образов махновца в изображении советских писателей (К. Паустовского) мог быть таким: матрос с «длинной шеей жирафа, в разорванном до пупа тельнике. Очевидно, тельник был разорван нарочно, чтобы татуировка всем была видна» (Цит. по: Скирда А. Указ. соч. С. 288).

²⁰ Лактионов-Стезено Н. Нестор Махно — крестьянский вождь // makhno.ru/st/st9.php.

²¹ Мосияш С.П. Указ. соч. С. 241.

²² Железняков Анатолий Григорьевич (1895—1919) — матрос Балтийского флота с 1915 г. Анархист-коммунист. Будучи в январе 1918 г. начальником караула в Таврическом

дворце, предложил депутатам Учредительного собрания покинуть дворец. В дальнейшем комиссар и командир частей Красной армии на Юге. Руководитель революционного подполья в Одессе. Был командиром бронепоезда, убит в бою под Екатеринославом 26 июля 1919 г.

²³ Волковинский В.Н. Нестор Иванович Махно // Вопросы истории. 1991. № 9—10. С. 55.

²⁴ Герасименко К.В. Махно. Деникин А.И. Большевистский переворот. Харьков, 1990. С. 6.

²⁵ Щусь Феодосий (1893—1921) — из крестьян-батраков. В период Первой мировой войны — матрос Балтийского флота. В 1918 г. — один из самых активных членов анархистской гвардии Гуляйполя. В числе первых начал успешную борьбу с немецкими оккупантами. В махновской армии занимал ответственные командные должности. Убит в бою с красными в Полтавской губернии в июне 1921 г.

²⁶ Скирда А. Указ. соч. С. 312.

²⁷ Веретельников Борис Васильевич (?—1919) — рабочий Путиловского завода. В 1914 г. призван на Черноморский флот. Как член севастопольского комитета левых эсеров командирован в феврале 1918 г. в Гуляйполе, после чего примкнул к махновцам. Будучи командиром полка, погиб со всем полком, защищая Гуляйполе от белоказаков (см.: Скирда А. Указ. соч. С. 312; Волин В.М. Указ. соч. С. 436, 557; Кубанин М. Махновщина. М., 2005. С. 111).

²⁸ Шубин А.В. Махно и махновское движение. С. 67.

²⁹ Попов Дмитрий Иванович (1892—1921) — матрос Балтийского флота. Зимой 1917/18 г. командовал отрядом Красной гвардии в Финляндии. В марте 1918 г. назначен командиром левозэсеро-матросского отряда ВЧК в Москве. Организатор мятежа левых эсеров 6—7 июля, после подавления которого бежал на Украину и в октябре 1919 г. присоединился к махновскому движению. Осенью 1920 г. — руководитель махновской дипломатической миссии при заключении союза с большевиками против П.Н. Врангеля. Был арестован чекистами и в конце ноября 1920 г. расстрелян.

³⁰ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925: В 3 т. Т. 1: Июль 1917 г. — май 1918 г. М., 2000. С. 207.

³¹ Зиньковский (Задов) Лев Николаевич (1893—1938) — из рабочих Мариуполя. Анархист-коммунист. Был на каторге. Начальник махновской контрразведки в 1920—1921 гг. Уйдя в Румынию вместе с Н.И. Махно, затем нелегально вернулся в СССР. С 1925 г. — сотрудник ОГПУ. Репрессирован.

³² Оптоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия. Петрозаводск, 1994. С. 213.

³³ Голованов В.Я. Указ. соч. С. 235, 236, 243, 268.

³⁴ См.: Герасименко К.В. Указ. соч. С. 5, 10, 12, 36; Кубанин М. Указ. соч. С. 116; Скирда А. Указ. соч. С. 28, 57, 93, 203, 267; Голованов В.Я. Указ. соч.

Уважаемая редакция!

Пишет вам Курохтин Альберт Петрович, капитан 2 ранга в отставке, ветеран военной службы (на службе в ВМФ с 18 августа 1947 по 1 февраля 1985 г.)

На мой взгляд, журналу необходимо и дальше уделять внимание истории армии и флота со времен Петра Великого и до наших дней; истории войн, что пришлось вести Российской Империи, Советскому Союзу и Российской Федерации, особенно Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной, а также других войн в которых принимали участие Вооруженные силы нашего Отечества. Стоит продолжать публиковать материалы о выдающихся российских и советских военных теоретиках и практиках, внесших большой вклад в развитие военной науки и Вооруженных сил страны.

На страницах журнала хотелось бы увидеть материалы, посвященные 65-летию таких важных событий Великой Отечественной войны, как Харьковская наступательная операция советских войск, завершение героической обороны Севастополя, оборонительный период Сталинградской битвы и контрнаступление советских войск под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда, Курской битве, освобождению Киева и Левобережной Украины от немецко-фашистских захватчиков, битва за Кавказ, другим важнейшим операциям Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны, повлиявшим на переход стратегической инициативы в пользу Советского Союза. Думаю, что «Военно-исторический журнал» не обойдет вниманием эти даты.

На страницах «Молодежного военно-исторического журнала» публикуются материалы, которые представляют большой интерес как для молодежи, так и для людей старшего поколения. Думаю, следует продолжить выпуск этого раздела.

К сожалению, я пока не пользуюсь электронной версией «Военно-исторического журнала», но с интересом ознакомился с содержанием «Военно-исторического журнала. Интернет-приложение», опубликованным в 3-м номере журнала за 2006 год. По моему мнению, выпуск интернет-издания — дело нужное и полезное.

Желаю авторам редакции журнала, членам редакционной коллегии и редакционного совета «Военно-исторического журнала» больших творческих успехов в их деятельности.

С глубоким уважением,

капитан 2 ранга в отставке
А.П. КУРОХТИН
(г. Североморск)

С. 45, 96, 172, 252; *Мосияш С.П.* Указ. соч. С. 156, 191, 194, 433; *Волин В.М.* Указ. соч. С. 501, 503, 555; *Шубин А.В.* Анархия... С. 99; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917—1920 гг.). Сб. документов. Киев, 1963. С. 124, 598, 599, 641; *Семанов С.Н.* Указ. соч. С. 214.

³⁵ *Волковинский В.Н.* Указ. соч. С. 132; *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 59; *Оппоков В.* Указ. соч. С. 213; *Герасименко К.В.* Указ. соч. С. 12, 14, 39.

³⁶ *Семанов С.Н.* Указ. соч. С. 63.

³⁷ **Дыбенко Павел Ефимович** (1880—1938) — советский военный и государственный деятель. Из крестьян. С 1911 г. — матрос Балтийского флота. С 1912 г. — член РСДРП(б). В 1917 г. — председатель Центробалта и нарком по морским делам в первом составе СНК. В мае 1918 г. отдан под суд за сдачу Нарвы. По суду оправдан, но исключен из партии. С лета 1918 г. вел подпольную работу в Крыму. В Севастополе был арестован и в ноябре 1918 г. обменян на группу германских офицеров. С начала 1919 г. командовал рядом дивизий Украинского и Южного фронтов. Один из руководителей подавления Кронштадтского восстания в марте 1921 г. После Гражданской войны — на командных должностях в Красной армии. С 1928 г. командовал войсками ряда военных округов. Награжден орденами Красного Знамени (1919, 1921, 1922, 1931). Репрессирован.

³⁸ *Жуков В.К.* Черноморский флот в дни революции. Л., 1931. С. 300; *Демченко М.И.* Шестой повстанческий. М., 1964. С. 201; *Поцелуев В.А.* Броненосцы железных дорог. М., 1982. С. 72—74.

³⁹ *Субтельный О.* Украина: история. Киев, 1994. С. 463.

⁴⁰ *Мосияш С.П.* Указ. соч. С. 173, 178.

⁴¹ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне: В 4 т. М., 1932. Т. 3; *Голованов В.Я.* Указ. соч. С. 98.

⁴² **Григорьев Николай Александрович** (1878—1919) — штабс-капитан, политический авантюрист периода Гражданской войны в Херсонской губернии. В 1918 г. командовал петлюровскими частями, потом присоединился к Красной армии. За взятие Одессы награжден орденом Красного Знамени (1919). 7 мая 1919 г. поднял антибольшевистский мятеж. Разбит частями Красной армии. 27 июля 1919 г. убит махновцами за еврейские погромы и попытку установить связь с деникинцами.

⁴³ *Федин А.Х.* Прорыв таманцев // Под огненным стягом. Воспоминания участников гражданской войны. М., 1972. С. 166.

⁴⁴ **Куриленко Василий Васильевич** (1891—1921) — анархист-коммунист с 1910 г. Являясь организатором одного из первых повстанческих отрядов в Северной Таврии, летом 1918 г. присоединился к Н.И. Махно. За штурм Мариуполя награжден орденом Красного Знамени (1919). Убит в бою с частями Красной армии в июле 1921 г.

⁴⁵ *Мосияш С.П.* Указ. соч. С. 343

⁴⁶ *Аксьонов А.Ф.* Революционная и военная организаторская деятель-

ность П.Е. Дыбенко (апрель 1917—1938 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 126, 131, 193.

⁴⁷ *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 годы. М., 1997. С. 119.

⁴⁸ *Аршинов П.А.* Указ. соч. С. 94; *Шубин А.В.* Махно и махновское движение. С. 79.

⁴⁹ *Савченко В.А.* Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков; М., 2000. С. 29, 30.

⁵⁰ *Антонов-Овсеенко В.А.* Указ. соч. Т. 4. С. 334; *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 88.

⁵¹ *Рахша С.И.* Днепровцы. М., 1959. С. 42—45, 49.

⁵² *Антонов-Овсеенко В.А.* Указ. соч. Т. 4. С. 53, 58, 60.

⁵³ *Кефели Я.С.* генералом А.В. Шварцем в Одессе (осень 1918 — весна 1919 года) // 1918 год на Украине. Сб. воспоминаний. М., 2001. С. 156.

⁵⁴ *Ряппо Я.* Революционная борьба в Николаеве (1918—1919 гг.) // Летопись революции. 1924. № 4(9). С. 18—28; Матросское восстание // Октябрь на Николаевщине. Очерк по истории революции 1917—1920 гг. на Николаевщине. Николаев, 1927. С. 67—70; Південний Кронштадт // Літопис революції. 1930. № 2; *Савченко В.А.* Указ. соч. С. 118; *Ермаков В.Д.* Украинский Кронштадт // Смена. 1991. 19 июня; *Полторак С.Н.* Был ли «Украинский Кронштадт»? // Смена. 1991. 23 июля.

⁵⁵ *Шубин А.В.* Анархия... С. 184, 185.

⁵⁶ *Мосияш С.П.* Указ. соч. С. 247.

⁵⁷ *Шубин А.В.* Анархия... С. 230—233.

⁵⁸ *Щаденко Е.А.* Григорьевщина // Гражданская война. 1918—1921: В 3 т. Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928. С. 74, 75.

⁵⁹ *Ряппо Я.* Указ. соч. С. 32; *Урицкий С.* Между Одессой и Николаевым (бои 1919 г.) // Гражданская война 1918—1921 гг.: В 3 т. Т. 1. С. 100, 101; *Полікарпов В.* Бурям навстречу (Об А.В. Мокроусове). Симферополь, 1961. С. 74—76; *Скирда А.* Указ. соч. С. 112.

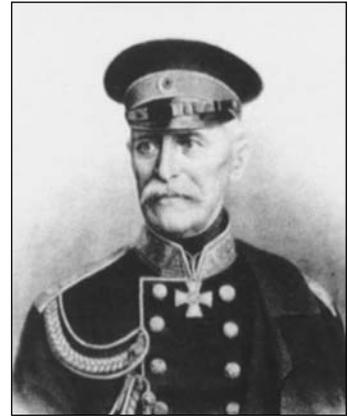
⁶⁰ *Голованов В.Я.* Указ. соч. С. 172, 174, 176.

⁶¹ *Кубанин М.* Указ. соч. С. 123. Автор, комментируя этот факт, писал, что махновская армия, как «партизанский табор», в отличие от регулярной армии не нуждалась в бронепоездах. Но это не так. Н.И. Махно был доволен, когда в феврале 1919 г. в преддверии штурма Мариуполя, получил в свое распоряжение от командования Украинского фронта бронепоезд «Спартак», который затем, очевидно, был пополнен махновскими матросами и поэтому переименован в «Матрос». В ходе взятия Мариуполя Н.И. Махно проявил личный героизм. См.: *Мосияш С.П.* Указ. соч. С. 180, 183—185.

**Капитан 1 ранга запаса
М.А. ЕЛИЗАРОВ**

ИМПЕРАТОР ПРИЗВАЛ ЕГО К УЧАСТИЮ В РЕФОРМИРОВАНИИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

**Адмирал А.С. Меншиков и его роль в истории
Военно-морского флота России**

ВОЦАРИВШИЙСЯ в 1825 году на российском престоле новый самодержец Николай I замыслил большие перемены в государственном устройстве империи. Уподобляясь своему великому предшественнику — Петру I, он считал одной из важных задач введение значительных преобразований в военно-морском флоте. Начиная с подбора достойных и ответственных лиц для проведения в жизнь предполагаемых реформ, решил при этом на довольно рискованный шаг — поставил во главе морского управления генерал-адъютанта А.С. Меншикова. Хотя тот и занимал довольно высокую ступень на общественно-иерархической лестнице в Российском государстве, все же был чужд флотской среде. Тем не менее император призвал его к участию в реформировании военно-морского флота.

Так кто же такой этот человек, заслуживший столь необычное внимание нового государя?

Правнук известного государственного военного деятеля эпохи Петра I генералиссимуса А.Д. Меншикова, он родился в семье сенатора. Воспитание и образование получил за границей. Свободно владел несколькими иностранными языками. В 1805 году, вернувшись в Россию, поступил на службу в коллегию иностранных дел при Берлинской и Лондонской миссиях. Но, видимо, его больше прельщало ратное поприще, и четыре года спустя Александр Сергеевич начинает свою военную карьеру с подпоручика гвардейского артиллерийского батальона. Еще через год становится адъютантом главнокомандующего Молдавской армией. При взятии турецкой крепости Туртукай был ранен в ногу. За храбрость в боях при форсировании Дуная удостоился ордена Св. Владимира 4-й степени. В 1811 году пожалован во флигель-адъютанты и назначен дивизионным квартирмейстером 1-й гренадерской дивизии, с которой и

встретил войну с Наполеоном. Ему довелось участвовать почти во всех крупных сражениях. За отвагу и боевое отличие его наградили орденом Св. Анны 2-й степени и золотой шпагой.

В 1816 году А.С. Меншикову присвоили звание генерал-майора с зачислением в свиту его императорского величества и назначением директором канцелярии Главного штаба. Вскоре, 6 октября 1817-го, пожалованный в генерал-адъютанты императора, он становится генерал-квартирмейстером канцелярии Главного штаба, а также входит в состав нескольких комитетов, в том числе и военно-научного. В 1821 году, когда Александр Сергеевич представил императору Александру I проект освобождения помещичьих крестьян от крепостного права, тот, до этого благоволивший к деятельному Меншикову, усмотрел в «вольнодумном проекте» крамолу и, отдаляя от себя бывшего фаворита, предложил ему стать посланником в Дрездене. Меншиков же посчитал это за оскорбление. 24 ноября 1824 года он вышел в отставку и удалился в свое имение. Но когда после восшествия на престол императора Николая I в России начались масштабные организационные мероприятия, Меншиков снова был призван ко двору. Сперва его командировали в Персию с чрезвычайной дипломатической миссией, которая оказалась столь трудной, что Меншиков некоторое время даже просидел в тюрьме у персов, хотя в итоге с поставленной задачей справился. За успешное ее выполнение монарх восстанавливает ему звание генерал-адъютанта и награждает алмазными знаками ордена Св. Анны 1-й степени. Потом настало время для него проявить себя и на новом поприще — оздоравливать военно-морской флот, где создалось очень серьезное, почти катастрофическое положение.

Вначале А.С. Меншиков помогал морскому министру А.В. фон

Моллеру, а затем был назначен начальником Главного морского штаба. Впрочем, этому предшествовал целый ряд примечательных как для флота, так и для самого Меншикова событий. Во-первых, был создан комитет по образованию флота, в который вошли вице-адмиралы А.Н. Сенявин, С.А. Пустошкин, А.С. Грейг, контр-адмирал П.М. Рожнов, капитан-командоры И.Ф. Крузенштерн, М.И. Ратманов и Ф.Ф. Беллинсгаузен, а также светлейший князь генерал-адъютант А.С. Меншиков, правда, пока в роли наблюдателя от лица императора. Новый орган выработал несколько законоположений по улучшению всех частей морского управления. Например, с января 1827 года появилась должность дежурного генерала при морском министерстве, которому вменялось в обязанность наблюдать за общим порядком, проводить инспектирование кораблей и морских команд, смотреть портов, арсеналов, маяков, верфей, мастерских и магазинов, осуществлять наблюдение за вооружением кораблей, их комплектованием, снабжением, а также строго следить за порядком расквартирования флотских чинов в столице. В мае того же года состоялось утверждение «Положения о предварительном образовании морского министерства», которое заменило Адмиралтейств-коллегию с ее экспедициями. Министерство составляли: канцелярия министра, адмиралтейств-совет под председательством министра (генерал-гидрограф, дежурный генерал, генерал-интендант, два неприменных и два ежегодно назначаемых члена), ученый комитет и четыре управления (генерал-гидрографа, дежурного генерала, генерал-интенданта и генерал-штаб-доктора). В марте 1828-го для сосредоточения всех частей морского управления был учрежден Морской штаб, переименованный в 1831-м в Главный морской штаб. Начальником его и стал А.С. Меншиков.

Это была очень ответственная и высокая должность, поскольку начальник Морского штаба докладывал обо всех делах на военном флоте непосредственно императору, а также отдавал приказания в соответствии с распоряжениями царя. Морскому министру (вице-адмирал А.В. фон Моллер) тоже разрешалось в случае необходимости входить с докладами к монарху, но не иначе как через начальника Морского штаба. Таким образом, последний фактически стал первым лицом в военно-морском флоте.

КАПРЕЛЮ 1836 года окончательно определилась структура Главного морского штаба как основной составной части Морского министерства: начальник штаба, генерал-гидрограф, дежурный генерал, инспектор морской артиллерии и морской строительной части, начальник военно-походной канцелярии, эскадр-майор, генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и адмиралы свиты императора. Кроме должности начальника Главного морского штаба, А.С. Меншиков занимал еще и пост председателя учрежденного с особыми правами и преимуществами адмиралтейств-совета, в ведении которого находились комиссариатский, кораблестроительный, корабельных лесов и артиллерийский департаменты и в который помимо председателя «в особе начальника Главного морского штаба» входили еще и другие лица, назначаемые лично царем. Все это привело к снижению роли морского министра как главы ведомства, да и сам фон Моллер во многом не устраивал Николая I. Вскоре он и вовсе был уволен от должности, а управление министерством целиком легло на начальника Главного морского штаба, т.е. А.С. Меншикова, наделенного правами министра.

Являясь последовательным сторонником всех нововведений Николая I, А.С. Меншиков, к тому времени вице-адмирал, и сам проявлял разумную и дальновидную инициативу. Так, он большое значение придавал материальному обеспечению флотских офицеров, и именно с его подачи начиная с 1834 года император трижды пересматривал в сторону увеличения должностные офицерские оклады. Светлейший князь Меншиков слыл в салонных светских кругах столицы самостоятельным и независимым человеком, обладающим изрядным чувством юмора, и автором метких адресных острот, которые могли бы составить целый сборник анекдотов. Кроме того, он обладал лучшей в России библиотекой, чему завидовали самые известные библиофилы¹.

Еще больше прославился он своим участием в боях. Так, в ап-

реле 1828 года в связи с начавшейся войной с Турцией Меншиков, уже будучи начальником Морского штаба, отправился во главе десантного отряда в Причерноморье для осады крепости Анапа. За взятие вражеской цитадели ему присвоили звание вице-адмирала и наградили орденом Св. Георгия 3-го класса. В июне того же года он возглавил отряд, действовавший при осаде Варны. Даже получив тяжелое ранение обеих ног, не покинул поле сражения, пока крепость не сдалась. За это ему был пожалован орден Св. Александра Невского, а также подарена одна из трофейных турецких пушек.

СНАЧАЛОМ Восточной (Крымской) войны (1854—1856 гг.) Николай I назначил А.С. Меншикова (к тому времени адмирала) главнокомандующим над военными сухопутными и морскими силами в Крыму. Его деятельность в то время оценивается военными историками неоднозначно. Ради исторической справедливости следует отметить, что объединенная англо-французско-турецкая эскадра намного превосходила российскую. И не только количественно, но и качественно, обладая значительным числом пароходов в отличие от русской стороны, располагавшей преимущественно парусными кораблями. Это — на море. Нечто похожее наблюдалось и на суше. Например, английские солдаты были вооружены нарезными ружьями энфилдовского образца 1853 года, стрелявшими более чем в 2 раза дальше и точнее, чем кремневые гладкоствольные ружья калибра 17,78 мм образца 1808 года, находившиеся на вооружении нашей армии².

Неудачи на Альме, под Балаклавой, Инкерманом и Севастополем заставили Николая I усомниться в полководческих талантах своего последовательного сподвижника-реформатора. В феврале 1855 года А.С. Меншикова освобождают от всех должностей с оставлением в звании генерал-адъютанта и члена Государственного совета, в сентябре назначают на короткий срок Кронштадтским военным генерал-губернатором, а в апреле 1856-го окончательно увольняют в отставку.

Умер А.С. Меншиков 19 апреля 1869 года на 73-м году жизни. Отпевали покойного в Адмиралтейском соборе. Во время похоронной процессии за катафалком шел царь. Похоронен светлейший князь в своем имении под Клином на погосте Дмитриевский, что в Кругу, в ограде Крестовоздвиженской церкви. В Севастополе, в музее истории Черноморского флота помещены его

портрет, шпага и кортик. Вот так скромно была запечатлена память об одном из известнейших в свое время преобразователей отечественного военно-морского флота. Примечательный факт, отражающий значимость этой личности как выразителя своей эпохи: прадед А.С. Меншикова — А.Д. Меншиков шел рука об руку по нелегкой дороге создания флота с пращуром Николая I — Петром Великим³. Надо отметить, что приближенные к сильным мира сего всегда вызывали зависть и раздражение у окружающих и, быть может, поэтому личность А.С. Меншикова, безусловно неординарная, характеризуется его современниками и многими последующими историками неоднозначно, часто негативно. Вот одна из таких противоречивых оценок: «Непомерное себялюбие, громадное самолюбие и самомнение, обширная начитанность, отсутствие привязанности к кому бы то ни было и к чему бы то ни было, недоверчивость к окружающим...»⁴. Или еще такая: «Меншиков был взъясан всеми милостями, пользовался неизменно благоволением Николая, обладал колоссальным богатством и занимал в придворной и государственной жизни совсем особое место. Он был очень образованным человеком... читал он книги на разных языках, обладал громадной библиотекой в тридцать тысяч томов на всех европейских языках. Он был умен и злоречив. По своему положению он примерно с сорокалетнего возраста ни в ком не нуждался, кроме, конечно, самого царя»⁵.

Разгадать загадку человека, деятельность которого была и обширна и разнообразна, возможно только после тщательного изучения исторической литературы об этой личности и эпохе, в которой А.С. Меншиков жил, а также многочисленных документов, пока мало или совсем не изученных. Они еще ждут своего вдумчивого, обстоятельного и объективного исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Искусство, 1981. С. 107.

² Зайончковский А.М. Восточная война 1853—1856. СПб.: Полигон, 2002. Т. 1. С. 216.

³ Долгоруков П.В. Российская родовая книга. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1856. С. 37.

⁴ Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 318.

⁵ Тарле Е.В. Крымская война. М: Военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР, 1943. Т. 2. С. 11.

М.Г. КУДРЯВЦЕВА

«КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ... СОЧЕТАЛ РЕДКУЮ ЧУТКОСТЬ И РЫЦАРСКИЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ И ПОСТУПКОВ»

ВЕЛИКИЙ князь Константин Павлович (27 апреля* 1779 — 15 июня 1831), второй сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, первичное военное воспитание получил, как и Александр, под руководством Н.И. Салтыкова и И.М. Долгорукова. «Константин Павлович беспрестанно меня обо всем расспрашивал и хотел весь механизм узнать в одну минуту. В нем видно было уже тогда природное расположение к военному ремеслу», — вспоминал И.М. Долгоруков¹. С 1794 года Константин Павлович начинает посещать Гатчину, где получает под свое командование первоначально 15 солдат. Впрочем, подарок сделала ему и бабушка — Екатерина Великая: 5 мая 1795 года он был назначен полковником Санкт-Петербургского гренадерского полка². В следующем году отец, взойдя на престол 7 ноября 1796 года, назначил его шефом лейб-гвардии Измайловского полка и командующим пятью эскадронами конной гвардии³. С июня 1797 года Константин назначается начальником кадетских корпусов⁴.

В марте 1799 года Константин Павлович отправляется волонтером к А.В. Суворову. Ему первому из Павловичей довелось побывать в боях. Уже через несколько дней после прибытия в действующую армию Константин Павлович принял участие в бою при Басиньяно, лично водил в атаку пехоту и довольно успешно распоряжался артиллерией. Храбро сражался Константин, своим присутствием воодушевляя войска, в битве

Великие князья на военной службе

Портрет великого князя
Константина Павловича

при р. Треббии и в сражении при Нови в августе 1799 года, где Суворов нанес сокрушительное поражение армии Жубера. За бои в Италии Павел пожаловал Константину алмазные знаки ордена Св. Иоанна Иерусалимского и удостоил его титула цесаревича. Храбрым и грамотным офицером и командиром показал себя Константин Павлович и в тяжелейшем переходе через Альпы, все время находясь в авангарде с егерями князя П.И. Багратиона. Великий князь горячо поддержал решение А.В. Суворова прорываться на Гларис, дрался на Сен-Готарде и у Чертова моста. В бою у Глариса он, находясь в боевой линии, обратился к солдатам с короткой воодушевляющей речью и увлек их в атаку. Во время пребывания в армии Константин Пав-

лович переносил все тяготы похода наравне с солдатами и офицерами. И если на первых порах он вызывал неудовольствие Суворова своей горячностью, то вскоре личной храбростью, мужеством и порядочностью заслужил его одобрение. «Всегдашнее присутствие его высочества перед войсками и на гибельных стремнинах гор оживляет их дух и бодрость. История увековечит его похвальные подвиги, которых я имел счастье быть очевидцем», — писал полководец Павлу. В Петербург великий князь возвратился в ноябре 1799 года.

До конца дней А.В. Суворов оставался для Константина Павловича одним из наиболее любимых и почитаемых людей. Например, П.И. Багратион вспоминает такой случай. Во время Швейцарского похода, когда русские войска из-за предательства австрийцев оказались в тяжелейшем положении, Суворов на одном из военных советов потребовал приложить все силы для продолжения борьбы, чтобы спасти «честь... России и ее самодержца» и при этом стал на колени, а «Константин Павлович первым быстро поднял его, обнимал, целовал его плеча и руки, и слезы из глаз его лились»⁵.

28 мая 1800 года Константин Павлович назначается шефом лейб-гвардии Конного полка⁶. Он с увлечением занялся полком, показав себя как заботливый начальник и великолепный кавалерист.

С восторжеством на престол 12 марта 1801 года брата Александра Константин, по сути, явился руководителем военных преобразований, возглавив в 1801 году воинскую комиссию, а в 1804 году — так называемый Совет о военных корпусах, в задачу которого

* Все даты приводятся по старому стилю.

входило реформирование военно-учебных заведений.

Именно благодаря Константину в русской кавалерии в 1803 году появился первый уланский полк, названный именем цесаревича. Боевое крещение уланы цесаревича получили под Аустерлицем в ноябре 1805 года. Наградой за храбрость и мужество в этом бою для полка стали 24 серебряные трубы.

В 1809 году из двух батальонов полка были сформированы лейб-гвардии Драгунский (с 1831 г. — лейб-гвардии Конно-гренадерский) и лейб-гвардии Уланский (с 1894 г. — лейб-гвардии Уланский ее величества) полки, не раз прославившие себя во многих боях. Цесаревич до своей кончины оставался их шефом⁷.

В 1806 году в резиденции Константина Павловича в Стрельне в связи с грозившей войной с Францией из крестьян императорских вотчин был сформирован батальон Императорской милиции с артиллерийской полуротой. Цесаревич вооружил весь батальон ружьями из своего арсенала, сам для него подбирали офицеров. Батальон отлично показал себя в боях кампании 1807 года, за что в начале следующего года был причислен к Гвардии, а вскоре переименован в лейб-гвардии Финляндский батальон, который в 1811 году был развернут в полк. Финляндцы не раз отличились в сражениях с армией Наполеона. Цесаревич был шефом полка с 1813 года до своей кончины⁸.

Цесаревич был активным участником Русско-австро-французской войны 1805 года, Русско-пруско-французской войны 1806—1807 гг. Под Аустерлицем он командовал Гвардией. Гвардейцы проявили чудеса храбрости, а Константин был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. В кампанию 1807 года Константин отличился в сражении при Гейльсберге, для нас в целом неудачном.

Видя тяжелое положение армии и недостаток резервов, цесаревич выступал за прекращение войны, но Александр тогда не внял его доводам. Лишь после неудачного Фридрихс-

бургского сражения, в результате которого армия Наполеона вышла к границам России, пришлось закончить боевые действия. Во время встречи летом 1807 года Александра I с Наполеоном в Тильзите (ныне Советск Калининградской обл.) Константин получил от французского императора орден Почетного легиона и обменялся с ним шпагами.

Понимавший значение артиллерии Константин Павлович принимал активное участие в испытаниях новых образцов картечи. Основные работы в этой области развернулись после кампании 1805 года. «Великий князь утверждал, что артиллерия должна искать средства увеличить дальность своей картечи, а если это невозможно, то заменить картечный огонь разрывом гранат, пригоняя трубки на разные дистанции», — писал В.Ф. Ратч⁹. Соответствующие испытания с участием лейб-гвардии конно-артиллерийской роты проходили в резиденции Константина Павловича в Стрельне. Однако довести опыты до конца не удалось из-за начала кампании 1807 года.

В НАЧАЛЕ Отечественной войны 1812 года Константин был одним из немногих сторонников мира с Наполеоном. Находясь в 1-й Западной армии в качестве командира 5-го (гвардейского) пехотного корпуса, цесаревич открыто и во всеуслышание осуждал отступление главнокомандующего М.Б. Барклая-де-Толли, почему и был отослан им из армии в Москву для словесного доклада государю. Однако вскоре Константин вернулся к войскам и принял участие в сражении под Смоленском. Новая ссора с Барклаем стала причиной его вторичного отъезда из армии. Впрочем, в декабре 1812 года в Вильне он снова принял командование Гвардией, с честью пройдя Заграничные походы 1813—1814 годов., причем в 1813 году командовал русско-пруским резервом¹⁰. Цесаревич отличился в сражениях при Бауцене, Дрездене, Лейпциге, Фер-Шампенуазе. Наградой за Дрезден стало золотое оружие, за Лейпциг — орден Св. Георгия 2-й степени.

Атака цесаревича во главе лейб-гвардии Конного и Драгунского полков на левый фланг французов под Фер-Шампенуазом признана одной из наиболее блестящих кавалерийских атак эпохи Наполеоновских войн¹¹. «В кампаниях 1813—1814 гг. великий князь Константин Павлович выказал качества храброго и блестящего генерала», — писал Дж. Денисон¹².

Вскоре после парижских торжеств Александр I возложил на плечи Константина трудную и почетную обязанность — командовать воссоздающейся Польской армией в рамках созданного в 1815 году Королевства Польского (Царства Польского) — части Польши, отошедшей к России по решению Венского конгресса 1814—1815 гг. Цесаревич, поселившийся в Варшаве, с увлечением занялся созданием новой Польской армии, и уже 12 апреля 1814 года представлял эти войска на смотре в Сен-Дени своему венценосному брату.

С января 1816 года он являлся главнокомандующим Польской армией, а с июля 1817 года на основе 28-й и 29-й пехотных дивизий формировал Литовский корпус¹³.

Польская армия состояла из нескольких частей: собственно поляки, в основном ветераны Наполеоновских войн (3 пехотные и 3 кавалерийские дивизии), Литовский корпус, Гвардейский отряд: русские лейб-гвардии Литовский, Волынский, Уланский цесаревича полки, а также Гродненский гусарский, Подольский кирасирский и Польский конно-егерский полки¹⁴. Срок службы в Польской армии для нижних чинов устанавливался в 8 лет, офицерское жалование было выше, чем в русской армии¹⁵.

«Сын императора Павла, но и ученик Суворова — цесаревич Константин с любовью к «фрунту» сочетал и любовь к войскам. Он добивался выдающихся результатов по строевой части не дрессировкой, а воспитанием, действуя на самолюбие войск, возбуждая соревнование русских и польских частей. Одновременно цесаревич обращал внимание и на полевую подготовку своей армии. Едва не утонув в итальянский поход в неудачном де-

ле при Басиньяно, он обращал особенное внимание на плавание, и в этом отношении его войска достигли необычайной виртуозности... Стараниями цесаревича Польская армия за пятнадцать лет была доведена до высокой степени строевой и боевой подготовки... Особенным расположением цесаревича пользовался 4-й линейный полк — знаменитые «чвартаки», отпетые головы, но и самые лихие строевики во всей армии. Весь в отца — Константин Павлович с крайней запальчивостью сочетал редкую чуткость и рыцарский образ мыслей и поступков», — писал А.А. Керсновский¹⁶. Как и его отец, цесаревич мог публично извиниться перед несправедливо наказанным им офицером. Большой любовью пользовался цесаревич среди солдат. Перенимать польский опыт в Варшаву неоднократно приезжали русские и иностранные генералы и принцы.

НАДО отметить, что с 1826 года Константин фактически исполнял в Польше обязанности наместника. От своих прав на русский престол он отрекся в письме к Александру I от 14 января 1822 года, подтвердив это 26 ноября 1825 года. Кстати, одна из причин отречения — морганатический брак с 24 мая 1820 года с Иоанной Антоновной Лович, урожденной графиней Грудзинской. Тайна отказа Константина от престола явилась поводом для восстания декабристов в 1825 году.

Находясь в Польше, Константин продолжал исполнять и обязанности командира Гвардейского корпуса, начальника кадетских корпусов и генерал-инспектора кавалерии русской армии. В частности, именно им в нашей кавалерии введена посадка, когда плечо, колено и носок всадника находились на одной вертикальной линии¹⁷. Необходимо отметить, что, в отличие от своих братьев, цесаревич весьма критически относился к царившей тогда в армии муштре.

Увы, столь любовно пестуемые Константином Павловичем польские войска боевое крещение получили в сражениях... с русской армией. 17 ноября 1830 года, в связи с намерением им-

ператора Николая Павловича отправить польские войска для подавления революции в Бельгии, в царстве Польском вспыхнуло восстание, охватившее также территорию Литвы, Западной Белоруссии, Правобережной Украины. Заговорщики напали на резиденцию цесаревича с намерением убить его (опасаясь, что польские войска откажутся бунтовать против любимого ими начальника), но Константину удалось спастись. Не желая кровопролития, с верными ему частями он отступил от Варшавы к Бресту¹⁸. Прибыв к государю, Константин горячо ходатайствовал перед ним о снисхождении к полякам и польской армии. Потрясенный случившимся, цесаревич передал себя в подчинение генерал-фельдмаршалу И.И. Дибичу-Забалканскому, командующему посланными на подавление русскими войсками, а позднее, обвиняемый в покровительстве полякам, вынужден был уехать из армии в Белосток. Из-за угрозы захвата Белостока мятежниками Константин Павлович отбыл в Витебск, охваченный холерой. 15 июня 1831 года цесаревича Константина Павловича не стало. Похоронен в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. Между прочим, тогда же в районе Пултуска умер от холеры и И.И. Дибич-Забалканский.

«Рассматривая Константина Павловича как человека, нельзя не отметить, что он унаследовал от отца вместе с неуравновешенным характером и склонностью к вспышкам бешенства рыцарское благородство и прямодушие. Добрейший человек вне службы, чрезвычайно скромный и невзыскательный в личной жизни... он... все свои деньги раздавал бедным офицерам и солдатам, навещая их за просто, крестя у них детей, шутя и балагуря с ними; зато на службе, перед фронтом, он был грозен... Как военачальник Константин Павлович являлся замечательным войсковым организатором и инструктором, умевшим сделать врученные ему войска первыми среди всех европейских армий. Особое внимание он уделял кавалерии и достиг в отношении ее огромных результатов как в отношении

одиночной езды, так и массовой ее обученности. Как боевой генерал Константин Павлович проявил недюжинные дарования и усвоил из суворовской школы быстроту и натиск»¹⁹. Таков был один из участников последнего суворовского похода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004. С. 103.

² Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. III. СПб., 1997. С. 14.

³ Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия. 1797—1917. Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 178.

⁴ Там же.

⁵ См.: Михайлов О.Н. Суворов. М.: ДОСААФ, 1989. С. 484.

⁶ Кузьмин Ю.А. Указ. соч. С. 178.

⁷ Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры: По 1-е мая 1910 года. 2-е изд. // Под ред. В.К. Шенка. [СПб., 1910]. С. 148—155.

⁸ Лейб-Гвардии Финляндский полк: 190 лет: Краткая история / Сост. С. Малышев. СПб., 1996. С. 3—9; Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. С. 82—84.

⁹ Публичные лекции, читанные при Гвардейской артиллерии полковником (ныне генерал-майор) Ратчем в 1860 году // Артиллерийский журнал. 1861. № 1. С. 24, 25.

¹⁰ Русская армия 1812—1814. М., 2000. С. 20.

¹¹ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 16.

¹² Денисон Дж. История конницы. Кн. I. М., 2001. С. 349.

¹³ Кузьмин Ю.А. Указ. соч. С. 178.

¹⁴ Керсновский А.А. История Русской Армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии: 1814—1881 гг. М., 1993. С. 19, 20.

¹⁵ Высколков Л.В. Император Николай I. Человек и государь. СПб., 2001. С. 200.

¹⁶ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Брикс Г. История конницы: Кн. II: Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона. М., 2001. С. 248.

¹⁸ Орлов А.Н. Умирение Польского восстания 1830—1831 гг. // История русской армии: 1812—1864 гг. СПб., 2003. С. 615.

¹⁹ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 18.

Е.И. ЮРКЕВИЧ

«ВОЙНА БЕЗ ПОРЫВА, КАК ДЕЛО БЕЗ СТАРАНИЯ, ОБРЕЧЕНА НА НЕУДАЧУ»

Фронтовые письма есаула А.А. Упорникова периода Первой мировой войны

29 [марта 1917 г.]. Свободно-го времени сколько угодно, и я пробую, хоть и по страшной грязи, бродить по полям. Свои мечты о боевом лете я понемногу бросаю. Если и будет что-нибудь, то никогда уж не вернется старое. Главное, в сердце уже нет места былым порывам, а без этого что же сделаешь? Я брожу по полю, и чаще все приходит на ум то, о чем мы всегда мечтали. Если можно было бы сразу быстро прожить все, что еще нужно. Мне страшно все надоело. Что удивительного, что мне здесь скучно. Боев нет, а проводить время за картами и проч[им] я не мастер. Теперь много внимания, правда, уделяется случившемуся перевороту, но я обрадовался слишком рано. Мы стараемся всеми мерами сделаться слабее противника и даже хорошее поворачиваем на плохое.

Командир дивизиона до сих пор не приехал, и где он болтается, никто не знает. Я себе не могу уж представить – неужели снова будет зима?

30 [марта]. Не хочется верить в возможность еще долгого такого же существования. Должны же быть какие-нибудь перемены. Иначе — ведь это же в конце концов похоже на тюрьму. Я не отказываюсь от боя и пойду куда угодно с удовольствием, но гнить больше не могу. Говорят, трудно было в 14-м году, а по моему, тогда один праздник был. Вот когда действительно страшно трудно. Ведь такая жизнь уродует, и я порой думаю, что превращусь в какую-то тряпку. А тут еще эти свободы. Так досадно читать все эти воззвания. Будто бы мы без них не знаем, что делать. Лучше, если б не мешали.

3 [апреля]. Я либо ничего не смыслю [либо что-то иное], но

газеты, политика и трескучие громкие фразы мне надоели и опротивели. Весь ужас в том, что я совсем перестал верить в людские слова. Ведь так ясно, чего добивается каждый. Я одно сознаю, что перестал быть тем корнетом, который от души дрался, от души смеялся и всегда рад был лезть в самые опасные предприятия. Когда скаковая лошадь приходит к тому состоянию, в котором нахожусь сейчас я, то про нее говорят, что она потеряла сердце. Это значит, что из нее без отдыха больше ничего не выжмешь.

4 [апреля]. В батарее я теперь большей частью веду беседы с казаками и, конечно, на темы самые горячие. Жаль только, что большинство вопросов, которые их очень интересуют в силу вещей, пока остаются открытыми. Ведь для них вся жизнь там, на Дону. А что ответишь утвердительно на такой хотя бы вопрос, как земельный, или о будущем порядке службы? Народ у нас — все солидный, и им [казакам] решительно безразличны хулиганские интересы. У казаков настроение хорошее, и если бы отбросить некоторых, то было бы совсем отлично.

5 [апреля]. Главное, нам нужно драться, а я не [на] много ошибусь, если скажу, что мы сейчас все что угодно, но только не воины. Но знаешь ли, все то, что творится сейчас, только первые дни меня немного увлекло.

8 [апреля]. Мне просто воздуха не хватает от какой-то щемящей тоски.

Я глубоко убежден в правильности взгляда тех, кто говорит, что нам сейчас нужно драться и драться. Но есть и иные мысли. Почему люди не хотят понять, что их выводы состоят сплошь из противоречий?

Отменяя смертную казнь, с одной стороны, они бессильны

А.А. Упорников (в центре) с подчиненными 1916 г.

остановить смерть в рядах лучших людей. Объявляя такой акт гуманности, как право каждого народа строить свою жизнь как он может, наряду с этим продолжают войну, которая в принципе противоречит этому. Ведь самое слово «война» не может быть сопоставлено с такими жестами. Лучше было бы взглянуть в страницы истории и понять наконец, что только сильный имеет право на жизнь, а потому, если уж быть преступниками против человечества, так уж хоть с пользой для себя. Ведь нетрудно проверить, что война пока для человечества — нормальное состояние, ибо до сих пор на 13 лет войны приходится только год мира. Но не в этом дело — обидно то, что жизнь человека — все же не свободный дар, а совсем наоборот. Не то же ли это рабство? И по-прежнему все равно свободный гражданин здесь будет называться «штыком» и «саблей». Например: «тридцать тысяч штыков». В моей душе [из-за] всего этого понемногу

появился разлад, а с таким настроением далеко не уйдешь.

Будущее само покажет, как отзовется это на деле. Армия, в общем, не должна стать слабее, а сильнее будет, если тыл скоро кончит праздновать.

15 [апреля]. Пишу тебе в 500 шагах от немцев. Кругом слякоть, грязь и прочая гадость. Не знаю, как сложится обстановка дальше, а пока все по-старому. Мне на долю выпала довольно противная обязанность – это быть выборным от офицеров батареи. Ведь теперь все так устроилось, что только тыловая жизнь кипит и только ею интересуются. Что касается боя, то о нем думают, пожалуй, только такие чудачки, как я да Гриша, а остальные даже и говорить перестали об этом. Вообще нужно ждать довольно противных осложнений здесь. Драться бы, так уж как следует, а так чего же нас мучают?

16 [апреля]. Пока я занят устроением позиции и, несмотря на все препятствия вроде лени, свобод и проч[его], добьюсь, что она будет сделана на немецкий манер. Строю такие лисы норы, что нас никакие снаряды не возьмут. Позиция эта будет делом моих рук с начала и до конца. И мне хочется создать живой укор тем, кто говорит, что мы не можем за недостатком средств устраиваться так, как наши враги. Жаль только, что связан «большим» командиром. Если бы не это, то с нашими казачками можно было бы сделать чудеса. Теперь будем ждать дней будущих, и, если бы они принесли решительную развязку, то это было бы счастье.

17 [апреля]. Противно то, что здесь у меня как-то выбита почва из-под ног и не потому, что теперь новый порядок жизни. Уж слишком в скверные формы вылилась война, и, право, впереди никакого просвета. Теперь быть убитым противно, а ведь когда-то я считал это чуть ли не за счастье. И ведь можно было так настроить себя, что даже завидовал всем красивым могилам. Одним словом, у меня в корне изменился взгляд на все, а так воевать трудно. Дай Бог, чтобы все возможно скорей кончилось. Мне останется [пусть] хоть капля той веры в свое дело, которой у меня раньше было так много.

24 [апреля]. Сегодня ночью ожидаем атаку на свой участок,

так по крайней мере показал перебежчик, но это мне кажется маловероятным. Чего нас атаковать? Ведь в сегодняшнем номере газеты даже такое сообщение встречается – разрабатываются правила братания с неприятелем. Свобода собраний вовсю пошла. Одним словом, одна гадость, и, по-видимому, нет никакого просвета. Да, политические штуки придумаются теперь наблюдать [повсеместно], и над всем этим можно было бы только посмеяться, если закрывать глаза на то, что получается от этого. Патриотизм мой совсем испарился, и я одинаково чувствую себя чуждым всяким течениям. Право, хорошо было бы, если бы война кончилась этим летом.

Мы сейчас стоим очень близко к немцам – слышны их разговоры, песни, а сегодня у них где-то близко играет оркестр и все время гул веселых голосов. А мы молчим. Не говорит ли этот факт сам за себя?

26 [апреля]. Две недели мы уже стоим на позиции, и только сегодня я наконец закончил все работы, которые еще раньше наметил. Позиция построена по всем последним требованиям войны, и я доволен работой. Одна только мысль неприятна, это то, что, пожалуй, все лишнее. Мое глубокое убеждение, что теперь здесь все стало второстепенным и все равно не здесь будет решаться судьба наша. Но хоть за то спасибо, что две недели шла энергичная работа и [что] это хоть временами отвлекало от грустных мыслей.

Как обидно и больно сейчас на душе! Ведь нас второй раз за эту войну обезоруживают. [Если] тогда не было только снарядов, [то] сейчас ушла из армии ее душа. А война без порыва, как дело без старания, обречена на неудачу.

Какая злая ирония – ведь армия же была когда-то отличная и когда-то делала сказочные дела. Теперь это толпа.

Мне теперь уже все равно, какой конец, лишь бы только он был возможно скорей. Неужели же еще одна зима и при таких условиях – ведь так же никого не хватит.

29 [апреля]. Вот и конец апреля.

Я лично с удовольствием отправился бы на время в тыл. В таком периоде, как сейчас, война мне совсем не по душе,

да и пожить хоть немного хочется по-человечески.

Сегодня я снова на положении командира и, наверно, пробуду так около месяца. Одно верно, что всему есть свой конец – только этим и можно утешаться. Жаль только, что дни проходят даром, и уходят-то ведь все хорошие дни. Но что сделаешь, если мы родились в такое время.

30 [апреля]. Регулярно бессонные ночи дежурства, да и так редкой ночью обходится без легкой стрельбы.

Время сейчас крайне тяжелое – я даже не могу подыскать сравнение, когда было так скверно. Теперь, как никогда, каждый офицер на счету – нужно приложить все усилия, чтобы с честью выйти из создавшегося положения. Я противоречу теперь часто сам себе, но не в этом дело. Мне в высшей степени безразлично, как решатся сложные вопросы войны и мира и что творится в тылу. Я только одно сознаю, что могу до некоторой степени своими знаниями сохранить несколько лишних жизней, и к этому сводится вся задача. Батарея – сильная вещь, и от офицеров ее много зависит. Значит, пока я здесь, нужно сделать все возможное.

Ловчусь в тыл, и сегодня чувствую себя от этого так, как будто бы мне кто-нибудь дал пощечину. В общем, на душе удивительно гадко, а главное, никак не решить, что же в конце концов правильно.

Неужели я еще не все сделал, что мог?

1 [мая]. Бывают дни, когда в уме делаешь подсчет всему прожитому за недавнее прошлое. У меня сегодня именно такой день. На душе скучно, будто прошелся по недавно оживленному, а теперь мертвому полю. Да и что держит меня в этой батарее? Без славы, без товарищей и как будто даже не понимаемый никем. Я не могу понять, как можно говорить о приятном времени сейчас. А ведь порой слышишь и такие вещи, как «нет худа без добра, и не будь так плохо, мы не шли бы сейчас куда-то на кормежку лошадей». Это значит, что впереди предстоят два-три месяца покойной жизни, [то есть] новая затяжка войны, что это лето, наверно, почти пропавшее, а следовательно, снова

зиму [проведем] здесь, и снова [лишь] надежды на будущие всходы. Ведь это какая-то сказка про белого бычка, какой-то заколдованный круг, из которого нет сил вырваться.

И вот после 2,5 лет войны все-таки приходишь к заключению, что не в такой бы части хотел служить.

Не все ли равно, до чего договорятся и довоюются. Как и раньше, я рад был бы драться, да ведь времена пошли иные, и все чаще хочется задать вопрос, к чему все это было?

8 [мая]. Я теперь сильно мечтаю устроиться куда-нибудь в тыл. Дожил же до такого отрицания всего! Но что больше всего странно, так это то, что наряду с таким нехорошим желанием мне страшно хочется вернуть всю прежнюю веру в то, что мы победим. Действительность, конечно, мало способна поддерживать эти мечты. Не думай, что это я говорю потому, что авторитет офицеров совершенно упал. Это, безусловно, явление временное и ненормальное в той же мере, как вообще сейчас ненормальна жизнь во всей России. Корни разложения гораздо глубже, и их нужно искать там, где раздаются возгласы: «Война до победы». Чтобы победить, нужно быть активным, а этого никто не хочет. Ведь ты подумай, разве нормально, что мы стоим с осени 15-го года и при желании живем, как угодно весело? При таких условиях армия все равно должна погибнуть, ибо появляется тоска. Мне приходится наблюдать третью весну за казаками, и видно, что люди не могут равнодушно смотреть на всходы. Их тянет к привычному труду, и почти смешно в такое время попробовать заполнить их время «занятиями». Это такая тоска! Ведь все они стали профессорами своих обязанностей, а ученого учить – только портить. За тоской наступают [сперва] раздражение, затем апатия. Вот почему мне так хотелось всегда начала боевых действий. Тогда некогда думать, а значит, и легче быть здесь. А в общем, хорошо было бы, если бы все скорей кончилось.

Итак, я почти ставлю над собой крест. Что из этого получится – не знаю. Удастся ли мне удрать или нет, это, пожалуй, все равно. Ведь важно то, что принято решение, на которое еще недавно я бы никогда не

согласился. Что же случилось? Неужели теперь не нужна больше работа офицера, или это плод самой противной обиды? Не знаю – не могу разобраться сам. Мне только одно ясно, что все стало глубоко безразлично, что прежней любви к своему делу нет, а без души тут ничего не сделать. А жить хочется страшно! Пусть это будет позорно в глазах других, главным образом тех, кто может работать и под плевками. Я этого не могу. Моя совесть спокойна.

9 [мая]. Эти месяцы на позицию уже, наверно, не попаду больше, да и вообще складывается такое впечатление, будто бы больше уж не придется драться. Расчеты немцев оказались правильными, и нужно думать, что они добьются своего. Да не все ли равно теперь. Патриотическое чувство пропало совершенно, веры нет ни в кого и ни во что.

14 [мая]. Сделали небольшой поход, но шли, как похоронная процессия. Да, пожалуй, и не будет слишком смелым, если назвать этот уход в тыл похоронами всего того, во что верилось в начале войны так смело, а в последние дни все-таки хотелось еще верить. На душе у меня коряво, да ведь хорошему настроению неоткуда взяться. В будущем мне мало светлого кажется в этой службе, в этом положении офицера, отвечающего за все и абсолютно ничего не значащего. Когда-то, надевая погоны, мне хотелось быть образцом рыцарства, и на звание офицера, мне казалось, подчиненные должны были молиться. В таком духе хотелось работать, и за всю свою службу я не помню случая, чтобы отошел от своих принципов. Были разочарования, были столкновения среди своих же товарищей. Мои взгляды часто открыто осмеивались, но все это было только препятствием, которое всегда можно было обойти. [Выдавалось] серьезное дело, и мне всегда приходилось играть в нем одну из первых ролей. Так складывалась жизнь. И вдруг все пропало. Даже бороться не с чем и незачем. Война, на мой взгляд, уже проиграна, и теперь совершенно безразлично, будем ли мы продолжать драться. Это будет, может быть, кому-то выгодно, но только не нам. Теперь незачем быть умным, сильным – это не нужно. [Нужны] красный флаг и уменьше

для этой минуты. [Теперь] прежний враг – приятель. Так сделал мой бывший командир, так делают все, на него похожие. Да и могло бы разве случиться иначе, ведь у них нет ничего, что дорого. И разве любили они когда-нибудь свое военное дело? Разве видели они в нем раньше что-нибудь выше, чем начальство? Теперь роли переменялись, и они спешат быть современными. Как все понять? Порой такая тоска! Ведь впереди – почти наверно разгром нашей армии, а в настоящем – эпопея Японской войны. И это после всего, что было, после всех усилий! Теперь кругом усталые лица, усталые разговоры и один лозунг: «Домой».

Говорят, все переживается и время быстро и смело замечает следы всяких бурь. На это теперь одна надежда.

15 [мая]. Атаки, которой я ждал, так и не было. Немцы оказываются слишком умны. Ты пишешь о письме Жоржа*. Мы, вероятно, люди в корне разные, но мне кажется, что на то, что творится сейчас, здесь нельзя иметь два разных взгляда. Впрочем, возможно все. Разница лишь в том, что я был готов отдать всего себя своей армии, а Жорж – офицер по несчастью. Поэтому то, что дорого мне, безразлично ему. Для одних старое, покрытое славой боевое знамя – святыня, около которой умирали лучшие и храбрые, для других – ненужная тряпка. Одни рады видеть красный флаг из кумача впереди полка, да еще с безграмотной и бессмысленной фразой. А мне жаль наших старших и славных знамен. Что же касается народа, за который желательно пострадать, то ведь мне кажется, что поле для этого широкое, но, конечно, не в Хабаровске. А при теперешних порядках не думаю, чтобы кого-нибудь силой могли держать в тылу. Только вряд ли понадобятся эти жертвы – их ведь прежде всего никто серьезно не хочет. Если бы все, кто так красиво и много говорит в тылу, перенесся на день в нашу шкуру, он бы пришел в ужас, как много вредит он. Это, пожалуй, хуже тяжелой немецкой артиллерии.

* Двоюродный брат жены, служил в Хабаровске.

**Публикация
Е.Ф. КОЛПИКОВОЙ**

(Окончание следует)

Будни строителей Плесецка

Строительство первых в СССР боевых стартовых позиций межконтинентальных баллистических ракет

В НАЧАЛЕ 1957 года командование нашей воинской строительной части получило приказ о передислокации в район железнодорожной станции Плесецкая Архангельской области для выполнения особого задания. Определялось оно решением правительства, принятым в январе 1957 года, и заключалось в строительстве первых боевых стартовых площадок для перспективной баллистической ракеты. Проект, в соответствии с которым планировалось создать четыре стартовые позиции (первая очередь — 1-я и 2-я площадки в 1957—1959 гг. и вторая очередь — 3-я и 4-я площадки — в 1959—1960 гг.), назывался «Ангара». Общая его стоимость составляла 1,5 млрд рублей.

Поскольку объекты строительства считались режимными, сюда не допускались ранее судимые и психически неуравновешенные лица. Поэтому зарекомендовавшие себя неблагонадежными были переданы из нашей в другие части.

28 февраля эшелон с личным составом и техникой 167-го отдельного механизированного аэродромно-строительного батальона (ОМАСБ) в составе 35 вагонов прибыл на станцию назначения. Для обживания нового места командование выбрало мою роту. Командир перед отправкой поставил задачу подготовиться в течение месяца к приему основных сил батальона. Моим подчиненным в соответствии с утвержденным планом предстояло развернуть пионерный палаточный городок со столовой, хозяйственной и складской зоной, расчистить и оградить территорию будущих парков для автомобильной и строительной техники, провести линии электропередачи от дизельной электростанции до потребителей, продумать возможности водоснабжения (временного — водовозками, постоянного — из подземных скважин). Чтобы с первых шагов на будущем объекте не замусорить участок, следовало договориться с руководством стройки о специальной территории для свалки.

Устройство бани тоже считалось неотложным делом (на первых порах можно было использовать теплую палатку).

Поздно вечером, во время короткого общения уже у вагонов на станции начальник строительства полковник С.В. Былеев уточнил, что мы будем строить объект под условным названием «Известковый завод». Именно так должны были полагать неосведомленные, а тем более сверхлюбопытные. Полковник также разъяснил, где и как нам разгрузиться.

Местом разгрузки была выбрана большая таежная поляна среди гигантских сосен, покрытая полутораметровым слоем снега. Я проверил личный состав прямо в вагоне, предупредил, что снаружи сорок градусов мороза, поэтому нужно потеплее одеться. После скромного завтрака мы приступили к разгрузке имущества и техники на предварительно расчищенные нами от снега площадки, изредка обогреваясь у костров.

Для размещения личного состава, столовой и имущества роты до обеда установили утепленные палатки УСБ-41, которые отапливались самодельными печами, сделанными из металлических бочек. Вместо коек соорудили двухъярусные нары, детали для которых были изготовлены заранее. В одну палатку на первых порах вместились вся рота, а уже через неделю расселились в палатках повзводно. Для электроснабжения использовалась передвижная электростанция, воду получали, растапливая снег. Рацион питания состоял в основном из консервов, круп, макарон и сухарей; он дополнялся мясом зайцев и тетеревов, в изобилии водившихся в округе. Вскоре нам стали завозить хлеб и другие продукты централизованно, так что питание наладилось и улучшилось.

Первое время, пока не потеплело, офицеры и солдаты обосновались в общем палаточном городке. Два месяца спустя, основательно отремонтировав покосившиеся от времени строе-

ния, которые в километре от нашего расположения освободили геологи и изыскатели, мы разместились в более приличных условиях на трехъярусных нарах. Хуже было с баней, поскольку приходилось ради нее преодолевать по снегу восьмикилометровый путь до поселка лесозаготовителей иногда на машинах, а чаще пешком, из-за чего среди личного состава участились простудные заболевания. Пришлось срочно установить штатный душевой комплекс недалеко от расположения роты, а спустя месяц эта временная баня была заменена постоянной, с парилкой, сооруженной нами же.

Полностью батальон передислоцировался на новое место в середине мая, когда на объекте уже вовсю работали экскаваторы, бульдозеры, автогрейдеры, дизельные электростанции, до полусотни автомобилей. Так что техникой мы были обеспечены довольно щедро, а из лесопильного и деревообрабатывающего цехов шли практически любые пиломатериалы. В конце этого же месяца стали поступать комплекты сборно-разборных конструкций казарм СР-2, общежитий ОЩ-60 и штабов К-9. Основной задачей личного состава 167 ОМАСБ в этот период кроме обустройства являлось строительство объектов базы материально-технического снабжения для заказчика: складов открытого и закрытого хранения, прирельсовых разгрузочных рампы и площадок. Одновременно выполнялись работы по созданию инфраструктуры комплекса: бурились скважины на воду, прокладывались трубопроводы системы водоснабжения и канализации, строились трансформаторные подстанции, линии электропередачи и автомобильные дороги. Срочной замене подлежал весь подъездный железнодорожный путь до ст. Плесецкая, так как уложенные некогда шпалы от времени сгнили, а рельсы не соответствовали резко увеличившимся, а тем более предстоящим нагрузкам на них. Подавать

составы в летний период по такой ветке было небезопасно.

В ИЮНЕ весь личный состав переселился из палаток в сборно-щитовые казармы, открылись столовая военторга и солдатский клуб. Но к этому времени так развезло дороги и прилегающую к ним местность, что всякое перемещение грузов по строительной площадке стало возможным только с помощью тракторов и специальных санных прицепов, а также так называемых пенев. Последние представляли собой прицеplенные к трактору на тросах листы металла толщиной 5—6 мм, на которые грузили, что требовалось. Но выдавались дни, когда вообще нельзя было проехать никаким видом транспорта. Даже отсыпанное из известняка полотно для постоянных автодорог во многих местах представляло собой довольно вязкое месиво. Для перемещения людей вдоль основных трасс были проложены дощатые тротуары, обеспечивавшие нам сравнительную безопасность. Вскоре наконец стало подсыхать — наступило короткое северное лето. Тогда же состоялся и общий смотр обустройства на новом месте частей и подразделений. Моя рота была признана одной из лучших, в связи с чем начальник строительства полковник С.В. Былеев принял решение перевести меня с повышением в соседний полк на вакантную должность заместителя командира строительного батальона по технической части. Эта часть, которой командовал полковник И.М. Агеенков, прибыла на объект со строительства аэродрома в Крыму почти одновременно с нашим батальоном и базировалась на той же железнодорожной ветке, что и мы.

В те времена строительные полки были полноценными воинскими частями, укомплектованными списочным штатом офицеров, сержантов и солдат, имели стрелковое вооружение, полный комплект строительной и автомобильной техники для производства строительномонтажных работ на аэродромных комплексах. В соответствии с планом мы занимались и боевой подготовкой, в основном зимой, а руководствуясь приказом министра обороны Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, командование отводило время также для занятия спортом. На высоком уровне находилась воинская дисциплина.

Полковник И.М. Агеенков, окончивший Военную инженерную академию с золотой медалью, в отношении службы являлся примером для подчиненных, отличался высокой эрудицией, собранностью и внутренним самоконтролем. Он, как говорится, не дергал личный состав по пустякам, добиваясь выполнения служебных обязанностей повседневным и строгим соблюдением уставных требований и распорядка дня, что сказывалось и на выполнении плана строительно-монтажных работ.

Жили мы в таежном краю, как на острове, и единственным транспортом, который связывал освоенные нами «километры» со всей остальной территорией страны, был мотовоз с одним или двумя пассажирскими вагонами. На нем привозили газеты, письма, телеграммы, добирались до семей и руководства стройкой в п. Канифольный, как тогда назывался будущий город Мирный. Когда более-менее привели в порядок грунтовую дорогу, раз в месяц командир полка предоставлял возможность офицерской молодежи под мою ответственность на автомашине высокой проходимости выезжать на станцию Плесецкая, где мы основательно мылись и парились в привокзальной бане, посещали Дом культуры лесорубов.

ИНЖЕНЕРНЫЙ потенциал части серьезно укрепился с прибытием молодых офицеров, окончивших специальные вузы. Кроме того, в полку велась постоянная работа по технической переподготовке остаточного офицерского состава, ИТР и солдат. Строительство весьма объемных сооружений из монолитного бетона и железобетона, к которому мы должны были приступить, с применением стальных и арматурных каркасов было для многих, даже опытных инженеров делом новым или полузабытым, поэтому дополнительные занятия по монтажу конструкций, сварке, устройству опалубки и технологии укладки бетона пришлось кстати. Для этой цели использовали наглядные пособия собственного изготовления, изучали приемы работы непосредственно на площадке и на специально оборудованных полигонах. Весь этот процесс завершался приемкой зачетов. И все же работы на основной площадке шли медленно, часто приостанавливаясь из-за отсутствия или задержки поступления соответствующей техни-

ческой документации и дополнительных требований по маскировке и режиму строительства.

С получением комплекта чертежей огромного котлована под первое сооружение с четко обозначенным газоотводным лотком, расчетом выемки грунта под командный пункт, фундаментов довольно объемного монтажно-испытательного корпуса (МИК) стало ясно, что нам поручено строить не «Известковый завод», как открытым текстом называлась наша стройка, а стартовую позицию для межконтинентальных стратегических ракет.

Разработка суглинка и известняка на будущем объекте велась в несколько ярусов, и 12 экскаваторов и 50 самосвалов упорствовали здесь практически круглосуточно. С заглублением в известковую породу начались бурозрывные работы. Летом на объекте побывали главный инженер проекта полковник А.А. Ниточкин и его заместитель подполковник Г.А. Сергеев. Они представляли 31-й Центральный проектный институт Министерства обороны (ЦПИ МО), который проектировал стартовый комплекс. Вскоре у нас обособилась постоянная группа проектировщиков, и вопросы по технической документации были сняты.

Постепенно на стройку прибывали другие полки и подразделения. На совещаниях к концу 1957 года упоминались фамилии их командиров полковников Н.В. Колбасина, Л.С. Фридлянда, В.Т. Журина, Н.С. Майдана и А.Ф. Циргавы. Видимо, ни по структуре, ни по комплектованию полки и батальоны, соответствовавшие требованиям аэродромного строительства, не отвечали характеру работ по новой программе, поэтому в начале 1958-го они были расформированы, а вместо их созданы аэродромно-строительные бригады, управления начальника работ (УНР) и военно-строительные отряды (ВСО). К маю того же года все утряслось, и новые формирования приступили к работе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ строительства первой стартовой площадки поручили вновь сформированной 1-й бригаде полковника А.Ф. Циргавы, энергичного, опытного строителя. Ему в подчинение передали группу инженерно-технических работников и личный состав нашего полка, а также часть других прибывших к тому времени подразделений. Меня как имеющего

опыт организации и производства работ на первом старте перевели во вновь сформированную 6-ю бригаду полковника Н.В. Колбасина, которой поручили строительство второй стартовой площадки, а также хранилищ для ракет и головных частей к ним. После представления и беседы с командованием бригады я был назначен начальником возведения сооружений боевого стартового комплекса для межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, включавшего в себя стартовую позицию, защищенный командный пункт, хранилища топлива, окислителя и перекиси водорода, подземную дизельную электростанцию на 5000 кВт, скважины на воду, два резервуара по 3000 м³ с насосной системой пожаротушения, заглубленный кислородный завод, караульное помещение, ряд наземных емкостей для слива топлива и его компонентов, систему ограждений и подземных проходных каналов. За пределами площадки находились монтажно-испытательный корпус (МИК), очистные сооружения и комплекс котельной. Объемы предстоящих работ впечатляли: выемка грунта для всего комплекса — свыше 1,5 млн м³, масса закладываемого в первое сооружение монолитного бетона — 30 тыс. м³. Беспokoили чрезмерно сжатые сроки.

В связи с тем что геологи и топографы пока не дали координаты привязки второй площадки, да и разрешение на производст-

во на ней работ не было получено, командир бригады вернул меня на первую площадку, хорошо уже знакомую мне, в качестве дублера начальника строительства старта капитана Н. Завалишина. В этой роли я пребывал целый месяц, пока меня не отозвали для приемки от изыскателей и геодезистов реперов и разбивочной сетки второй площадки. При этом новый начальник 57 УИРа полковник Н.С. Степанченко, сменивший полковника С.В. Былеева, поставил нашей 6-й бригаде жесткую по сути и срокам задачу — догнать первую площадку по фронту строительно-монтажных и пусконаладочных работ, несмотря на то, что приступали мы к этим работам с отставанием больше чем на год. Удивительно, но это удалось сделать: военные строители бригады полковника А.Ф. Циргвавы ввели свою первую площадку в конце декабря 1959 года, а мы свою вторую — в феврале 1960-го. Способствовал тому более высокий уровень организованности и порядка, установившийся у нас с самого начала под влиянием в первую очередь командира бригады полковника Николая Васильевича Колбасина, которого отличали исключительная работоспособность, высокий профессионализм, требовательность к подчиненным и, если хотите, педантизм. У него была прекрасная память, я ни разу не видел, чтобы он делал какие-нибудь записи, но в нужный момент цифры,

даты и факты приводились им в требуемой последовательности и с необходимыми акцентами. Он был настоящий лидер среди офицерского состава в лучшем смысле этого слова: всегда подтянут, чисто выбрит, одежда на нем была неизменно в безукоризненном виде, в быту очень скромнен, к тому же не пил и не курил. Его ближайший помощник главный инженер подполковник В.В. Беляев проявлял, думается, излишнюю строгость к прорабам и мастерам. Но дело тоже знал, в технологии строительства разбирался глубоко, так что потребовать с каждого мог, как говорится, с полным правом.

Словом, под присмотром таких опытных руководителей мы, молодые офицеры, за полтора года прошли отличный курс переподготовки и стали настоящими военными инженерами-строителями, специалистами широкого профиля. Так, старшие лейтенанты Ю. Бильтюков, В. Калужный, В. Мельниченко, А. Иванов и капитан Г. Симонов трудились на первом сооружении и командном пункте практически с начала их строительства и до ввода в эксплуатацию. Старший лейтенант В. Анисимов был закреплен за установкой подземной дизельной электростанции на 5000 кВт, и после ее завершения переведен на возведение подземных хранилищ атомных боеголовок. Проходные каналы, караульное помещение, системы ограждений, пункты для охраны и обороны объекта, бе-

ХРОНОГРАФ

1 июня 1897 года родился Павел Иванович Батов (д. Филисово ныне Рыбинского района Ярославской области), генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). Участник Первой мировой войны. В Красной армии — с 1918 года. Участник гражданской войны в Испании. В 1939—1940 гг. участвовал в Советско-финляндской войне. Во время Великой Отечественной войны командовал армиями и фронтом. После войны — на ответственных командных должностях. В 1959—1961 гг. — старший военный специалист в Народно-освободительной армии Китая. В 1962—1965 гг. — начальник штаба Объединенных вооруженных сил стран — участниц Варшавского договора. Умер 19 апреля 1985 года.

3 июня 1942 года приказом народного комиссара обороны на базе ВВС Северо-Кавказского фронта сформирована 5-я воздушная армия. Командующий — генерал-лейтенант авиации Сергей Кондратьевич Горюнов, впоследствии генерал-полковник авиации (1944), Герой Советского Союза (1945).

4 июня 1777 года родился Алексей Петрович Ермолов (Москва), генерал от инфантерии (1818) и артиллерии (1837). Герой Отечественной войны 1812 года, начальник штаба русской армии, командир Отдельного Грузинского, позже Кавказского корпуса (1816—1826) во время Кавказской войны 1817—1864 гг. Покровительствовал сосланным на Кавказ декабристам. За связь с ними в 1827 году уволен в отставку. Умер 23 апреля 1861 года. Похоронен в Орле.

4 июня 1917 года родился Сергей Христофорович Аганов (г. Астрахань), маршал инженерных войск (1980). Участник Советско-финляндской и Великой Отечественной войн. Помощник, затем старший помощник начальника отдела штаба инженерных войск Красной армии (1942). Оказывал помощь войскам в организации инженерного обеспечения операций на Юго-За-

падном, Брянском, Воронежском, 3-м Белорусском, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах. Начальник инженерных войск МО СССР (1955—1960, 1975—1987), начальник Военно-инженерной академии (1974—1975). Умер 1 февраля 1996 года в Москве.

6 июня 1942 года приказом народного комиссара обороны на базе ВВС Северо-Западного фронта сформирована 6-я воздушная армия. Командующий — генерал-майор авиации Даниил Федорович Кондратюк, впоследствии генерал-лейтенант авиации (1943).

7 июня 1887 года родился Сидор Артемьевич Ковпак (с. Котелья, ныне поселок городского типа Полтавской области, Украина), генерал-майор (1942), один из организаторов партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза (1942, 1944). Умер 11 декабря 1967 года. Подробнее см.: Старинов И.Г. Встречи с Ковпаком // Воен.-истор. журнал. 1987. № 6. С. 61—65.

7 июня 1897 года родился Кирилл Афанасьевич Мерещков (д. Назарьево, ныне Зарайского района Московской области), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940). В Красной армии — с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1936—1937 гг. участвовал добровольцем в гражданской войне в Испании. Во время Советско-финляндской войны командовал 7-й армией. С августа 1940 года — начальник Генерального штаба. Был арестован в самом начале Великой Отечественной войны, но вскоре освобожден. Во время Великой Отечественной войны командовал армиями и фронтами. В августе 1945 года командовал 1-м Дальневосточным фронтом, участвовавшим в разгроме японских войск в Маньчжурии и Северной Корее. После войны командовал войсками ряда военных округов. Среди прочих наград удостоен высшего военного ордена страны — ордена Победы. Умер 30 декабря 1968 года. Похоронен на Красной площади.

8 июня 1837 года родился И.И. Воронцов-Дашков, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, граф. На военной службе — с 1856 года. Участник боев с горцами на Кавказе и боевых действий в Туркестане. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.,

Все даты приводятся по новому стилю

тонные площадки, автомобильные и железные дороги — это сфера ответственности капитана Ю. Субботина. Старшему лейтенанту А. Субетто был поручен комплекс котельной с устройством для слива мазута, железобетонными резервуарами хранения его и насосной. В его же ведении находился энергопоезд, обеспечивавший электроэнергией строительную площадку и жилой городок. Капитан А. Ключников отвечал за группу наземных и подземных сооружений слива и хранения керосина, а также перекисы водорода. Старшие лейтенанты Ю. Полтарыгин, В. Пачкай и В. Озмидов соорудили резервуары на 3000 м³ и насосную станцию системы пожаротушения.

Возведение массивных конструкций из монолитного железобетона в тот период не представляло особых трудностей для военных строителей, поскольку уже был накоплен немалый соотвествующий опыт.

Строительство велось круглосуточно, без выходов. На отметке 4.6 и 15.2 м шел монтаж арматуры и опалубки, а внизу, на дне котлована, на отметке 33.0 м продолжалась выемка породы под газоотводный лоток. Одновременно задействовались экскаваторы, бурильные пневматические станки, компрессоры, гусеничные или автомобильные краны, автосамосвалы. Чем больше углублялся котлован, тем плотнее становилась порода, тем больше мы расходовали взрывчатки для рыхления известняка.

На нулевой отметке первого сооружения использовались два самоподъемных монтажных крана УБК-5-49 треста «Спецстальконструкция» и десятки других строительных машин и механизмов, с помощью которых вели монтаж арматурных каркасов пилонов и газоотводного лотка, сборку и клепку мостового строения. Последнее накатывалось на готовые пилоны, образуя отдельный пролет, бетонировалось и служило базой для опорных конструкций старта.

На всем комплексе второй площадки трудился личный состав четырех ВСО, автомобильного и механизированного батальонов — всего около 4,5 тыс. человек. Из ИТР кроме меня как начальника площадки были заняты шесть начальников участков, пять прорабов, двадцать четыре мастера, геодезисты, нормировщицы и технические работники других специальностей. В основном это была молодежь, которая впервые участвовала в строительстве подобных сооружений, поэтому безмерно гордилась, что ей доверили такое серьезное дело.

3 А ХОДОМ строительства осуществлялся постоянный строгий контроль, и к нам то и дело приезжали самые высокие представители, различные комиссии. Особенно памятной была встреча с главным маршалом артиллерии М.И. Неделиным, главнокомандующим Рaketными войсками стратегического назначения. Незабываемые

мы внимание и уважение, которые оказывал строителям и монтажникам первый начальник космодрома Плесеца полковник М.Г. Григорьев. Вместе с нами он радовался успехам и переживал неприятности, мог запросто отведать обед из солдатского котла, попить чай с прорабами и мастерами, получая информацию непосредственно от исполнителей. У меня сложилось, как помню, впечатление, что на каком-то этапе возведения первых боевых стартов он был больше строителем, чем ракетчиком: спрашивал со своих подчиненных по всей строгости, если речь шла о задержке для нас техдокументации или поставках оборудования. В должности начальника Северного полигона его сменил Герой Советского Союза генерал С.Ф. Штанько, с которым, к сожалению, мне довелось поработать непродолжительное время.

Объекту «Ангара» как единственному в тот период советскому боевому комплексу межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в тот период придавалось особое значение. В 1960 году на нем побывали заместитель председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинов, министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, его заместитель по строительству генерал-полковник А.И. Шебунин, главнокомандующий РВСН Маршал Советского Союза А.С. Москаленко и другие.

командовал кавалерией Рушукского отряда. В 1905—1915 гг. — наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа. Умер 28 января 1916 года.

9 июня 1672 года. 335 лет назад, родился Петр I Алексеевич (Романов), Петр Великий с октября 1721 года (Москва), русский царь (1682), Император Всероссийский (1721), государственный военный деятель, полководец, основатель регулярной армии и флота. В 80-е годы XVII века создал потешные полки, ставшие впоследствии гвардией русской армии. Под руководством Петра I проведены Азовские походы (1695—1696 гг.), в результате которых был взят Азов и Россия укрепилась на берегах Азовского моря. По Ништадтскому мирному договору, завершившему Северную войну 1700—1721 гг., Россия получила выход в Балтийское море, а во время Персидского похода (1722—1723 гг.) к ней отошло западное побережье Каспийского моря с городами Дербент и Баку. Явился основоположником русской военной школы. Вошел в историю России как прогрессивный государственный и военный деятель. Умер 8 февраля 1725 года. Похоронен в Санкт-Петербурге.

9 июня 1907 года за отличие в Русско-японской войне 1904—1905 гг. 1-му конному полку Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) присвоен Георгиевский штандарт, положивший начало формированию пограничной знаменной системы.

10 июня 1807 года на базе Ижевской железоделательной мануфактуры, основанной в 1760 году графом П.И. Шуваловым, создан Ижевский оружейный завод, переданный в 1808 году из горного ведомства в военное. Специализировался на выпуске стрелкового оружия, давая треть всей оружейной продукции России. В 1884 году завод получил название «Ижевский оружейный и сталелитейный завод». За годы Первой мировой войны здесь было изготовлено 1,5 млн винтовок, что составило около 64 проц. числа всех поставленных фронту. В годы Великой Отечественной войны завод дал фронту свыше 11 млн винтовок и карабинов, более 7000 авиапушек, 213 440 пулеметов, 131 310 противотанковых

ружей, около 1 млн пистолетов ТТ. С 1975 года завод стал называться «Производственное объединение "Ижмаш"».

10 июня 1807 года во время войны с Францией 1805—1807 гг. у Гейльсберга (Восточная Пруссия) состоялось сражение между 85-тысячной русской армией под командованием Л.Л. Беннигсена и 115-тысячной армией Наполеона. Победа не досталась никому. Беннигсен организованно отступил, потеряв около 10 тыс. человек, но и французам был причинен почти такой же урон (около 8000). После битвы маршал Ланн сказал Наполеону: «Русские сражаются все лучше и лучше». «Да, — согласился тот, — мы даем им уроки, и, возможно, они станут нашими учителями».

14 июня 1942 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о посмертном награждении командира 2-го гвардейского Краснознаменного смешанного авиационного полка ВВС Северного флота Героя Советского Союза гвардии подполковника Б.Ф. Сафонова второй медалью «Золотая Звезда» (звание Героя Советского Союза присвоено 16 сентября 1941 г.).

15 июня 1882 года родился Митрофан Борисович Греков (Мартыщенко) (хутор Шарпаевка, ныне Ростовской области), художник-баталист, основатель советской школы батальной живописи. Учился в Одесском художественном училище (1899—1903), затем в Петербургской Академии художеств (1903—1911). Участвовал в Первой мировой войне. В период Гражданской войны служил в 1-й Конной армии. После смерти Грекова (27 ноября 1934 г.) приказом наркома обороны была создана Студия военных художников, носящая его имя. С 1966 по 1991 год за лучшие произведения на военно-патриотическую тему ежегодно ко Дню Победы присуждались 1 золотая и 3 серебряные медали имени М.Б. Грекова. В 1957 году в Новочеркасске открыт Дом-музей Грекова.

18 июня 1937 года начался беспосадочный перелет экипажа в составе летчиков В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и штурмана А.В. Белякова на самолете АНТ-25 по маршруту Москва — Северный полюс — Ванкувер (США). 20 июня, преодолев за 63 ч 16 мин расстояние в 8504 км, самолет приземлился на аэродроме Ванкувера.

Нас такое внимание только мобилизовывало и настраивало на еще более ответственное отношение к порученному заданию.

Строительная часть старта второй площадки выполнялась с учетом ряда практических улучшений по сравнению с первой. Так, на нулевой отметке из рулонных материалов сделали более надежную металлическую гидроизоляцию вместо многослойной. В некоторых помещениях по моему предложению в качестве несъемной опалубки для монолитного бетона применялись железобетонные плитки разных размеров, что позволяло и улучшить качество работ, и обеспечить своевременную готовность помещений под монтаж оборудования. Интересным и очень эффективным получилось другое мое предложение — о замене обсыпной конструкции дренажа по проекту из песка и щебня на блочную из пористого бетона.

Если на первую площадку для усиления в 1958 году были направлены опытные инженеры, прошедшие школу Байконура, С.А. Алексеенко, В.Т. Варфоломеев и другие, то на второй площадке мы справились собственными силами.

Во время проведения примерочных и других испытаний с ракетой на старте, а также при транспортировке ее из монтажно-испытательного корпуса в целях соблюдения режима скрытности ракетчики выставляли оцепление вдоль железнодорожного полотна и весь контин-

гент, проживавший в городке строителей непосредственно у площадки, просили не появляться на улице. Обычно в это время в клубе демонстрировали сравнительно новый фильм. Считаю, что это было не лишней мерой предосторожности.

НЕСКОЛЬКО позднее был сдан в эксплуатацию заглубленный кислородный завод, исключительно сложное и по строительной, и по технологической части сооружение. На нем от монтажников треста «Союзкислородмонтаж» трудился сначала мастером, а потом прорабом А.И. Михальченко. Мы с ним сдружились и принимали сообща самые решительные меры, чтобы сдать объект в срок. Александр Иванович отличался высоким ростом, интеллигентностью, а главное, был специалистом высочайшего класса и умелым организатором, с которым работалось споро и результативно. Часто выручали его предложения по ускорению монтажа и улучшению качества работ. Впоследствии он возглавил трест «Союзкислородмонтаж» и с успехом руководил монтажным процессом на многих оборонных объектах, в том числе и на космодроме Байконур. В ранге министра Александр Иванович обеспечивал четкое взаимодействие всех монтажных организаций и выполнение задач в установленные сроки с высоким качеством. Свои добрые отношения мы сохранили на долгие годы. Помнится, как при очередной встрече ветеранов — участ-

ников создания объектов наземной инфраструктуры и стартов на космодроме Плесецк в августе 2003 года председатель коллегии корпорации Монтажспецстроя А.И. Михальченко вручал мне знак «Почетный монтажник» за долголетнюю плодотворную работу. Я также горжусь тем, что в свое время трудился рядом с талантливыми организаторами монтажных и специальных строительных работ, занимавшими министерские должности: Ф.Б. Якубовским и Б.В. Бакиным, их заместителями Г.В. Голдиным, В.И. Ярмушем, В.М. Миненковым, руководителями Главспецмонтажа М.П. Ножкиным, И.М. Гулевским и другими. С ними было под силу строительство объектов любой сложности.

Принимал вторую боевую площадку командир ракетного полка полковник Н.В. Тарасов, который постоянно находился рядом с нами и способствовал быстрому освоению комплекса боевыми расчетами. За качество работ по большинству сооружений и систем мы получили оценку «хорошо», а за дизельную и ряд других сооружений — «отлично». В целом нам повезло, что командиром оказался именно этот знающий и любящий свое дело офицер, как и строители, вкусивший горький хлебушек строительства и эксплуатации первых боевых стартов.

В июле 1961 года заступили на боевое дежурство третья и четвертая площадки, которые строила бригада полковника Циргва-

ХРОНОГРАФ

18 июня 1877 года во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказском театре военных действий началась героическая оборона небольшим русским отрядом (30 офицеров и 1570 нижних чинов) крепости Баязет. 21 день, испытывая острый недостаток продовольствия и воды, гарнизон отбивал турецкие атаки. Руководил обороной капитан Ф.Э. Штоквич. К концу осады стали выдавать раненым солдатам по кружке воды и по 50 г сухарей на 1 человека в день, а здоровым — по полкружки воды через день. Лишь 9 июля 1877 года подошедшие войска генерал-лейтенанта А.А. Тергукасова спасли героический гарнизон.

20 июня 1637 года донскими казаками взята турецкая крепость Азов (4-тысячный гарнизон и 200 пушек). Успешно закончив войну с Ираном, турки предприняли попытку вернуть Азов. В начале июня 1641 года турецко-татарское войско (более 100 тыс. человек) при поддержке сильного флота (около 300, по другим данным, около 400 кораблей и судов) блокировало крепость. Осажденные (5,5 тыс. человек, в том числе 800 женщин) отвергли предложение турок о сдаче. Под руководством атаманов О. Петрова и Н. Васильева они отбили 24 приступа врага, совершали дерзкие вылазки из крепости, во время которых разрушили земляные укрепления турок и взяли их большое знамя, доставленное впоследствии в Москву. В обороне принимало участие все население Азова. Стойкость казаков и большие потери вынудили турецко-татарское войско снять осаду Азова, продолжавшуюся 3,5 месяца. Отстояв Азов, казаки предложили русскому правительству взять его под свою власть. Но Россия в то время не была готова к войне с Турцией, и казаки по указу русского правительства 27 мая 1642 года ушли из Азова, разрушив его укрепления.

21 июня 1897 года в Полтаве (Украина) родился Юрий Васильевич Кондратюк (настоящее имя и фамилия — Александр

Игнатъевич Шаргей), ученый, один из основоположников теории космонавтики и ракетной техники. Участник Первой мировой войны. В 1918—1919 гг. независимо от К.Э. Циолковского разработал теорию космических перелетов. В его последующих трудах был решен ряд вопросов ракетодинамики и ракетостроения. Погиб в феврале 1942 года в бою с фашистами в деревне Кривцово Болховского района Орловской области.

22 июня 1941 года — начало Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков. День памяти и скорби. Установлен Указом Президента Российской Федерации от 8 июня 1996 года № 857 «О дне памяти и скорби».

В ходе Великой Отечественной войны на территории СССР полностью или частично разрушено 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень. Лишено крова 25 млн человек, разрушено свыше 6 млн зданий, около 32 тыс. крупных и средних промышленных предприятий и 65 тыс. км железнодорожных путей. Колоссальный урон был нанесен сельскому хозяйству. Сумма ущерба, нанесенного Советскому Союзу, составила 679 млрд рублей. Общие людские потери советского народа составили, по мнению ряда исследователей, 27 млн человек.

23 июня 1782 года в с. Ольховатка ныне Харьковской области (Украина) родился Петр Степанович Котляревский, генерал от инфантерии (1826). На военной службе — с 1794 года. Во время Русско-персидской войны 1804—1813 гг., командующий полком, участвовал в обороне Карабаха от войск Аббас-Мирзы, затем во взятии крепости Ахалкалаки, в октябре 1812 года разгромил 30-тысячную армию персов при Асландузе, а в начале 1813 года штурмом взял крепость Ленкорань. Умер 3 декабря 1851 года близ Феодосии.

23 июня 1941 года в 18 ч 40 мин наземные средства ПВО Москвы (548 зенитных пушек среднего и 28 малого калибра, 84 счетверенные зенитные пулеметные установки и два полка аэростатов заграждения) были изготовлены к бою. Вся система ПВО Москвы, в том числе и 6-й истребительный авиационный корпус, были готовы к отражению налетов авиации противника на Москву.

вы. Таким образом, в 1961-м все пять стартов для ракеты Р-7А были приняты на вооружение, причем четыре из них — на Плесецком полигоне и одна — на Байконуре, которая как резервная иногда использовалась и для запуска космических кораблей.

Уже в процессе создания ракетной системы Р-7, Р-7А и строительства пусковых устройств для нее стало ясно, что решить проблемы вооружения Ракетных войск стратегического назначения подобными ракетами не представляется возможным, поэтому параллельно с декабря 1956 года началась разработка новой боевой двухступенчатой ракетной системы на высококипящих компонентах топлива. К тому времени в ОКБ-586 под руководством Генерального конструктора М.К. Янгеля была разработана одноступенчатая баллистическая ракета средней дальности Р-12, в 1957—1958 гг. прошедшая испытания и в марте 1959-го принятая на вооружение. С августа следующего года стала возводиться пятая боевая площадка, головная в этой серии, со стартами пятым и шестым. Она была проще, чем старты для ракет Р-7, и по технологической части. Многие, даже котлованные сооружения возводились с конструктивной точки зрения очень удачно, в сборно-монолитном варианте, что упрощало и ускоряло их монтаж. Мы, работая в прежнем режиме, ввели пятую площадку в эксплуатацию коллективом строителей и монтажников

6-й бригады в установленные сроки, практически за один год. Наземный комплекс, который назывался «Шексна-Н», представлял собой два старта с командным пунктом посередине, хранилищами топлива и окислителя, а также ремонтно-технической базой (РТБ). После успешных пусков на Байконуре нашу пятую площадку 27 октября 1961 года со стартами 5 и 6 принял 1-й дивизион ракетной части полковника Д.Т. Гущи. Так что к началу 1962-го на боевом дежурстве в Плесецке стояли шесть стартов МБР, из которых мне довелось участвовать в строительстве четырех (частично первого старта и полностью второго, пятого и шестого).

В ПЛЕСЕЦКЕ я проработал пять лет, получив огромный и неоценимый опыт организации работ на основных стартовых сооружениях для ракетных комплексов Р-7, Р-7А и Р-16, гигантских подземных хранилищ ракет и боеголовок, причем в труднейших природно-климатических условиях, последовательно пройдя ступени служебной лестницы от командира строительной роты, заместителя командира строительного батальона, начальника специализированного участка до начальника производственно-технического отдела бригады. Большую роль сыграло и то, что трудиться довелось рядом с умелыми организаторами строительного производства, требовавшими полной самоотдачи, целеустремленности и результативности в работе, не допускавшими ника-

кой самоуспокоенности и снисходительности. За этот период были освоены виды и методы работ, с которыми ранее я не только не встречался, но и не помышлял, что до них дойдет дело. Впечатляющим был и широкий спектр сооружений различного назначения и коммуникаций к ним, которые мне поручались руководством.

Когда впоследствии для меня наступали тяжелые времена и трудности казались непреодолимыми, я всегда вспоминал искрящийся снег первого морозного утра по приезду на будущий космодром, вековые таежные сосны и ели, непролазную весеннюю распутицу и непрерывный, все сметающий поток бетона на старты первой, второй и других площадок. Закалка и стойкость, полученные в горниле возведения стартовых комплексов космодрома Плесецк, оказались самой высокой пробы, самого высшего качества, помогли мне и моим сослуживцам во всем, всегда и везде. Прошло много лет, что-то утратило смысл, часть событий из сознания выветрилась, но Плесецк остался в памяти одним из самых значительных периодов моей жизни, ярким и неповторимым, бурным, стремительным, заполненным многочисленными встречами и знакомствами с замечательными людьми, самоотверженным выполнением воинского долга.

*Полковник в отставке
Г.М. ПИТАЛЕВ*

24 июня 1947 года летчик Г.А. Кондрашев совершил первое в стране воздушное катапультирование, покинув на высоте 1800 м летящий со скоростью 270 км/ч двухмоторный бомбардировщик Пе-2.

26 июня 1877 года в имении Элеки Виндавского уезда Курляндской губернии (Латвия) родился Ян Фрицевич Фабрициус, герой Гражданской войны. В революционном движении с 1891 года, участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер. С октября 1917 года — председатель полкового комитета. В 1918 году командовал отрядом, действующим против банд С.Н. Булак-Балаховича. С августа 1919 года — командир отряда, который вел боевые действия против белоградской конницы К.К. Мамонтова. Затем командир бригады, сражавшейся с войсками генерала А.И. Деникина. После войны — командир дивизии, корпуса. С 1928 года — помощник командующего Кавказской Краснознаменной армией. Погиб 24 августа 1929 года в авиационной катастрофе близ Сочи. Похоронен в Тифлисе (Тбилиси, Грузия).

26 июня 1941 года на вечернем богослужении в Елоховском кафедральном соборе митрополит Московский и Коломенский Сергей произнес речь при торжественном молебне о победе русского воинства. Глава Русской православной церкви призвал верующих пожертвовать собой «за други своя» и победить заклятого врага.

27 июня 1827 года родился Петр Андреевич Шувалов, государственный деятель и дипломат, генерал-адъютант (1866), генерал от кавалерии (1872). Участник обороны Севастополя. С 1860 года — директор департамента Министерства внутренних дел, а с 1861-го начальник штаба корпуса жандармов. В 1866—1874 гг. — шеф корпуса жандармов и начальник Третьего отделения. Ближайший советник Александра II. В 1874—1879 гг. — посол в Лондоне. Умер 22 марта 1889 года в Санкт-Петербурге.

27 июня 1877 года в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. русские войска форсировали р. Дунай в районе г. Зимницы и овладели г. Систово (Свиштов) в Болгарии.

С 11 ч 27 июня начали переправу главные силы русской армии и к 14 ч они уже были на противоположном берегу. Пример переправы русских войск через Дунай и по сей день является классическим.

28 июня 1902 года родился Владимир Николаевич Перегудов, специалист в области судостроения, капитан 1 ранга — инженер, Герой Социалистического Труда (1959). С февраля 1953 года начальник и главный конструктор СКБ-143. Принимал участие в разработке новых проектов подводных лодок, в том числе первой атомной подводной лодки проекта 627 «Ленинский комсомол». Умер в 1967 году.

28 июня 1942 года началась Воронежско-Ворошиловградская стратегическая оборонительная операция войск Брянского (генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, с 7 июля — генерал-лейтенант Н.С. Чибисов, а с 13 июля — генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский), Воронежского (с 7 июля генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, с 14 июля — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин), Юго-Западного (до 12 июля Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко) и Южного (генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский) фронтов. Проводилась с целью отразить наступление противника на воронежском и ворошиловградском направлениях. В результате операции, завершившейся 24 июля 1942 года, были сорваны планы немецко-фашистского командования по окружению и разгрому основных сил Красной армии на Юго-Западном стратегическом направлении.

30 июня 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ военному совету Севастопольского оборонительного района об эвакуации Севастополя.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИИ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ КОМАНДАРМА И КОМФРОНТА Г.Я. СОКОЛЬНИКОВА

В НАУЧНОЙ библиотеке Министерства финансов РФ состоялась презентация книги* Г.Я. Сокольникова (1888—1939) — известного государственного и военного деятеля, первого наркома финансов СССР, дипломата, журналиста, ученого-экономиста. Труд Г.Я. Сокольникова посвящен хозяйственному и финансовому строительству, валютной и кредитной политике страны в период НЭПа, а также денежной реформе 1922—1924 гг. Впервые издание в трех томах датируется 1928 годом, более полувека оно находилось в спецхране. Переиздание труда Г.Я. Сокольникова «Финансовая политика революции» в полном объеме, но уже в двух томах, осуществлено в 2006 году Обществом купцов и промышленников России в рамках издаваемой серии «Экономическая история России».

В решении многих вопросов, связанных с финансово-экономической политикой первых послереволюционных лет Г.Я. Сокольников принимал непосредственное участие, руководил национализацией и реорганизацией банков, возглавлял Комиссариат бывших частных банков. В 1917—1918 гг. участвовал в переговорах с Германией в Брест-Литовске и, являясь председателем российской делегации, подписал в марте 1918 году Брестский мир с Германией и ее союзниками. В годы Гражданской войны автор являлся командующим 8-й армией Южного фронта, в 1920 году сменил М.В. Фрунзе в должности командующего Туркестанским фронтом. Именно в Туркестане в это время им была проведена денежная реформа, отменена продразверстка, введено налогообложение, разрешена свободная торговля и т.д.

В начале 1922 года Г.Я. Сокольников был назначен первым заместителем наркома финансов РСФСР, а в конце того же года стал наркомом финансов. С образованием СССР он стал первым наркомом финансов СССР в 1923 году.

В результате проведенной Г.Я. Сокольниковым денежной реформы была введена денежная единица — червонец, которая стала твердой конвертируемой валютой, признанной во всем мире. Проведенная всего за два с половиной года, в разоренной Гражданской войной стране, без иностранной помощи, денежная реформа вызвала изумление за рубежом.

Г.Я. Сокольников выступал за необходимость развития негосударственных форм собственности в промышленности и торговле. Решать экономические проблемы ему пришлось и позже, находясь на дипломатической работе. Он в немалой степени способствовал тому, что товарооборот с Англией за три года его пребывания полпредом СССР в Лондоне поднялся с 21-го на 3-е место. К сожалению, Г.Я. Сокольников прожил короткую и трагическую жизнь, в 1936 году он был репрессирован и погиб в камере в 1939 году.

В книгу «Финансовая политика революции» включены выступления, доклады, газетные и журнальные публикации по различным финансово-экономическим вопросам, которыми автор занимался в непростых для страны условиях. Первый том книги

Обложка
первого тома

Титульный лист
второго тома

открывается предисловием дочери Г.Я. Сокольникова — Г.Г. Тартыковой, которая осветила основные вехи биографии отца. Присутствуя на презентации, Г.Г. Тартыкова рассказала о своем участии в работе по подготовке книги к переизданию. В этом томе повествуется о финансах после Октября (1918), финансовой системе военного коммунизма (1919—1920), раскрываются проблемы финансов и новой экономической политики (1921—1922), мирового хозяйства и финансов (1919—1922), говорится об особенностях пути к устойчивой российской валюте. Завершают книгу общие вопросы финансовой политики.

Второй том книги затрагивает финансовую политику в деревне, государственный кредит и текущие вопросы финансового строительства, рассматривается вопрос о проблемах финансового строительства, анализируется валютная и кредитная политика, завершают книгу проблемы СССР и капиталистических государств.

В представлении книги приняли участие главный редактор журнала «Исторический архив» доктор исторических наук, профессор А.А. Чернобаев; доктор исторических наук, доктор экономических наук Б.Г. Пашков; полковник В.А. Лопатин (Военный финансово-экономический университет МО РФ); внучка Г.Я. Сокольникова — А.Н. Попова; правнук — Е.К. Попов; кандидат исторических наук М.М. Альтман — заведующая отделом Российского государственного архива экономики (РГАЭ); представитель Сбербанка РФ Л.В. Кочерина; доктор экономических наук, профессор Финансовой академии казначейства и кредита при Министерстве финансов РФ В.В. Ильин; доктор экономических наук Е.В. Коломин (Научно исследовательский финансовый институт); главный редактор «Военно-исторического журнала», кандидат исторических наук капитан 1 ранга И.А. Анфертьев; доктор экономических наук, профессор Высшей школы экономики А.Д. Кузьмичев; доктор экономических наук, профессор П.С. Никольский (Финансовая академия при Правительстве РФ); начальник отдела информационно-библиотечного обеспечения Министерства финансов РФ М.А. Мавлиханова; представители Общества купцов и промышленников России О.И. Гарцев, А.Ю. Павлов, Л.Л. Фролова.

Данный труд будет интересен не только узкому кругу специалистов в финансовой области, но и читателям, интересующимся историей нашей страны первой трети XX века.

Е.С. ДАНИЛИНА

* Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции: В 2 т. М.: Общество купцов и промышленников России, Том первый, 2006. 496 с.; Том второй, 2006. 520 с.

ОТ КОНЮШЕННОГО ПРИКАЗА – К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЕТЕРИНАРНО-САНИТАРНОЙ СЛУЖБЕ

12 ИЮЛЯ 2007 года исполняется 300 лет ветеринарно-санитарной службе — одной из старейших служб Тыла Вооруженных сил Российской Федерации.

Возникнув в ходе создававшейся Петром I регулярной русской армии, служба на протяжении трех столетий претерпела целый ряд реорганизаций. Она называлась то коновальной наукой, то ветеринарной частью, то ветеринарной и военно-ветеринарной службой. В 1993 году она получила свое теперешнее название, а с 2004 года — статус Государственной ветеринарной службы России.

Хотя сама ветеринария как таковая возникла в глубокой древности, ее системное профессиональное становление в военной сфере связывается, как правило, с появлением и развитием кавалерии. В кавалерии русской армии наличие ветеринарных специалистов (коновальных мастеров) было узаконено в июле 1707 года указом Петра I. К 1711 году в штатах 33 кавалерийских полков уже насчитывалось 330 коновальных мастеров — по 10 человек на полк, на каждого приходилось до 100 драгунских и 30 «тележных» лошадей. В 1712 году было признано необходимым иметь при штабе артиллерийского полка 1 коновального мастера, трех его помощников и 10 подковных мастеров. Учитывая высокую потребность в коновальных мастерах, Петр I в 1715 году издал указ, в котором предлагал искать иностранных специалистов для обучения русских людей в каждой губернии «кузнечному мастерству» и «доброй коновальной науке».

К 1740 году при кирасирских, драгунских, полевых и гарнизонных полках были учреждены конские заводы,

при этом в состав приемщиков входили коновальные и кузнечные мастера. На каждом конском заводе предусматривались специальные стойла для заболевших животных. Надо отметить, что практический опыт коновальных мастеров нашел отражение в «Положении о содержании лошадей в кавалерии и артиллерии», введенном в действие в 1766 году.

К 300-летию Ветеринарно-санитарной службы ВС РФ

В начале XIX века формируется юридическая система организации ветеринарной помощи конскому составу, начинается складываться государственная система подготовки ветеринарных кадров. Первым в России военно-ветеринарным учебным заведением становится открытая в 1803 году артиллерийская коновальная школа. В 1812 году на ветеринарном отделении Петербургской медико-хирургической академии состоялся выпуск отечественных ветеринарных лекарей, которые определяются на военную службу. Это были первые у нас в стране военно-ветеринарные специалисты с высшим образованием.

В период Отечественной войны 1812 года конский состав действующей армии насчитывал 300 тыс. лошадей. В это время появились и первые полевые конские лазареты, инициатива создания которых принадлежала М.И. Кутузову.

Со второй половины XIX века военно-ветеринарное дело в русской армии начало быстро развиваться. Значительно увеличился и объ-

ем работы, так как наряду с конским составом армии приходилось обслуживать и миллионы голов лошадей и крупного рогатого скота, принадлежавшего казачьему населению.

В этот период предпринимаются первые шаги в упорядочении структуры организации, системы и руководства ветеринарным делом в сфере его государственного, в первую очередь военного применения. На фоне формирования главного органа управления военно-медицинским делом в России, в котором предполагалось учредить главный (центральный) орган — Медицинскую экспедицию, впоследствии преобразованную в Медицинский департамент Военного министерства, в 1847 году создается Временный ветеринарный комитет, предназначенный для решения организационных, юридических, специальных и других вопросов, стоящих перед военными ветеринарами. Временный ветеринарный комитет, организационно входивший в состав Главного военно-медицинского управления (1867 г.), явился первым органом управления военной ветеринарией. Его первым руководителем был действительный тайный советник В.В. Пеликан (1789—1873), доктор медицины и хирургии (1816).

В 1850 году на государственной службе состояли 220 военных ветеринарных специалистов, имевших высшее образование; соответствующих гражданских специалистов на государственной службе числилось в ту пору только 156 человек.

О важности военно-ветеринарного дела свидетельствует указ императора Николая I 1851 года, в котором предписывалось для порядка в администра-

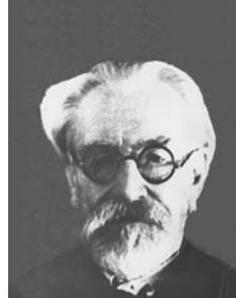
В.В. Пеликан

А.А. Реммерт

А.М. Руденко

А.Р. Евграфов

Н.М. Никольский

тивном отношении и для наблюдения за действиями полковых и бригадных ветеринаров как при обыкновенном лечении казенных лошадей, так в особенности при появлении падежа, учредить старших ветеринаров, назначив по одному в каждый кавалерийский и пехотный корпус и в резервную легкую кавалерийскую дивизию. Позднее, с возникновением военных округов была введена штатная должность ветеринара военного округа, подчиненного военно-медицинскому инспектору округа.

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 г. в действующей армии и во вспомогательном Кавказском корпусе имелось 148 тысяч лошадей. Этот конский состав обеспечивали 167 ветеринарных врачей и 1119 фельдшеров. При ведении боевых действий развернулись передовые ветеринарные пункты, полковые, дивизионные и отрядные ветеринарные лазареты; впервые вводилась в действие лечебно-эвакуационная система. Ветеринарные специалисты выполняли также освидетельствование порционного скота, мясом которого довольствовался личный состав войск. С учетом практического опыта боевых действий было разработано «Положение о правах и обязанностях полковых ветеринарных врачей», а в 1890 году — наставление «Организация ветеринарных заведений во время войны». Тогда же была создана комиссия для выработки мер против сапа, которую возглавил главный военно-медицинский инспектор А.А. Реммерт.

В 1896 году в целях лучшего управления военно-ветеринарным делом был создан военно-ветеринарный отдел при Главном военно-медицинском управлении.

Опыт Русско-японской войны 1904—1905 г. показал целесообразность специализации ветеринарного дела и выделения его из состава военно-медицинского ведомства. Уже тогда руководство ветеринарной частью осуществлялось штатными ветеринарными инспекторами 1, 2 и 3-й маньчжурских армий и окружным ветеринарным инспектором тыла. А в июне 1905 года было учреждено управление полевого ветеринарного инспектора действующей армии, объединившее ветеринарную службу на театре войны, хотя уже с середины марта активные боевые действия на сухопутном фронте практически прекратились.

В 1910 году ветеринарное управление армии от центра до полков во главе с главным военно-ветеринарным инспектором тайным советником А.М. Руденко было подчинено непосредственно военному министру. По специальным вопросам главным военно-ветеринарному инспектору были подчинены окружные военно-ветеринарные инспекторы (тайные, действительные статские и статские советники).

В годы Первой мировой войны Военно-ветеринарная служба продолжила свою нелегкую работу по сохранению поголовья армейских лошадей, которых насчиты-

валось более 1 млн 300 тыс. голов. Безвозвратные потери составили 400 тыс. лошадей. По состоянию на 1 января 1916 года армейских лошадей обслуживали 2172 ветеринарных врача, 9691 ветеринарный фельдшер и 457 ветеринарных санитаров (некомплект ветспециалистов составлял 23 проц.).

В действующей армии работали следующие полевые ветеринарные учреждения: во фронтах — фронтовые этапные ветеринарные лазареты, полевые ветеринарные аптеки и лаборатории; в армиях — армейские этапные ветеринарные лазареты и ветеринарные дезинфекционные отряды; в корпусах — корпусные этапные ветеринарные лазареты и отделения дезинфекционных отрядов; в войсковых частях — передовые и обозные ветеринарные лазареты.

Для довольствия войск мясом за войну были использованы более 32 млн голов крупного рогатого скота. Надзор за убоим скота в войсках производился ветеринарными врачами воинских частей.

Новый этап в организации военно-ветеринарной службы наступил после Октябрьской революции 1917 года. Датой ее организационного оформления в РККА принято считать 8 мая 1918 года, когда была создана коллегия Ветеринарного управления. В те годы военной ветеринарией руководил профессор А.Р. Евграфов. В 1924 году Военно-ветеринарное управление РККА, руководимое в 1920—1937 гг. Н.М. Никольским, было подчинено Наркомвоенмором СССР. На упра-

В.М. Лекарев

А.М. Пениожко

О.С. Беленький

В.П. Ветров

В.И. Бурков

вление в тот период возлагалось руководство ветеринарной службой РККА, войск ОГПУ, пограничных войск, а также конвойной стражи.

В 1924 году создаются научно-исследовательские учреждения военно-ветеринарной службы: Ветеринарно-химическая лаборатория РККА и Ветеринарный микробиологический институт (с 1929 г. — Ветеринарный научно-исследовательский институт РККА); с 1925 года действует военно-ветеринарное отделение при Казанском ветеринарном институте, позднее реорганизованное в факультет, затем в Военно-ветеринарный институт, и в 1938 году — в Военно-ветеринарную академию РККА (г. Москва). Подготовку ветеринарных фельдшеров ведет Ленинградское военно-ветеринарное училище. К 1929 году Военно-ветеринарному управлению РККА подчиняются научно-исследовательские учреждения службы, учебные заведения, центральные ветеринарные склады, по специальным вопросам — военно-ветеринарные управления округов.

Накопленный опыт нашел отражение в ряде документов, регламентировавших функции ветеринарно-санитарного надзора — Временном уставе ветеринарной службы (1935) и «Наставлении по предупреждению и ликвидации заразных заболеваний среди конского состава РККА на военное время» (1939). Эти документы действовали весьма долгое время.

В годы Великой Отечественной войны и 10 послево-

енных лет Военно-ветеринарное управление РККА, затем Ветеринарное управление Советской Армии возглавлял генерал-лейтенант ветеринарной службы В.М. Лекарев.

По состоянию на 22 июня 1941 года лошадей в армии насчитывалось 500 тыс. голов, их обслуживали 5,2 тыс. человек ветеринарного состава. На 1 января 1945 года эти цифры соответственно составили 2 млн голов и 14,3 тыс. человек.

Ветеринарные врачи имелись во всех частях действующей армии со значительной численностью лошадей, а также в дивизиях и корпусах. В армиях и во фронтах создавались органы управления — ветеринарные отделы, имелись ветеринарные лазареты, необходимые лаборатории и склады.

Ветеринарная служба подчинялась соответствующим начальникам тыла, однако начальник ветеринарной службы имел право докладать и непосредственно командующему войсками (командиру соединения) и членам военного совета.

В обязанности специалиста службы входил также ветеринарно-санитарный надзор на мясокомбинатах, в полевых конторах и войсковых продовольственных складах, контроль за доброкачественностью мяса, поступавшего на обеспечение личного состава войск и сил флота. При этом в гуртах продовольственного скота в полном объеме проводились ветеринарно-профилактические, противозооотические мероприятия, предубойный и послеубойный осмотр скота, ве-

теринарно-санитарная экспертиза мяса и продуктов животного происхождения.

Новый этап развития службы начался в послевоенные годы. Он характеризовался значительным сокращением как лошадей, так и учреждений Военно-ветеринарной службы. Особый отпечаток на службу наложило и появление оружия массового поражения (ОМП), что потребовало проведения мероприятий по охране личного состава от болезней, общих для человека и животных, а также от заболеваний, которые могут быть вызваны при использовании животных, подвергшихся воздействию поражающих факторов ОМП. В 1958 году вместо ветеринарных лазаретов, рассчитанных на стационарное лечение войсковых животных, были сформированы ветеринарно-эпизоотические отряды многоцелевого назначения.

К 1965 году сложилась следующая организация службы: в центре — военно-ветеринарный отдел Министерства обороны, которому были подчинены Курсы усовершенствования офицеров ветеринарной службы, центральный ветеринарный склад; в округах, группах войск, на флотах — ветеринарная служба, включавшая в себя ветеринарные лаборатории и склады, и ветеринарно-эпизоотические отряды. Кроме войсковых ветеринарных врачей, на нее «замыкались» и соответствующие специалисты военных совхозов. В эти годы совершенствуется материально-техническая база службы, создаются ее новые органы в РВСН, ВВС и ПВО. В состав оперативных

объединений вводятся должности старших ветеринарных инспекторов, расширяется сеть ветеринарных учреждений округов, флотов, групп войск, вводятся в действие новые руководящие документы, в том числе «Руководство по ветеринарному обеспечению войск и сил флота Вооруженных Сил» (1978). В 1978 году в соответствии с постановлением Совета Министров СССР восстановлен Военно-ветеринарный факультет при Московской ветеринарной академии имени К.И. Скрябина, сформированы центральный ветеринарно-эпизоотический отряд и ветеринарные склады тыла центра.

Надо отметить большой вклад в эту работу начальников военно-ветеринарной службы тех лет генерал-лейтенанта ветеринарной службы А.М. Пениожко и генерал-майора ветеринарной службы О.С. Беленького. В 1989 году службу возглавил один из авторов этих строк, руководивший ею до 1998 года.

Принятый в 1994 году Закон «О ветеринарии» придал военно-ветеринарной службе статус ведомственной с возложением на нее функций надзора за соблюдением в Вооруженных силах установленных ветеринарно-санитарных требований, норм и правил. Задачи службы в новых условиях определялись положениями о ветеринарно-санитарном надзоре в ВС РФ, о ветеринарно-санитарной службе и о ее учреждениях в ВС РФ. Документы были согласованы с главным государственным ветеринарным инспектором Российской Федерации, а Положение об учреждениях службы, кроме того, и с главным государственным инспектором по карантину растений.

В эти годы было принято более 30 документов, в том числе боевых, регламентирующих правовое, социальное и специальное положение Ветеринарно-санитарной службы, введены новые должности Ветеринарных специалистов в некоторых видах и родах Вооруженных сил, повышено штатно-должностное положение ветеринарного состава, введены трехгодичный период

обучения на военно-ветеринарном факультете и специальные программы для высших военно-учебных заведений Тыла Вооруженных сил по специализации «Ветеринарно-санитарное обеспечение войск». Кроме того, созданы лаборатории ветеринарно-санитарной экспертизы продовольствия, для обслуживания животноводческого направления в войсках организованы более 100 специализированных ветеринарных подразделений. Общая численность ветеринарного состава службы была доведена до трех тысяч военнослужащих и гражданского персонала.

РЕФОРМИРОВАНИЕ Вооруженных сил затронуло, естественно, и Ветеринарно-санитарную службу, потребовало оптимизации ее структур. Организована и осуществлена эта ответственная работа была под руководством полковника ветеринарной службы В.И. Буркова. Отметим, что, несмотря на сокращение личного состава, объем мероприятий, выполнявшихся службой в интересах защиты здоровья личного состава войск (сил флота), значительно возрос. Изменилась и база подготовки специалистов. В 2002 году был создан Военно-ветеринарный институт — единственное в мире высшее военно-ветеринарное учебное заведение.

Несмотря на предпринятое в 2001 году некоторое понижение статуса военной ветеринарии и значительное сокращение численности Вооруженных сил, ветеринарно-санитарная служба в начале XXI века получает новое правовое положение — Государственной ветеринарной службы. Теперь в ее задачу входит реализация государственной политики в области ветеринарного и фитосанитарного надзора в Вооруженных силах, других войсках, воинских формированиях и органах в порядке, установленном законодательными и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации. Утверждаются военно-геральдическая символика и знаки различия по принадлежности к учрежде-

ниям ветеринарно-санитарной службы Вооруженных сил РФ, активизируется издательско-редакционная деятельность службы, выразившаяся в выпуске более 60 научных трудов и других публикаций. В Ветеринарно-санитарной службе за прошедшее десятилетие защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата наук 19 офицеров и служащих российской армии, готовятся к защите 3 докторанта.

На базе научно-исследовательских лабораторий института активно ведутся НИР и НИОКР по проблемным темам. Работы в области создания средств защиты войсковых и продовольственных животных не имеют аналогов в мировой практике. Материалы разработок представлялись на соискание правительственной премии Российской Федерации. В службе созданы более 50 опытных образцов техники, технических средств, биологических и фармакологических препаратов в области ветеринарии, готовых к внедрению в практику и принятию на вооружение.

На данном этапе ветеринарно-санитарная служба Вооруженных сил решает задачи ветеринарно-санитарного обеспечения войск (сил) в целях сохранения боеспособности личного состава, предупреждения и ликвидации болезней войсковых и продовольственных животных. На нее возложены организация и проведение ветеринарно-профилактических и лечебных мероприятий, ветеринарно-санитарный надзор за продовольственным обеспечением войск.

Надо отметить, что руководство Тыла Вооруженных сил всегда уделяло и уделяет ветеринарному обеспечению войск самое пристальное внимание, что, в частности, является залогом успешного выполнения ею возложенных задач.

*Полковник медицинской службы
Ю.Г. БОЕВ;
генерал-майор
ветеринарной службы запаса
В.П. ВЕТРОВ*

СКОЛЬКО ФУТОВ ПОД КИЛЕМ?

Предлагаемая читателям статья содержит обзор истории развития средств измерения глубины под килем судов и кораблей. Ее авторы, являясь специалистами в данной области, сумели систематизировать разрозненные сведения о различных типах этих средств, применявшихся для обеспечения безопасности кораблевождения, от древнейших времен до настоящего времени. Она, на наш взгляд, представляет интерес как для профессиональных морских навигаторов, так и для широкого круга читателей.

СНАЧАЛА мореплавание человек столкнулся с необходимостью знания глубины под килем своего судна. Это давало ему возможность избегать скрытых водой рифов, мелей и правильно выбирать места якорных стоянок. Можно с уверенностью сказать, что измеритель глубины под килем является одним из древнейших мореходных инструментов.

Одним из первых средств измерения глубины был, очевидно, обычный шест, с помощью которого древнейшие мореплаватели определяли, безопасен ли путь по мелководью или в узкостях. Затем, более 2000 лет назад появился ручной лот, который используется и в настоящее время как резервное средство. Он представляет собой груз (лот), прикрепленный к тонкому тросу (лотлиню), разбитому на отрезки

Развитие средств измерения глубины: от обычного шеста до современного навигационного эхолота

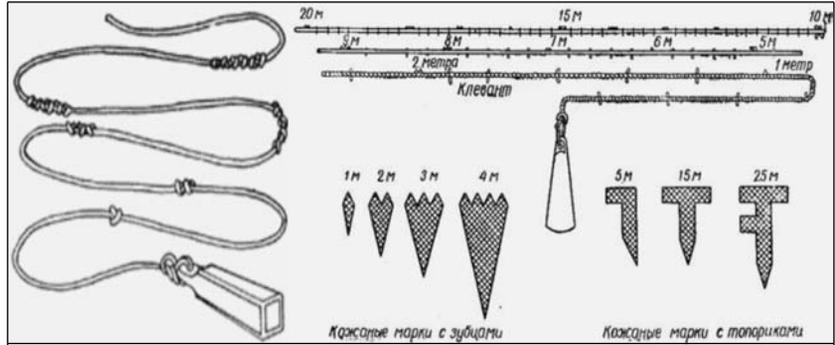
определенной длины кожными или парусиновыми марками. В качестве груза чаще всего применяют чугунную или свинцовую гиру продолговатой пирамидальной или конусообразной формы. Во времена, когда ручной лот был основным средством определения глубины, его обслуживал специально назначаемый наблюдатель (лотый), промерявший глубину с носа судна или специальной площадки. Однако его применение требовало некоторой сноровки и опыта, поскольку не так-то просто можно было определить момент касания грунта, особенно при измерении значительных глубин, когда сказывался собственный вес лотлиня.

Развитие естественных наук, открытия в области физики и математики послужили основой создания более совершенных приборов. В XIX веке было выдано более сотни патентов на новые типы измерителей глубины. На кораблях русского флота в этот период наибольшее распространение получили лоты американца Брука и англичанина Томсона. Первый из них, предложенный в 1853 году, представлял собой стержень с трубкой на конце, на которую надевался сферический груз. При ударе о дно груз отделялся, а полый конец трубки захватывал образец грунта как подтверждение того, что груз

не отделился преждевременно. Второй глубиномер, запатентованный в 1872 году, был основан на измерении гидростатического давления и состоял из двух трубок: стеклянной, у которой один конец был открыт, а другой наглухо запаян, и медной, предохранительной. При погружении прибора в воду под ее давлением сжимался воздушный столб, заключенный в стеклянной трубке, причем пропорционально глубине погружения. Существенным недостатком как этого измерителя глубины, так и иных, использовавшихся в то время, являлась эпизодичность их применения.

В 1891 году английский ученый профессор Ламберт, делая доклад в Королевской морской академии в Гринвиче, отметил, что половина всех кораблекрушений происходит из-за посадки на мель либо из-за столкновения с рифами, причем, как правило, в моменты между измерениями глубины. Сделав вывод о необходимости постоянного подводного контроля, он представил слушателям конструкцию «подводного часового», изобретенного Самуэлем Джемсом. Новый лот состоял из линя и устройства, по форме напоминавшего летающего змея и состоявшего из деревянных щитов в форме крыши. Во время буксировки «змея» за кормой на определенной глубине (до 50 м

Лотовый
готовится
к измерению
глубины

Различные виды ручных лотов

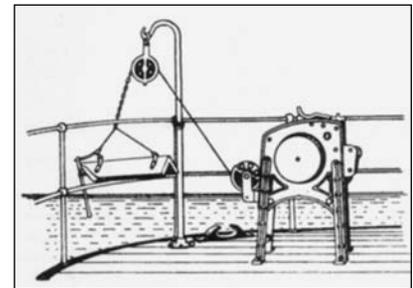
при скорости судна до 15 узлов) он при касании грунта из-за ослабления натяжения линия всплывал, что служило сигналом об уменьшении глубины под килем.

В 1892 году «подводный часовой» Джемса был закуплен Россией и установлен на броненосце «Петр Великий» для испытаний, после завершения которых С.О. Макаров дал высокую оценку этому глубиномеру, порекомендовав впредь вооружать суда исключительно лотами Джемса. По настоянию авторитетного отечественного исследователя, изобретателя и флотоводца они были закуплены в Англии и установлены на кораблях разных проектов, в том числе на крейсере «Аврора». Были и другие подобные устройства, получившие название «предостерегатели мелководья». Одно из них было изобретено в Швеции Шестрандом, а другое — в России техником Ершовым. Поскольку российское изобретение было признано менее надежным, предпочтение отдавали зарубежным.

ИНТЕРЕСНУЮ конструкцию предостерегателя глубины предложил в 1898 году русский врач и изобретатель С.П. Мунт, сумевший заявить свою привилегию на конструкцию в России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Испании, Италии, США и

Англии. Добиваясь этого, он подчеркивал следующие достоинства прибора: полную автоматизацию, непрерывность работы, надежность и простоту, дешевизну и доступность. Вместе с тем у автоматического лота системы Мунта был очень серьезный недостаток, перечеркивающий его достоинства, — он был пригоден лишь при измерении небольших глубин. Так что из всех известных предостерегателей глубины наибольшее доверие по-прежнему оказывали приборам Джемса и Шестранда, которые использовались на многих судах вплоть до 1940-х годов.

Непрерывное развитие флотов, создание новых типов кораблей и судов в условиях увеличившихся скоростей и повышенных требований к точности кораблевождения диктовали необходимость более совершенного навигационного обеспечения. Все это двигало вперед техническую мысль. Так, в 1906 году датчанин Клаузенс, поставив целью усовершенствовать лот Томсона, предложил более точный, чем у предшественника, прибор, позволявший измерять также большие глубины. Россия сперва (1915 г.) закупила эти лоты в количестве 50 штук, а затем (1920-е годы) Петроградский завод «Гидрогеоприбор» освоил их серийное производство. Глу-

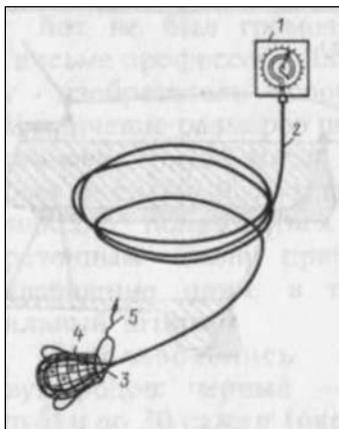

Лот Джемса на корме судна

биномеры Томсона и Клаузенса оставались на кораблях нашего ВМФ в качестве резервного средства вплоть до 50-х годов прошлого века.

Перед Первой мировой войной на судах германского, датского и русского флотов широко применялся также лот Гейна. Еще в 1912 году Главное гидрографическое управление, испытывавшее два этих прибора с положительным результатом, закупило партию их в Германии для установки на броненосные крейсера «Россия», «Рюрик», «Громобой» и эскадренные миноносцы «Казанец», «Украина» и «Гремящий».

Со временем на смену механическим лотам пришли новые измерители глубины — эхолоты. Впрочем, идея о возможности измерения глубины методом эхолокации, т.е. по времени распространения звуковых волн до дна и обратно, была высказана еще в XV веке Леонардо да Винчи. Впервые же этот метод был практически подтвержден в

Лот Ганта:

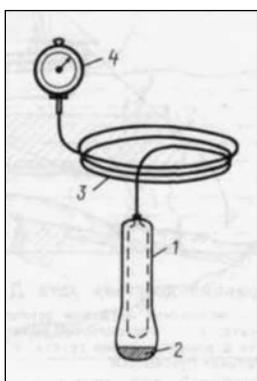
- 1 — динамометр;
- 2 — резиновый шланг;
- 3 — мешок;
- 4 — шарообразное тело;
- 5 — лить

Н.И. Сигачев

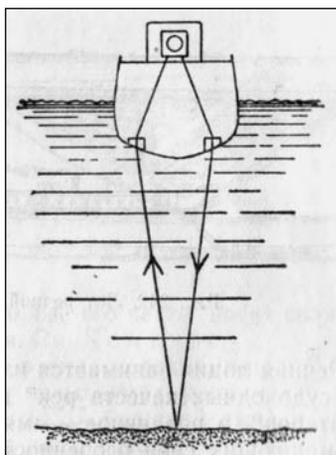
Навигационный эхолот НЭЛ-20К

Лот Гейна:

- 1 — груз;
- 2 — балласт;
- 3 — резиновый шланг;
- 4 — манометр

Принцип действия эхолота

1804 году русским академиком Я.Д. Захаровым. Совершая один из первых в истории воздухоплавания исследовательских полетов на воздушном шаре, он, направив рупор в сторону земли, издал крик. Уловив через 10 сек отраженный звук (эхо) и зная скорость его распространения в воздухе, определил, что шар находится на высоте 1700 м. Информация об опытах Я.Д. Захарова была опубликована в российском академическом издании, которое рассылалось в страны Европы и Америки. Таким образом метод эхолокации получил широкую известность, а работы французских исследователей Бедана, Колладона и Штурма по определению скорости распространения звука в водах Женевского озера

позволили французскому физику Д. Араго указать на возможность применения этого метода и для измерения морских глубин.

Тем не менее потребовалось почти сто лет, чтобы на практике достичь удовлетворительных результатов, и только в начале XX века с появлением достаточно простых, мощных излучателей звуковых колебаний и чувствительных приемников метод эхолокации в измерении глубины получил практическую реализацию. Большую роль в этом сыграли теоретические исследования в области распространения звука в воде и генерации звуковых колебаний русских ученых Б.Б. Голицына, Ф.Ф. Петрашевского, Н.Е. Жуковского, П.Н. Лебедева и других. Появились же первые эхолоты

лишь в период Первой мировой войны 1914—1918 гг., состоя на вооружении флотов Германии, Англии, США и Канады. В русском же флоте эхолоты появились в 1917 году.

БОЛЬШОЕ значение для создания ультразвуковых эхолотов имели исследования русского инженера К.В. Шилового по направленному излучению ультразвука в воде, проведенные в 1912 году. На их основе он совместно с известным французским физиком П. Ланжевенем (с 1929 г. — почетный член АН СССР) получил патент на «Описание аппаратов и способов их применения для подачи направленных подводных сигналов и для локации подводных препятствий». В 1919—1920 гг. П. Ланжевен создал и испытал в Ла-Манше и Средиземном море первый ультразвуковой эхолот. Следует также отметить, что после этих испытаний метод определения глубины по непосредственному измерению времени прохождения акустического сигнала до дна и обратно практически вытеснил из эхолостроения все другие способы.

В СССР работы над эхолотами начались с 30-х годов прошлого века. Первый экспериментальный образец отечественного эхолота

Таблица

Характеристики отечественных навигационных эхолотов

Шифр эхолота (год принятия на вооружение)	Диапазон измеряемых глубин, м	Предельные условия эксплуатации	
		скорость, уз	качка, град.
ЭЛ (1937)37)	1-500	15	—
ЭМС-2 (1939)	1-1000	30	—
НЭЛ-3 (1943)	1-500	20	10
НЭЛ-4 (1949)	1-500	20	10
НЭЛ-5 (1955)	1-2000	20	10
НЭЛ-6 (1959)	1-6000	10	5
НЭЛ-7 (1960)	0,8-500	30	5
НЭЛ-10 (1967)	1-2000	30	10
НЭЛ-М1 (1979)	1-6000	35	10
НЭЛ-М2 (1979)	1-3000	30	10
НЭЛ-МЗБ (1979)	0,5-500	40	10
НЭЛ-МЗА (1979)	0,2-300	40	10
НЭЛ-М4 (1979)	0,2-36	25	10
НЭЛ-М5 (1979)	10-200	20	10
НЭЛ-20К (1995)	До 400	40	10

Составлено по: Короткин И.М., Нефедов П.М. Исторический очерк развития отечественного эхолотоостроения. Л.: Изд. 9 НИИ МО СССР, 1985.

был сконструирован и собран в 1932 году на предприятии «Водтрансприбор» под руководством известного советского ученого-гидроакустика В.Н. Тюлина. Прибор был успешно испытан в Белом и Карском морях на ледокольном пароходе «Малыгин». Первый серийный ультразвуковой эхолот ЭС в СССР был разработан в 1933—1936 гг., а после испытаний на гидрографических судах «Мгла», «Океан» и «Охотск», крейсере «Киров» и подводной лодке «Народоволец» началось его серийное производство с принятием в 1937 году на вооружение Военно-морского флота.

Значительная роль в отечественном эхолотоостроении принадлежит созданному в 1939 году Научно-испытательному гидрографическо-штурманскому институту ВМФ (позднее 9 НИИ МО СССР, в настоящее время ГНИНГИ МО РФ — Государственный научно-исследовательский навигационно-гидрографический институт Минобороны РФ). К тому времени ВМФ уже располагал эхолотом ЭЛ, активное участие в создании которого принимал первый начальник института инженер-капитан 1 ранга Н.И. Сигачев, впоследствии награжденный орденом Красной Звезды. Тогда же завершилась промышленная разработка эхолотов ЭМС-2 (для надводных кораблей и судов), ЭМС-23 (для линкоров и крейсеров), несколько модификаций шлюпочного эхолота ЭМС-Ш, ШЭЛ-2, ШЭЛ-3, ШЭЛ-4, а также первого глубоководного навигационного эхолота ГЭЛ-1. К выполнению этих работ сразу же подключились сотрудники института Л.В. Асафьев, И.М. Короткин, И.И. Федоров.

Великая Отечественная война резко сузила тематику большинства конструкторских решений и поисков, хотя и в этот сложный период работы по совершенствованию эхолотов продолжались. Так, специалисты гидрографической службы Северного флота на базе серийного эхолота ЭЛ создали макетный образец малогабаритного эхолота, который успешно выдержал испытания в боевой обстановке на подводной лодке М-172 (командир Герой Советского Союза И.Л. Фисанович). С учетом результатов испытаний прибора был разработан и с 1943 года начал серийно выпускаться эхолот НЭЛ-3.

В РАЗВИТИИ отечественных навигационных эхолотов можно условно выделить три этапа (см. табл.): эхолоты 1-го поколения — от начала серийного производства до конца Великой Отечественной войны; 2-го поколения — от первых послевоенных лет до конца

1960-х годов; 3-го поколения — от начала 1970-х годов до настоящего времени.

После войны продолжалось дальнейшее совершенствование навигационных эхолотов. Они развивались по следующим направлениям: создание автоматического регистратора глубины (самописца) и новых типов индикаторов; совершенствование приемов излучающих трактов эхолота (использование тонального излучения, узкополосных приемных трактов); поиск новых материалов для повышения эффективности антенн и др.

Большинство выполненных в начале 1950-х годов научно-исследовательских работ заканчивались изготовлением и натурными испытаниями экспериментальных образцов. Некоторые работы проводились совместно с организациями АН СССР. Например, совместно с Институтом физики металлов была разра-

ботана новая технология изготовления никелевых пластин для приемных антенн эхолотов, что позволило повысить их чувствительность и увеличить измеряемые максимальные глубины.

Полученные в ряде исследований рекомендации по совершенствованию эхолотов значительно опережали возможности отечественной промышленности. Например, необходимость использования в эхолотах пьезоэлектрических антенн была показана И.И. Федоровым и Д.Х. Шкловской в 1958 году, а реализовано это предложение лишь 11 лет спустя в эхолоте НЭЛ-10. Тем не менее проведенные исследования позволили создать такие совершенные для своего времени образцы, как НЭЛ-4 (1949 г.), НЭЛ-5 (1955 г.) и НЭЛ-6 (1959 г.). В проведении исследований по обоснованию разработки и научно-техническом сопровождении опытно-конструкторских работ принимали активное участие сотрудники 9 НИИ МО СССР Л.В. Асафьев, В.А. Закасовский, И.М. Короткин, С.В. Панов, И.И. Федоров, Д.Х. Шкловская и другие. В 1979 году было начато серийное производство унифицированных эхолотов НЭЛ-М, состоящих из шести моделей, обеспечивающих потребности не только всех классов кораблей и судов ВМФ, но также и всех типов судов Минморфлота, Минрыбхоза и Минречфлота СССР. Активное участие в разработке и испытаниях этих эхолотов принимали Л.В. Асафьев, К.А. Виноградов, А.А. Иванов, И.М. Короткин, П.И. Малеев, И.И. Федоров и другие. Отметим, что это был первый

в практике отечественного морского приборостроения опыт разработки аппаратуры унифицированного ряда. Развитие данного направления было продолжено и в плане унификации навигационных и промерных эхолотов. В 1982 году К.А. Виноградовым, И.Ф. Корниенко, В.В. Полозовым и В.В. Старожицким была обоснована концепция построения нового ряда многоцелевых однолучевых эхолотов для кораблей и судов всех классов. Научно-исследовательскому институту «Риф» (г. Бельцы, Молдавская ССР) была задана прикладная научно-исследовательская работа. Однако в связи с распадом СССР она была прекращена на начальном этапе разработки конструкторской документации.

В 1993 году научно-производственный концерн «Промэлектроника» совместно с ГНИНГИ МО РФ начал работу по созданию нового навигационного эхолота для надводных кораблей и судов. В нем реализованы современные микропроцессорные технологии, обеспечивающие регистрацию измеряемых глубин на дисплее и их запись с привязкой к судовому времени за последние 3 часа работы. После проведенных в следующем году испытаний на Черноморском флоте новый эхолот НЭЛ-20К был разрешен Российским морским регистром судоходства к использованию на судах. Он успешно выдержал государственные испытания и в настоящее время поставляется на корабли и суда ВМФ.

А.В. ЛАВРЕНТЬЕВ;
капитан 1 ранга
М.Л. БОГДАНОВИЧ;
капитан 3 ранга
К.Ю. ЛЫСЕНКО

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

СОВЕТСКИЕ ПРИБАЛТИЙСКИЕ ДИВИЗИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Обложка
книги

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Европа» выпустило книгу А.И. Петренко* о войне и Победе, которая была, несмотря на все происходящие в Прибалтике попытки исказить исторические факты и извратить смысл и дух дорогого для нас дня.

Под флагом борьбы с российскими «оккупантами» режимы, утвердившиеся в Латвии и Эстонии, не только переписывают учебники на новый лад. Фактически они ведут своего рода тотальную войну против памяти большинства населения собственных стран. С педантизмом, подкрашенным страстью, новые власти стремятся отнять у балтийских народов память о собственной жизни, о собственных карьерах в советское время. С особым надрывом власти Латвии и Эстонии стремятся убедить всех и каждого в том, что их народы были заняты исключительно сопротивлением. Да, были балтийские части в составе гитлеровских войск. И нацистские награды там открыто носят на груди. Но были и другие части, и другие награды, которые теперь носить запрещено.

Именно бойцы Латышского и Эстонского корпусов и Литовской дивизии Красной армии, участники партизанского сопротивления, выходцы из Прибалтики, воевавшие против «третьего рейха» в других воинских частях и на других фронтах, не только защитили будущее своих народов, но и спасли их честь и достоинство в тяжелой и величайшей трагедии XX века. Именно они — герои, а не те, кого сегодня пытаются поднять на щит латышские, литовские и эстонские националисты.

Эта книга прежде всего обращена к молодежи: вдумывайтесь в происходящее, не позволяйте навязывать вам конъюнктурные версии исторических событий и, главное, использовать эти версии для унижения и дискриминации живущих сегодня людей. 60 лет тому назад наши отцы, деды и прадеды сумели отбросить в сторону все разделявшее их и объединиться, чтобы побороть идеологию расового и национального превосходства. Наш долг — хранить и защищать эту Победу.

* Петренко А.И. Прибалтика против фашизма. Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. М.: Европа, 2005. 156 с.

ВОСПЕВАЯ БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ РУССКИХ МОРЯКОВ

И.К. Айвазовский

17 ИЮЛЯ 1817 года в Феодосии в семье небогатого купца, армянина по национальности, родился будущий выдающийся русский живописец, крупнейший мастер морского пейзажа Иван Константинович Айвазовский. Исключительные художественные способности у будущего живописца проявились в детстве. В 16-летнем возрасте он был определен на учебу в Петербургскую академию художеств. Здесь И.К. Айвазовский обращается к любимому с юных лет морскому пейзажу и быстро завоевывает успех такими работами, как «Облака над морем» (1835), «Большой рейд в Кронштадте» (1836), «Штиль» (1837).

В столице И.К. Айвазовский сближается с замечательными деятелями русской культуры: К.П. Брюлловым, М.И. Глинкой, В.А. Жуковским, И.А. Крыловым, знакомится с А.С. Пушкиным. Это накладывает глубокий отпечаток на его дальнейшее творчество.

В 1840 году И.К. Айвазовский едет в Италию. Здесь художник создает романтические морские пейзажи: «Буря», «Хаос», «Неаполитанская ночь» и другие, чем завоевывает мировую славу. И.К. Айвазовский избирается членом ряда европейских академий. В Италии он знакомится с Н.В. Гоголем и известным художником А.А. Ивановым. В эту и последующие поездки за границу И.К. Айвазовский посетил многие страны Европы и Азии.

В Петербург И.К. Айвазовский возвратился в 1844 году. Там ему было присуждено звание академика (1845) и живописца Главного морского штаба. В 1847 году Иван Константинович становится дворянином. Однако, несмотря на признание, успех и многочисленные заказы, а также стремление царской фамилии сделать И.К. Айвазовского своим живописцем, его неудержимо влекут Крым, море, родная Феодосия. Покинув Петербург, художник в 1845 году строит мастерскую в Феодосии и работает там до конца своих дней.

Живя в Феодосии, И.К. Айвазовский принимал активное участие в жизни города. Им были выстроены здания картинной галереи, археологического музея,

для целого края, в ней выросли известные художники Л.Ф. Лагорио, А.И. Куинджи, К.Ф. Богаевский и многие другие.

Феодосийский период жизни художника был особенно характерен укреплением его связей с Черноморским военно-морским флотом, которые возникли еще в 1838 году, когда молодой живописец сопровождал великих русских флотоводцев М.П. Лазарева, В.А. Корнилова и П.С. Нахимова во время десанта в Субаши. Впоследствии эта операция была запечатлена на картине «Высадка в Субаши».

В годы Крымской войны 1853–1856 гг. художник посещает осажденный Севастополь и пишет ряд батальных картин, посвященных героической обороне города.

Картины И.К. Айвазовского находятся почти во всех музеях страны, а также в ряде других учреждений и военно-учебных заведениях. Сцены морских сражений, написанные И.К. Айвазовским, проникнуты патриотизмом, отличаются исторической правдой, точным изображением морских судов и глубоким осмыслением тактики морского боя. На полотнах запечатлены исторические победы русского флота, легендарные подвиги российских моряков и флотов-

К 190-летию И.К. Айвазовского (1817–1900)

он содействовал постройке феодосийского морского порта и проведению железной дороги. Что касается его мастерской, то она фактически превратилась в своеобразный центр искусства

Смотр Черноморского флота
Художник И.К. АЙВАЗОВСКИЙ
1886 г.

Бой в Хиосском проливе
Фрагмент картины И.К. АЙВАЗОВСКОГО

водцев, показано мужество людей, сражающихся за Родину и борющихся с морской стихией.

В этом отношении особенно известны картины «Петр I при Красной Горке», «Наваринский бой», «Чесменский бой». «Бой брига "Меркурий"», «Взятие парохода "Мерсина"».

В ряде полотен И.К. Айвазовский близко подходит к пейзажу мастеров русского идейного реализма. В лучших работах этого периода создаются проникнутые глубоким патриотизмом образы родного Крыма и Черного моря. Так, пейзаж «Черное море» (1881) оценивается как высшее реалистическое достижение И.К. Айвазовского, где с огромной эпической силой раскрывается беспредельная ширь русских морских пространств.

В поздний период творчества И.К. Айвазовский неоднократно возвращается к образу А.С. Пушкина («Пушкин на берегу моря»,

«Прощание Пушкина с морем», «Пушкин у Гурзуфских скал»), в стихах которого художник находит поэтическое выражение своего отношения к морю. В 1897 году художник отпраздновал свое 80-летие. Его заслуги были отмечены орденом Св. Александра Невского.

Отмечая 190-летие великого русского художника, крупнейшего мастера морского пейзажа, мы высоко ценим его патриотизм, его усилия, направленные на воспитание мужественных покорителей морской стихии. И не случайно именно в Военно-морском учебном заведении в Санкт-Петербурге, в стенах которого готовятся будущие российские флотоводцы – покорители морей и океанов, помещена картина И.К. Айвазовского «Чесменский бой», воспевающая бессмертный подвиг русского Военно-морского флота, героизм и бесстрашие русских моряков.

Генерал-майор в отставке
В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция!

«Военно-исторический журнал», по моему мнению, отражает военную тематику в историческом отрезке времени, а аудитория его обширна. Это и просто читатели, и специалисты, как военные, так и гражданские, а также те, кому нужна объективная информация. Несомненно, страницы журнала должны отражать связь времен. Вы делаете это, публикуя воспоминания очевидцев и опровержения статей фальсификаторов.

Общаясь с моей 82-летней мамой, которая во время Великой Отечественной войны была медсестрой, дошедшей до г. Торна (Польша), и с ушедшим от нас земляком, Героем Советского Союза, кавалером 7 орденов Красного Знамени генерал-лейтенантом Василием Федоровичем Голубевым, я пришел к выводу, что обязательно надо оставить будущим поколениям воспоминания, тогда конъюнктура будет проходить не так легко. Считаю, что и цветные иллюстрации в начале журнала очень удачны. Однако недавно на страницах вашего журнала появились вставки, сделанные крупным шрифтом, и мне кажется, что они ни к чему.

Я уверен, что представленные вами викторины, конкурсы, кроссворды очень заинтересовали читателей. Спасибо А.С. Ждановскому.

Всего вам хорошего, здоровья, удачи в работе и жизни. Всегда ваш подписчик

П.Ф. СЕМЕНОВ

(г. Сясьстрой Ленинградской области)

* * *

Уважаемые товарищи!

На склоне лет мне почему-то все чаще вспоминаются дни моей службы в Группе советских войск в Германии в середине 1960-х годов. Наше подразделение являлось, по теперешней терминологии, спецназом. Командовал батальоном бывший фронтовой разведчик подполковник Роберт Павлович Мосолов. Между собой мы звали его просто батей. Он учил подчиненных всему на собственном примере. Первым прыгал с парашютом, ободряя тем самым новичков, вникал во все мелочи службы, стараясь, чтобы не было обиженных и недовольных, любил хорошую строевую песню, организовывал концерты художественной самодеятельности. От младших офицеров он также требовал прежде всего уважения к солдату и его ратному труду. И личный состав нашего спецназа готов был выполнить любое приказание своего бати, а, увольняясь, каждый как бы уносил с собой частичку его души. Лично я в своей дальнейшей жизни и службе во всем старался быть похожим на Р.П. Мосолова. Побольше бы нам сегодня таких офицеров: и с дисциплиной был бы порядок, и о дедовщине забыли бы. Офицер — это не просто человек с погонами, на которых красуются звезды, но и носитель государственности. Он и его семья не должны жить в стесненных материальных и бытовых условиях.

В.А. ХОМУТСКИЙ

(п. Пироговский Мытищинского района Московской области)

«КРАСНАЯ АРМИЯ ДОЛЖНА ВЗЯТЬ ПОМОЩЬ ИНВАЛИДНЫМ ДОМАМ В СВОИ РУКИ...»

Эта извечная, злободневная и поныне тема в военно-научной литературе освещается крайне редко, хотя наличие большого количества инвалидов войны, а тем более их неустроенность — поистине социальная драма для любого общества. Государственная поддержка и общественная реабилитация увечных войной защитников Отечества и составляет основное содержание предлагаемой читателям статьи, базирующейся на архивных материалах, а также сведениях из справочных и мемуарных изданий. Актуальность ее обусловлена возрастающим в современных условиях значением проблемы реабилитации и адаптации потерявших частично или полностью трудоспособность бывших воинов.

ПРОБЛЕМА профессиональной ориентации увечных войной, в течение многих лет решаемая государством, увязана, конечно же, с историческим опытом. Одной из форм при этом была выбрана кооперация, позволявшая инвалидам, объединившимся в сообщество, более эффективно хозяйствовать и отстаивать в случае необходимости свои интересы и права.

Основана российская инвалидная кооперация, о чем свидетельствуют архивные документы, под патронажем Александры Федоровны Романовой, супруги последнего императора. В 1916 году она убедила Николая II преобразовать соответствующим образом Ку-

Государственная поддержка и общественная реабилитация увечных войной защитников Отечества

старный комитет Министерства земледелия России так, чтобы направить артельное движение в русло инвалидной кооперации. 20 июня того же года под председательством министра земледелия А.Н. Наумова состоялось первое заседание преобразованного Кустарного комитета, на котором присутствовали представители Военного и Морского министерств. В адрес его участников поступила телеграмма императрицы: «Надеюсь, что трудами Комитета возродившееся кустарное дело быстро разовьется во всех отраслях и что увечные воины, вернувшись со своего славного подвига, получат возможность верного заработка»¹.

Императорским указом Александра Федоровна, полагавшая открыть в ближайшее время инвалидные вузы и техникумы, чтобы сами ветераны могли выполнять функции инструкторов и организаторов инвалидных артелей, объявлялась высочайшей покровительницей указанного комитета, а вскоре была создана и первая в России кооперативная инвалидная организация — «Союз увечных воинов». Революционные события в стране не только не позволили этому сообществу осуществлять практические дела, способствовавшие реабилитации инвалидов Первой мировой войны, но и привели к его роспуску в 1919 году как контрреволюционной организации.

Однако к решению злободневной проблемы пришлось вернуться в самое ближайшее время и советскому правительству. Уже 20 января 1920 года был официально зарегистрирован Всероссийский комитет помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам и

семьям лиц, погибших на войне. Летом 1921-го, после того как было принято решение о привлечении военного ведомства к обеспечению и трудоустройству инвалидов, в Народный комиссариат по социальному обеспечению (НКСО; Наркомсобес) был направлен специальный представитель РВС Республики, а в губсобесы — представители местных управлений военного ведомства. В июле того же года состоялось Всероссийское совещание заведующих губсоветами, на котором был заслушан доклад «Об инвалидных учреждениях НКСО и использовании в них труда инвалидов». Совещание рекомендовало использовать труд инвалидов, живущих вне учреждений НКСО, путем организации артелей и раздачи заказов надомникам. 13 сентября 1921 года в специальном приказе, подписанном председателем Высшего военного совета и наркомом по военным делам Л.Д. Троцким, отмечалось: «Красная армия должна взять помощь инвалидным домам в свои руки, направить своих представителей в дома инвалидов и собесы, выделить инструкторов по организации труда инвалидов»².

СУЩЕСТВЕННОЙ мерой явилось образование по постановлению Всероссийского центрального исполнительного комитета Всероссийского комитета помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам, а также семьям лиц, погибших на войне (Всерокомпом). От него воевавшие за советскую власть и получившие увечья воины стали получать хотя и незначительную, но все же реальную материальную и моральную поддержку.

Однако выделение социальных пособий не могло, есте-

ственно, в достаточной степени решить все проблемы инвалидов, которых необходимо было не только трудоустроить, но и предоставить им возможность участвовать в жизни общества и принести пользу своему народу. Исходя из этого, Совет Народных Комиссаров (СНК) Республики принял 8 декабря 1921 года* специальный декрет, подписанный заместителем председателя СНК и СТО** РСФСР А.Д. Цюрупой, о создании кооперации инвалидов, которая в то время воспринималась не столько как кооперативное трудовое сообщество, сколько как одна из форм соцобеспечения.

С 1922 года начался процесс объединения инвалидов в кооперативные предприятия, которые первоначально создавались при собесах. Статистические данные за 1923 год показывают, что на то время в городах России насчитывалось 800 тыс. инвалидов и членов семей погибших красноармейцев, а в деревнях и того больше — 2 млн. Из этого числа 50 тыс. увечных проживали в интернатах, 30 тыс. обучались на курсах, 40 тыс. работали в артелях при собесах, 500 тыс. получали пенсию, остальные же (свыше 1 млн человек) оставались без средств к существованию.

В 20-е годы XX века осуществлялся процесс создания предприятий кооперации инвалидов. Сначала они появились в Петрограде, затем в Москве, далее в крупных промышленных центрах Белоруссии и Украины, то есть в основном в больших городах. Словом, в отличие от промкооперации кооперация инвалидов к середине 1920-х годов приобрела городской характер.

Другой особенностью этого сообщества явилась и иная его переориентация. Если в начале своего исторического пути предприятия кооперации инвалидов в основном были связаны с торговлей, то к концу 1920-х годов произошло превращение их в производ-

* Позднее эта дата была объявлена Днем рождения Всероссийской кооперации инвалидов.

** Совет Труда и Оборона.

ственные объединения. Именно с этого периода они активно включились в процесс создания основ социалистического общества.

В то время, когда в стране шел процесс радикальных преобразований во всех сферах общественной жизни, велась всеохватная борьба с технико-экономической и культурной отсталостью, был образован Ставропольский краевой союз кооперативных объединений инвалидов как составная часть Всероссийского кооперативного союза объединений инвалидов Министерства социального обеспечения РСФСР, официально зарегистрированный в 1930 году. За годы довоенных пятилеток он, подобно другим родственным сообществам, в основном способствовал обеспечению рынка товарами первой необходимости. С началом же Великой Отечественной войны значительно возросла и его роль в соцобеспечении своих членов. Перед артелями (всего их в крае насчитывалось 58, охватывавших более 200 видов производства³) была поставлена задача приобщения инвалидов войны к труду, а также создания для них условий по улучшению их материального положения.

Вопросы обучения и трудоустройства увечных войной контролировались Народным комиссариатом социального обеспечения РСФСР, при котором был создан специальный отдел трудоустройства и обучения инвалидов.

В ТЯЖЕЛЕЙШИХ условиях Великой Отечественной войны кооперация инвалидов не только способствовала обеспечению фронта и тыла необходимой продукцией, но и решала проблемы социальной реабилитации красноармейцев, получивших увечья на фронте. Им и членам их семей кооперативными предприятиями периодически выделялись единовременные пособия, одежда и обувь, организовывались бесплатные горячие обеды⁴, для работающих в артелях инвалидов Великой Отечественной войны улучшались материально-бытовые и произ-

водственные условия, ради их здоровья был установлен жесткий контроль за соблюдением охраны труда и техники безопасности.

В послевоенный период предприятия кооперации инвалидов продолжали активную деятельность по трудоустройству увечных войной, по дальнейшему обеспечению их социальной защищенности. Вместе с тем подготавливалась почва для упразднения, к примеру, в том же Ставрополье, кооперативных предприятий с передачей их имущества государственным предприятиям. 8 мая 1953 года производом ликвидация Всекоопинсоюза, а его артели вошли в состав Роспромсовета. При этом не был учтен следующий важный исторический факт: созданные кооперативные объединения инвалидов, которые появились еще в 1920 году, были направлены на решение именно государственной задачи — трудоустройство инвалидов войны и улучшение их материального и духовного благополучия.

Сегодня в России, по данным Центрального научно-исследовательского института экспертизы трудоспособности и труда инвалидов, число воинов, получивших различные увечья во время службы в армии и на флоте, а также в ходе различных военных конфликтов, превышает 500 тыс. человек. Из них пятая часть — моложе 30 лет, и только лишь 7 проц. — старше трудоспособного возраста. Проблема же их социальной реабилитации и адаптации остается до конца не решенной. И здесь положительную роль может сыграть исторический опыт кооперативного движения в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вестник кустарной промышленности. 1916. № 6—7. С. 71.

² Вопросы соцобеспечения. 1921. № 2. С. 37, 73; № 5—6. С. 39, 62.

³ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 2775. Оп. 1. Д. 34. Л. 73.

⁴ Там же. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

Л.В. ПЕЧАЛОВА

КАЗАКИ В АРМЕНИИ

КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

КАЗАЧЕСТВО в Закавказье появилось еще в первой четверти XVIII века — в составе русских войск во время Персидского (Каспийского) похода Петра I. Однако именно войны XIX века: (русско-персидская 1826—1828 гг., русско-турецкая 1828—1829 гг. и в особенности Крымская война 1853—1856 гг.) и участие в них казачьих войск вызвали их массовое перемещение на постоянную дислокацию в Закавказье, в том числе в Армению.

В Ереванской губернии казаки селились в русских поселениях: Джалалоглы русские, Гергеры русские (с. Пушкино), Новопокровка, а также в селах Привольном и Новоалександровке. Русские крестьяне были выходцами из Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Полтавской, Пензенской, Московской и Харьковской губерний. В 1858 году 26 семей казаков, переселившиеся в Восточную Армению, основали станицу Николаевка. Присоединение Закавказья к России поставило перед новой русской администрацией задачу охраны границы с Турцией и Персией. И именно казаки как никто лучше подходили для выполнения этой миссии.

После крестьянской реформы 1861 года получившие вольную крестьяне устремились в южные губернии России, но им разрешили селиться лишь при условии зачисления их в Кавказское казачье войско с целью его усиления¹. Однако таких оказалось незначительное число. Основная масса казаков была призвана из числа северокавказских казачьих войск.

Присутствие казачьих войск в Закавказье ощутимо усилилось сразу после победы русской армии в многолетней и изнурительной Кавказской войне. Это вызывалось необходимостью стабилиза-

ции обстановки на южных границах России, пресечения проникновения на Северный Кавказ турецких эмиссаров, а также контрабандного потока оружия для горских повстанцев и абреков, идущего из Турции. Согласно архивным сведениям, сразу после окончания Крымской войны на постоянной основе в Ереване были дислоцированы 4-й, 6-й, 7-й и 14-й донские казачьи полки. В 1868 году к донцам прибавлена моздокская сотня Терского казачьего войска. К 1870 году в приграничном городе Ордубаде были расквартированы три пластунские сотни 1-го батальона Кубанского казачьего войска, 5-я сотня Хоперского конного полка и 2-я сотня Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. В Нахичевани расквартированы 1-я и 2-я казачьи пластунские батальоны и Хоперский казачий полк². Казаки на местах подчинялись своим командирам, а общее командование осуществлялось войсковыми штабами казачьих войск и казачьими и войсковыми атаманами, находившимися на Северном Кавказе, в Новочеркасске, Екатеринодаре и Владикавказе.

Казаки довольно успешно обживали новые места, напоминаящие их родные кубанские, донские, терские земли. На Южный Кавказ казаки переселялись с семьями или же обзаводились семьями здесь же. Они с особым трепетом сохраняли свои обычаи и традиции. Несмотря на отдаленность от родных мест, создаваемые казачьи станицы они называли на казачий лад.

Особое место в жизни казаков занимала православная церковь. Во всех казачьих полках имелись полковые церкви и полковые священники. Кроме этого в населенных пунктах, где отсутствовали казачьи церкви, духовные

требы казаков в местных православных храмах исполняли православные священники, которые в метрических книгах записывали дни рождений, венчаний и смерти казаков.

По метрическим книгам, хранящимся в различных архивах, можно узнать некоторые сведения о жизни казаков в Закавказье. Так, согласно записи в метрической книге Ереванского собора 1 января 1864 года у казака 7-го казачьего полка Петра Аминова и его жены Марии Дмитриевны родился сын Иван, а 20 октября того же года — дочь Прасковья. Крещение совершено в соборе священником Михаилом Лазаревым, а восприемником был командир полка Иван Демидов³. 1 января 1908 года приходской священник совершил обряд бракосочетания в Кешишкендской церкви св. Иакова Персиянина казачки-староверки станицы Чернышевской 2-го Донского округа области Войска Донского Евгении Рябукиной со стражником Шаруро-Даралагязского уезда Саввой Чернышевым. А 20 января он приобщил молодую женщину к православию посредством святого миропомазания, с сохранением прежнего имени⁴. Казаки и казачки женились и выходили замуж не только в своем словесном кругу, но и за представителей других сословий.

20 декабря 1874 года у урядника 2-го пластунского батальона Кубанского казачьего войска Ивана Редченко и его жены Настасьи Ивановны родился сын Захарий, а 19 марта 1875 года у казака Григория Лабинцева родилась дочь Мария⁵. В это же время документально зафиксированы десятки других случаев рождения детей у казаков.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. началось наиболее активное перемещение и переселение на Юж-

ный Кавказ северокавказских и донских казаков. Участие казачьих формирований в войне с Турцией на Кавказском фронте, а также необходимость обеспечения безопасности переселившегося в Карсскую область русского населения стали основанием для оставления здесь значительной части казачьих войск. К концу XIX века в Карсской области имелось четыре русских православных села — Михайловка, Ольговка, Хорошее и Гренадерское⁶. К этому времени относится расквартирование на постоянной основе в Ереванской губернии и Карсской области 1-го Полтавского конного атамана Сидора Белого казачьего полка, Уманского казачьего полка, 2-го казачьего пластунского батальона, 1-й Кубанской казачьей батареи, 1-го Ейского конного казачьего полка⁷, которые вскоре были сведены во 2-ю Кавказскую казачью дивизию со штабом в Ереване.

На казаков в мирное время возлагались воинские обязанности, связанные с пограничной службой, пресечением деятельности контрабандистов и др. Так, до 1889 года охрану самого беспокойного Аралыхского участка русско-турецкой границы нес 1-й Уманский конный полк Кубанского казачьего войска, который затем был заменен Ереванской бригадой пограничной стражи, в состав которой входили и казаки 1-го Полтавского и Уманского полков⁸. Защиту границы в районе Сарыкамыша осуществлял 1-й Кубанский казачий полк, для насущных потребностей которого были отведены земельная территория и участок леса Сарыкамышского лесничества⁹.

Численность казаков за Кавказским хребтом продолжала увеличиваться и в конце XIX — начале XX века. Этому способствовал переселенческий закон от 6 июня 1904 года. Различную помощь казакам-переселенцам оказывали административные органы Донского, Кубанского и Терского казачьих войск. В казачьих станицах, находящихся в Армении, строились православные

храмы, в самом Ереване были построены новые казармы и полковые церкви. О численности казаков на Южном Кавказе к началу XX века точные сведения отсутствуют, но можно предположить, что они уже составляли ощутимую часть местного населения. Например, только в Карсской области их проживало 20 тыс. человек¹⁰.

С началом Первой мировой войны и открытием боевых действий на Кавказе только Кубанское казачье войско выставило на фронт 11 полных дивизий, корпус кубанских пластун, 5 конно-артиллерийских батарей. Кроме этого, расквартированные здесь терские казаки пополнились 1-й Терской казачьей батареей, передислоцированной в приграничный город Ахалкалаки, 1-м Горско-Моздокским генерала Круковского полком, передислоцированным в Ольты, 2-м Воюкским полком, сосредоточенным в Карабахе, 1-м Сунженско-Владикавказским полком. Анализируя архивные данные, можно прийти к выводу, что к началу войны в казачьих частях кроме казаков, прибывших из Северного Кавказа, служили и местные карсские казаки, переселившиеся сюда в свое время из Кубани. Так, в 1-м Уманском полку служил житель карской станицы Плодородной казак Петр Моисеенко.

Боевые действия против турецких войск на Кавказском фронте шли успешно, вместе с тем жертвы среди русских войск, в том числе казаков, были довольно значительны. Кубанских казаков, погибших в мае 1915 года в бою под селением Башкей, в Западной Армении, похоронили на армянских кладбищах в селениях Пинадуз и Башкей. Их отпевал русский православный священник Карсского крепостного госпиталя Василий Богданов. Погибшие казаки были, в основном, из кубанских станиц Старо-Нижестеблевой, Катухайской и Кисляновской.

Среди погибших в июне 1915 года и похороненных в западно-армянском селении Шогунат были казаки станиц Авдюновской, Челбасской,

Губской, Курджипской и Ярославской Кубанской области, а в боях под селением Мрбар и Назык-Геллю казаки станиц Куцевской, Каневской, Абадзахской, Терской, Кугуевской, Новошербиновской, Ширванской Кубанской области, а также станицы Солдатской Терской области. Большая часть из вышеупомянутых погибших на поле брани казаков была со всеми почестями по православному обычаю погребена на братском кладбище у селения Назык-Геллю.

Погибших в декабре 1915 года в бою при высоте Илямма казаков из Таганрогского, Ростовского и Сальского округов Области Войска Донского, а также Таманского, Кавказского и Екатеринодарского отделов Кубанской области похоронил и отпел по православному обычаю священник Главного управления войск Кавказского военного округа Юлиан Красицкий. Их последним приютом стали кладбища на высоте Илямма у селения Гиряк и селения Аварт¹¹.

Велики были потери казаков в июле 1916 года у селений Миро-Коляк, Хасбору, Атлаш-Сувик и у реки Верхний Чорох. Среди погибших были казаки Донецкого и Таганрогского округов, Войска Донского, Кавказского, Баталпашинского, Майкопского, Лабинского, Армавирского отделов Кубанский области, Моздокского отдела Терской области.

Болезни также нанесли казакам значительный урон. Так, в 1917 году от различных заболеваний умерли казаки во 2-м, 7-м, 14-м Кубанских пластунских батальонах, 2-й Кубанской пластунской бригаде, 1-м Таманском казачьем полку, 1-м Терском пластунском батальоне, 1-м и 4-м донских казачьих батальонах, 1-м Кубанском пластунском батальоне, 16-м Донском казачьем полку¹².

Между местным христианским и особенно армянским населением и казаками сложились дружественные отношения. Например, очень хорошими были отношения между населением Александрополя (Гюмру) и казаками, расквартированными в местной

крепости. Как в начале XIX века местное население встречало казаков с хлебом и солью, так эта дружба и продолжалась до конца Первой мировой войны. Армяне предоставляли казакам свои дома под казармы, полковые церкви и под хозяйственные помещения, дружили семьями.

Взаимопонимание в годы Первой мировой войны сложилось между казаками и армянами-добровольцами национальных боевых дружин. Армянские добровольческие дружины формировались по образу казачьих войск¹³.

Трогательную сцену братских взаимоотношений казаков и армян города Вана, долгое время осажденного турецкими войсками и освобожденного в мае 1915 года частями русской армии, описывает в своей книге «Одиссея казачьего офицера» П.Н. Стрелянов, который пишет: «Благодарственный Богу молебен и парад войскам был назначен на 8 мая. Полки выстроились в пешем строю, здесь же горские артиллеристы и армянские дружины. Вел церковную службу священник 1-го Таманского полка Павел Успенский, начавший службу в полку с 1891 года.

Служба окончена, офицеры стали подходить к кресту. И тут раздалось вызвавшее удивление и восхищение ангельское пение русского гимна «Славься» ученицами армянских школ под управлением своего регента. Все офицеры во главе с Николаевым невольно остановились и повернули головы в их сторону. Это был трогательный сюрприз русским воинам»¹⁴.

После Февральской революции 1917 года русские войска Кавказского фронта, в их числе и казачьи части, продолжали находиться на закавказской территории, отвоеванной у Турции. Наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич и главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал от инфантерии Н.Н. Юденич планировали закрепить за Россией новые территории и создать на них Междуреченское казачье войско. Октябрьская революция 1917

года резко изменила ситуацию в Закавказье. В связи с этим основная масса казаков вернулась на Северный Кавказ, и лишь некоторые приняли участие в вооруженной борьбе против турецких войск, вторгшихся в пределы Армении в мае 1918 года.

После ухода казаков опустели казачьи станицы Карсской области (вновь перешедшей к Турции), разгромлены были станичные церкви, сровнены с землей казачьи могилы. Сегодня о былой мощи казаков на территории Армении напоминает лишь казачья станица Привольное, где нынешнее поколение казаков тщательно сохраняет свои вековые традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Исмаил-заде Л.И.* Русские кресты в Закавказье. М., 1981. С. 45.

² Центральный государственный исторический архив Республики Армении (ЦГИА РА). Ф. 47. Оп. 2. Д. 79. Л. 4.

³ Там же. Д. 279. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 542. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 642. Л. 1.

⁶ *Погосян А.М.* Карсская область в составе России. Ереван, 1983. С. 167.

⁷ ЦГИА РА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 300. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1285. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 3408. Л. 17—19.

¹⁰ *Тунян В.Г.* Русская политика в Армении: мифы и реалии. Конец XVIII — начало XX века. Ереван, 1998. С. 50.

¹¹ ЦГИА РА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 285. Л. 24.

¹² Там же. Ф. 63. Оп. 2. Д. 127. Л. 1—70; Ф. 349. Оп. 1. Д. 16. Л. 20; Д. 13. Л. 26.

¹³ *Озаян А.* Документы и материалы. Ереван, 1991. С. 161—173; *Карапетян М.* Армянские добровольческие дружины и национальные батальоны на Кавказском фронте (1914—1917). Ереван, 1999. С. 190—203; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 551; *Закарян А.* Поэт-генерал Александр Кулебякин и Армения // Историко-филол. журнал. 2001. № 2. С. 99—129.

¹⁴ *Стрелянов П.Н.* Одиссея казачьего офицера. М., 2001. С. 70.

С.М. СТЕПАНЯНЦ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРОННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Revue Roumaine d'Histoire. Bucarest: Române, Editura Academiei. 2003. № 1—4. Т. XLII, 310 p.; 2004. № 1—4. Т. XLIII, 320 p.
Переданы редакцией Institutul de Istorie «N. JORGA»
(г. Бухарест, Румыния)

Наука и война: сборник. М.: Народный пушкинский фонд, 2006. 240 с.
Передана начальником Научно-методического центра отечественной военной стратегии ВАГШ ВС РФ, доктором философских наук, профессором генерал-майором в отставке И.С. Даниленко (Москва)

Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941—1942 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005. 352 с., ил.
Передана доктором исторических наук, профессором А.А. Чернобаевым (Москва)

Бочарников И.В. Политика России на Кавказе: историко-политический анализ. М.: Воентехиздат, 2006. 216 с.
Передана автором — кандидатом политических наук И.В. Бочарниковым (Москва)

Всероссийская книга Памяти: 1941—1945. Обзорный том. 2-е изд., доп. и испр. М.: Воентиздат, 2005. 335 с., ил.
Передана адъюнктами Общевойсковой академии ВС РФ подполковниками Р.С. Осипяном и С.А. Макушкиным (Москва)

Майский Иван Михайлович. Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943: В 2 кн. Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1939 / Сост. Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский, Ю.А. Никифоров. М.: Наука, 2006. 531 с., ил.
Передана старшим научным сотрудником Института всеобщей истории РАН, кандидатом исторических наук, доцентом Ю.А. Никифоровым (Москва)

Бруз В.В. Военно-политическая деятельность Организации Варшавского Договора по обеспечению европейской безопасности. Историкографическое исследование: монография. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. 246 с.
Передана кандидатом исторических наук, доцентом полковником В.В. Брузом (п. Монино Московской обл.)

Каратуев М.И., Фролов М.И. 1939—1945 гг. Взгляд из России и из Германии. СПб.: СПб СРП «Павел» ВОГ, 2006. 366 с., ил.
Передана доктором исторических наук, профессором полковником в отставке М.И. Фроловым (Санкт-Петербург)

Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 623 с.
Передана автором (Москва)

Питалев Г.М. Выполнить к сроку, об исполнении доложить... (записки военного строителя). М.: Демиург-АРТ, 2005. 639 с.
Передана автором (Москва)

Сборник. 50 лет культурно-просветительному и благотворительному обществу «Родина» 1954—2004. Лейквуд-Москва: Общество «Родина» — ЦМ ВС, 2007. 238 с.
Передана председателем Совета старейшин Русско-Американского культурно-просветительного и благотворительного общества «Родина» О.М. Круминсом (Нью-Джерси, США)

ЗАХВАТЫ СУДОВ В XVIII—XIX ВВ.

Ограбление судов как вид противоправных действий было в числе распространенных преступлений, выявление которых, однако, становилось возможным лишь в некоторых случаях. Не все они попадали в сферу внимания отечественного судопроизводства.

Соответственно, и обнаруженный в российских архивах перечень судебных дел не может претендовать на полноту. Ряд инцидентов был расследован за рубежом, в портах, ближайших к месту происшествия, или на родине потерпевшего, где ему было проще подать иск.

Так же как и в России, тяжба могла длиться в течение долгих лет, требовать от участников массы усилий, времени, денежных расходов.

Примером тому может служить суд над полковником Фалеевым, производившийся в Великобритании более девяти лет в связи с предпринятым им захватом двух кораблей¹.

Подобные расследования в условиях хороших дипломатических отношений редко имели серьезные последствия для привлеченного к ответственности.

Иностранному суду мог потребоваться компенсация ущерба, но не был властен лишить офицера чинов, приговорить его к лишению свободы или к отставке, тем более — к казни.

В О ВРЕМЯ войн создавались призовые* комиссии. В них, а не в обычных кригсрехтах (комиссиях военного суда, создававшихся для расследования дел о правонарушениях, совершенных военнослужащими) расследовались дела о захватах. Чаще всего комиссии принимали решение об оправданном характере захвата². Но и решение о необходимости возврата судна и/или груза (или компенсации путем денежной выплаты) вовсе не всегда означало, что подвергшаяся безосновательному нападению сторона получит удовлетворение. Принуждение к исполнению решения призовых комиссий представляло собой отдельную проблему, что иногда было не под силу чиновникам³. Находившиеся на судне груз и другие материальные ценности, как правило, подвергались разграблению до доставки приза в ближайший порт. Практические соображения (отсутствие гарантий того, что приз будет признан законным, возможность присвоить незаконным путем больше, чем будет присуждено комиссией, длительность бюрократических процедур) побуждали моряков к соответствующим действиям непосредственно в момент захвата судна⁴. Причинявшийся при этом ущерб возместить впоследствии через подачу иска было практически невозможно.

В мае 1796 года на Неве произошло ограбление датского купеческого судна. По версии наших моряков, дело началось с того, что они получили приглашение от датчан выпить с ними по чарке вина. А шкипер иностранного транспорта «Эйнихкейт» сообщил в своей жалобе, что его судно было остановлено мелкими судами, отправленными из столичного Адмиралтейства в Кронштадт и Роченсальм. Русские моряки ворвались на датский транспорт, схватили шкипера, отправили его на свое судно «Конкордия» и там избили. А между тем другие матросы, войдя в каюту и вынув из погреба водку, пили, после чего взяли, кому что нравилось, вернулись на «Конкордию» (переправа осуществлялась на принадлежавших «Эйнихкейту» ботах, которые не были затем возвращены, что также стало предметом претензии), а датский шкипер вновь оказался на своем судне. При этом обвинить наших моряков в чрезмерном стремлении к наживе за счет грабежа сложно. Явное превосходство сил позволяло им полностью опустошить «Эйнихкейт»⁵. Вместо этого они ограничились несколькими симпа-

* Приз — неприятельское судно или какое-либо имущество, захваченное в войне на море; морской трофей.

тичными на их взгляд мелочами. Один взял часы, другой — модную курительную трубку, третьему под руку попались не спрятанные деньги (российскими деньгами 85 руб. и 12 ефимков). Прочий ущерб состоял в выпитых водке и вине. Во время следствия русские моряки отрицали факт применения насилия; по их описанию, картина напоминала не столько ограбление, сколько сцену общей попойки русских с датчанами.

То обстоятельство, что местом происшествия стало не открытое море и не отдаленный порт, а река Нева, определило немедленную подачу жалобы иностранцем, быстрое поступление информации в надлежащие инстанции, оперативное принятие решения по делу. То же самое событие, произошедшее оно вдали от Петербурга, скорее всего, кончилось бы или признанием права сильного, или полюбовным соглашением о частичной компенсации ущерба. Кроме того, едва ли подобные сцены представляли собой большую редкость и непременно кончались судебным разбирательством. Тем не менее дошедший до суда случай с 1785 по 1812 год выявлен только один. Приговор был вынесен «в страх другим». Лейтенант Б.Ф. Воинов, командовавший отрядом русских судов, (а также участники событий унтер-офицерских рангов) обязывался компенсировать причиненный ущерб, лишался чинов, дворянского достоинства и был отправлен в Иркутск служить матросом⁶.

В 1799 году направлявшийся из Архангельского порта к родным берегам британский купеческий корабль «Принцесс Роял» с грузом смолы и железа был задержан двумя русскими 74-пушечными кораблями из эскадры вице-адмирала Б.А. Баратынского. Сам флагман находился на одном из этих кораблей. Направив орудия на купеческое судно, русские моряки настояли на том, чтобы их представители приняли на «Принцесс Роял». На борту купеческого судна сам Б.А. Баратынский объяснил, что ему необходима помощь, так как флагманский корабль нуждается в срочном ремонте, на время которого необходимо свести с судна людей, примерно 700 человек. На следующий день после этого разговора для очистки пространства на британское судно явились два русских офицера и начали выбрасывать в море занимавшие, по их мнению, слишком много места груз и провиант. Переезд всего экипажа «Ярослава» на «Принцесс Роял», видимо, так и не состоялся, дело ограничилось помощью в проводке флагманского корабля к ближайшему порту, в ходе чего купеческому судну также был причинен некоторый ущерб. В итоге, Б.А. Баратынский обещал компенсировать все убытки, понесенные владельцем «Принцесс Рояла» и его экипажем. После этого хозяин британского купеческого судна настойчиво и методично пытался через официальные инстанции добиться выполнения данного вице-адмиралом обещания. Регулярно с 1799 года он направлял письма с выражением протеста. Последнее письмо датировано 1825 годом, вероятно, что и эта, последняя жалоба осталась неудовлетворенной⁷. Интересы государства ставились в России выше интересов частной собственности⁸, и действия Б.А. Баратынского были признаны абсолютно оправданными в связи с возникшей в походе необходимостью.

ИНЦИДЕНТ, произошедший также в 1799 году на кронштадтском рейде между командиром русского корабля «Принц Карл» Ф.Р. Чаплиным и владельцем датского купеческого судна «Фрау Мария», следует скорее отнести к неудачному стечению обстоятельств, чем к сознательному нарушению закона. Борт «Фрау Марии» был случайно проломлен якорем, брошенным с русского корабля, вследствие чего судно затонуло⁹. Несмотря на неумышленный характер нанесения ущерба иностранному купцу, Ф.Р. Чаплина приговорили к компенсации ущерба, лишению чинов, дворянского достоинства и ссылке в Сибирь. Окончательное слушание дела состоялось в начале 1801 года, когда выяснилась несостоятельность Ф.Р. Чаплина полностью компенсировать ущерб (почти 7000 руб.) и было принято решение о возмещении убытков датчанина «из жалованной суммы всех флотских офицеров, разочтя с каждого поровну»¹⁰.

В 1806 году в Балтийском море команда во главе с лейтенантом Н.В. Вельяшевым предприняла захват «обывательской лодки» и стала требовать от хозяина выкуп за возвращение имущества. Тот обратился к непосредственному начальнику Н.В. Вельяшева, капитан-лейтенанту Н.Т. Вараксину, который не сумел убедить своего подчиненного в справедливости требований обывателя и сообщил о происшествии в Адмиралтейств-коллегию¹¹. Улик для доказательств начального доноса, видимо, оказалось мало. Исчез из поля зрения и потерпевший. Поэтому основное обвинение было сформулировано не как грабеж, а как «грубость против капитан-лейтенанта Вараксина и за ослушание его приказаний». В ходе следствия Н.В. Вельяшев не признался в том, что совершал какие-либо противоправные действия, и члены комиссии военного суда (равно как и Н.Т. Вараксин) не смогли доказать и это обвинение. Чувствуя, однако, неискренность его слов, члены комиссии военного суда решили компенсировать нехватку улик за счет тщательной проверки всей деятельности подсудимого за последние несколько лет. Благодаря этому удалось относительно легко найти материалы для вынесения обвинительного приговора. В ходе расследования были установлены факты самовольной отлучки Н.В. Вельяшева с вверенного ему галиота в Нарву и непринятия им мер по сохранению «казенной провизии, кою сбросило с судна в море от сильной качки и от нашедшего тогда с ветром шквала». В кригсрехте решили, что достаточным наказанием за данные действия стали объявленный уже к тому времени выговор в общем собрании, а также отстранение от командования галиотом и нахождение под судом. Более жесткий приговор противоречил бы букве закона. Того же мнения придерживались и главный командир Ревельского порта А.Г. Спиридов и генерал-аудиторiat. Императору же этого показалось мало, и по высочайшей конфирмации Н.В. Вельяшев был посажен под трехдневный арест¹².

Наблюдается разрыв между максимально строгим приговором и безнаказанностью за правонарушения одного и того же вида. Для полного понимания отношения правительственных кругов

к подобным явлениям обратимся к законодательству по данному вопросу. Петр I считал необходимым внести в Морской устав статьи, предписывающие военным морякам оказывать покровительство купцам. Нарушение же этих статей, как действие, не причиняющее вреда непосредственно государству, влекло за собой не самое строгое наказание — лишение чина¹³. Петровское законодательство (Морской устав и Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи) предусматривало также ситуацию вооруженного захвата купеческого судна. Все находившееся здесь имущество подлежало описи, затем его, равно как и сам приз, предписывалось доставлять в Кронштадт¹⁴, где капитан над портом должен принять решение о законности произведенного захвата и дальнейшей судьбе судна. Видимо, подразумевалось, что в большинстве случаев вопрос будет решаться в пользу казны¹⁵, но морякам будет предоставляться определенное денежное вознаграждение. Такова же была и практика последующих лет, только расследование обстоятельств захвата порой занимало длительное время (до нескольких лет), так что реальные шансы на получение призовых имели в основном те, кто проявлял определенную настойчивость в работе с комиссиями¹⁶.

БОЛЕЕ подробное законодательство о взятии призовых судов относится к царствованию Екатерины II. Если в начале своего правления она систематизировала более ранние положения, не внося ничего нового¹⁷, то последующее развитие событий заставило ее изменить взгляд на проблему. Обстоятельства, стимулировавшие эволюцию законодательства по данному вопросу, складывались в Атлантическом океане в связи с войной за независимость Североамериканских Штатов и на Черном море в период русско-турецких войн. Первая совокупность обстоятельств толкала русское правительство на ужесточение мер по борьбе с каперством**. Екатерина II была вдохновительницей создания системы вооруженного нейтралитета и коалиции восьми государств, силы которой позволили обеспечить спокойствие нейтральной торговли¹⁸. Политика Екатерины II была продолжена Павлом I и Александром I, которые выступили на международной арене в качестве убежденных противников средневековых обычаев каперской войны на море¹⁹.

С другой стороны, отношение российского правительства к арматорам (предпринимателям, снаряжавшим и содержавшим за свой счет судно с экипажем для выполнения коммерческой или иной цели. — Е.А.) нельзя назвать исключительно враждебным. Известно, что немалую роль в победе над Османской Портой в годы екатерининского царствования сыграли силы греческих патриотов. Втянутые ли в борьбу провокациями русских агентов, или движи-

мые любовью к угнетенной родине (а возможно, и просто из корыстных соображений), греки на собственные средства строили и снаряжали суда, производили захват турецких кораблей, нарушали использовавшиеся Портой торговые коммуникации. После окончания Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. они не вернулись к мирному труду. Грабежи и убийства стали частью быта причерноморских областей. Некоторые из вчерашних каперов были приняты на российскую службу²⁰ и внесли свою лепту в развитие флотских нравов. Несмотря на трудности наведения дисциплины среди греков, сотрудничество с ними представлялось необходимым для последующей борьбы против Турции²¹. Соответственно, были предприняты усилия по стабилизации ситуации и регламентации взаимоотношений с греческими наемниками. 1788 год ознаменован изданием «Правил для партикулярных корсаров», запрещавших нападение на суда нейтральных держав, обязывавших каперов вносить залог при получении патента, приводить захваченные суда в «комиссию для суждения всех призов» и в случае признания законности захвата отдавать десятую часть добычи в казну. Хотя в самом законодательном акте говорится, что принятие его обусловлено необходимостью, возникшей вследствие грабительских вылазок со стороны шведов накануне начала войны с Россией, «Правила» предназначались не столько для Балтийского флота, сколько для Черноморского.

РЫЧАГИ принуждения к выполнению предписаний практически отсутствовали; и вместо широкого спектра наказаний за нарушение арматорами тех или иных норм здесь встречается только одна угроза — невозвращение залога²². Установление контроля и налаживание управления каперами оставалось недостижимой мечтой.

Обращение к частным судовладельцам (и прежде всего к тем же грекам) продолжалось, хотя уже с меньшей интенсивностью, и в годы Наполеоновских войн (1799—1804, 1804—1814, 1815)²³, которые вообще способствовали оживлению каперства на международном уровне²⁴. Однако привлечение каперов к боевым действиям на море вскоре было признано недостаточно регламентированным. Неполными оказались и правила вознаграждения экипажей военных кораблей, осуществлявших захват или уничтожение неприятельских судов. Накануне новых войн с Турцией и Швецией, в 1806 году, в Морском министерстве вспомнили, «что комиссия, на которую возложено было разделить призовую сумму за последнюю со Швецией и Османскою Портою войну, принуждена была испрашивать высочайшего дозволения, во многих случаях руководствоваться иностранными уставами». Во избежание новых проблем того же свойства были приняты новые правила о «призах, военными судами сделанных»²⁵. Само название законодательного акта свидетельствует об отказе от привлечения частных судовладельцев. Выполнявшиеся еще недавно ими функции теперь передавались в монополию военных моряков. Решение задач по разорению неприятельской торговли еще не

** Каперство — действия на море вооруженных частных торговых судов, получивших специальное разрешение от государства на осмотр, захват и уничтожение неприятельских торговых судов, а также судов нейтральных стран, перевозящих грузы для неприятеля. Запрещено Декларацией о морской войне (1856).

возлагалось на специальные крейсерские суда (это станет следующим шагом на пути развития политики в данном направлении). Материальное вознаграждение военных рассматривалось в документе как надежный залог заинтересованности государственных служащих в ограблении торговых судов — неприятельских или имеющих связь с противником.

Необходимо отметить, что на рубеже XVIII—XIX веков наблюдалась двойственность отношения правительственных кругов к проблеме грабежей на море. По сути, мы имеем дело с неприятелем «варварских» обычаев, с одной стороны, и признанием неизбежности подобных инцидентов в экстремальных условиях — с другой. Действия же призовых комиссий во время войны на море выводили захваты судов из разряда правонарушений. Война создавала такую обстановку, в которой правительство поневоле становилось более терпимым к произволу моряков. Несмотря на то, что и петровский Морской устав, и «Правила для партикулярных корсаров», и закон о призах 1806 года детально описывали, как должен проходить законный захват судна, выполнение всех этих предписаний оставалось утопией²⁶, что, видимо, осознавалось в центральных учреждениях управления морским ведомством. Даже по прошествии нескольких десятков лет после описанных событий, в 80—90-е годы XIX века, отношение к вооруженному захвату нейтральных судов в военное время будет на удивление лояльным. Вопрос о том, должен ли и, если да, то каким образом закон охранять частных собственников от своеволия военных моряков, так и останется дискуссионным²⁷. Экстремальные обстоятельства, сложившиеся в условиях мирного времени, как показывает дело о причинении ущерба «Принцесс Роял», позволяли судебным органам рассматривать события по «стандартам» военного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 245. Оп. 1. Д. 33. Л. 179.

² Каченовский Д.И. О каперах и призовом судопроизводстве в отношении к нейтральной торговле. М., 1855. С. 60—61.

³ РГА ВМФ. Ф. 150. Д. 29. Л. 1—64 об; Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 1. Оп. II-6. 1806 г. Д. 19. Л. 1—15; Оп. II-6. 1808 г. Д. 30. Л. 27, 28.

⁴ Орлов А.А. Император Александр I: «Я ненавижу англичан не менее вас...» // Воен.-истор. журнал. 2000. № 5. С. 68—72.

⁵ С решением задачи сбыта приобретенных незаконным путем товаров сталкивались воры и грабители XVIII — начала XIX в. С большой степенью вероятности можно утверждать, что среди купцов нашлось бы немало желающих перекупить по невысокой цене груз, снятый с иностранного судна. Что касается взаимоотношений между морскими офицерами и торговцами, то их деловые связи были довольно прочными. К налаживанию таковых представителей командного состава обязывала необходимость вести судовое хозяйство, решать вопросы снабжения, обеспечения, текущего ремонта и т.д.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 58. Л. 297—303.

⁷ АВПРИ. Ф. 1. Оп. II-6. 1799 г. Д. 3. Л. 9—11 об.

⁸ Люблинский П.И. Суд и права личности // Судебная реформа. М., 1915. Т. 2. С. 6, 7.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 70. Л. 443.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 1. Оп. II-6. 1801 г. Д. 22. Л. 19.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 132. Д. 1533. Л. 29.

¹² Там же. Ф. 166. Д. 4668.

¹³ Устав морской. Кн. III. Гл. 1. Ст. 35—37. См.: Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Т. VI. № 3485. С. 26, 27.

¹⁴ Здесь законодатель не избегает противоречий. В Кн. V. Гл. XI. Ст. 74. Морского устава офицерам запрещается отбирать у рядовых «полученную правом добычу», в то время как другие статьи запрещают ограбление захваченных судов (см. напр.: кн. III. Гл. I. Ст. 32).

¹⁵ Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая регламента морского. 5 апреля 1722 г. См.: ПСЗРИ. Т. VI. С. 611, 612, 636.

¹⁶ Именной данный Адмиралтейств-коллегии [указ] об упразднении комиссии, учрежденной для распределения призов за бывшую шведскую войну. 28 июня 1805 г. См.: ПСЗРИ. Т. XVIII. № 21810.

¹⁷ Регламент о управлении адмиралтейств и флотов с приложением должностей интендантского и экипажеского департаментов и счетной экспедиции. 24 августа 1765 г. Гл. XIII. О призах и о произведении о них и о прочем суду и о продаже. См.: ПСЗРИ. Т. XVII. № 12459.

¹⁸ Каченовский Д.И. Указ. соч. С. 62—86.

¹⁹ Там же.

²⁰ Материалы фонда Комиссии по делам Архипелагской флотилии (РГА ВМФ. Ф. 150) позволяют изучить обстоятельства нападений, которые не предотвращались ни флагом нейтральной державы (или даже российским флагом), ни предъявлением документов о принадлежности судна подданым дружественного России государства. В жалобах чаще всего упоминалось имя Ламбро Качиони (также его сподвижников — С. Ликиардопуло, Н.И. Стамати и др.). К нему предъявлялись основные претензии как к организатору нападений и предводителю вольной эскадры, члены которой предпринимали захваты нейтральных судов. Это не препятствовало ни подаче со стороны греков встречных исков о неполучении жалования, ни формированию образа Л. Качиони как легендарного отважного героя — грозы турок, ни продолжению его деятельности. Дела, заводившиеся по этим искам, имели ряд отличий от военно-судебных дел, рассматриваемых в основном тексте. Все они расследовались или местными уездными судами, или специальной Комиссией по делам Архипелагской флотилии; ни один из обвинявшихся в противозаконных действиях не находился во время следствия под арестом и не рисковал оказаться в таком положении после окончания суда; да, собственно, и основной «подследственный» в большинстве дел был один и тот же. Комиссия по делам Архипелагской флотилии по мере возможностей стремилась оправдать действия каперов, так как если истец проявлял настойчивость и доказывал противозаконность отнятия его собственности, ему выдавалась компенсация из казенных средств. Затем членам комиссии предстояли сложные объяснения с Л. Качиони по поводу удержания тех или иных сумм, которые он рассчитывал получить.

²¹ Pappas N.C. Greeks in the Russian Military Service in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Thessaloniki, 1991. P. 62—76.

²² ПСЗРИ. Т. XXII. № 16599.

²³ Pappas N.C. Op. cit. P. 107—110.

²⁴ Каченовский Д.И. Указ. соч. С. 71—86. Jenkins H.J.K. Crime, Punishment and International Relations: Norman Cross Depot: Huntingdonshire, 1797—1814 // Crime and Punishment in the British Isles in the Eighteenth Century. Moscow-Paris, 2001. P. 131—135.

²⁵ ПСЗРИ. Т. XXIX. № 22206.

²⁶ Каченовский Д.И. Указ. соч. С. 71—86. Jenkins H.J.K. Op. cit. P. 131, 132.

²⁷ Перельс Ф. Современное морское международное право. СПб., 1884. С. 220—222; он же. Права и обязанности военных судов в иностранных национальных водах СПб., 1887. С. 45—49; Даневский В.П. Современное состояние призового судопроизводства по отношению к нейтральным и необходимые в нем реформы. СПб., 1879; он же. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. II. Харьков, 1892. С. 126—129.

Е.М. ЛУПАНОВА

«СТАЛИН... СКАЗАЛ УВЕРЕННО, ЧТО ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ»

ТОЛЬКО что я был уверен, что дальше немца не пустим, и на тебе — опять что-то вроде окружения. Противнику удалось перерезать главные пути, по которым снабжались наши армии, хотя уничтожить эти армии он не имел сил. Выходили на этот раз из окружения без особых осложнений и опаски по дорогам, где немец еще не хозяйничал. Шли днем и ночью. Было уже холодновато, поэтому на привалах жгли костры.

В первый день прошли в направлении города Ржева около сорока пяти километров, во второй с утра — еще двадцать, после чего остановились на большой привал. Под вечер полку поставили задачу: утром быть на окраине Ржева, а до него оставалось еще около шестидесяти километров, и атаковать в нем немцев, если они там окажутся. Причем никто не знал, есть они во Ржеве, или их там нет. После постановки конкретных задач отдельным подразделениям (например, какой взвод и по какой улице должен действовать) выступили в ночной поход.

На рассвете, когда до конечной цели оставалось два-три километра, задачу уточнили. А мы уже еле передвигали ноги. Как вести бой в городе, которого еще и не знаем? Но немцев в городе не оказалось.

В Ржеве мы отдыхали весь день, а к вечеру двинулись дальше на восток. Вместе с нами отступали многие воинские части вперемешку с гражданским населением, так что шоссе было забито до отказа. Только мы отошли от города, услышали в небе гул. Это немецкие самолеты прилетели нас уничтожить. Бомбили они наши колонны, которые не успевали рассеиваться, группами: одна отбомбится — налетает другая. И так беспрерывно, до темноты. При этом двигавшиеся по шоссе наши воинские части понесли большие потери. Много погибло и гражданского населения. Меньше досталось нам, пехотинцам, двигавшимся в стороне от шоссе и успевавшим во время очередного налета укрываться в лесу. Страху при этом мы натерпелись немало, поскольку немцы при бомбежке включали сирены, что сильно действовало на психику.

Когда стемнело и бомбежка прекратилась, мы тоже вышли на шоссе, правда,

свернув с него перед городом Старица, где находились немцы. Этот населенный пункт обошли, сделав круг километров в пять. После этого целиком вся дивизия, насколько помню, выполняла роль боевого охранения армии. Дивизия двигалась по правому берегу Волги, а вся армия — по левому.

В ходе этого спокойного, можно сказать, поскольку враг нас не тревожил, перехода мы потеряли взводного — его сразила шальная пуля. Нам назначили другого командира.

Километрах в четырех от г. Калинина наша рота утром атаковала деревню, в которой были немцы. Эта атака для них оказалась совершенно неожиданной, поскольку была произведена без артподготовки. Так что заняли мы деревню очень быстро и без потерь. Подвела, как ни странно, кухня, немецкая кухня. Ведь кухни — не воюют, по крайней мере так рассудили мы. Мы были голодные, и, отбив ее у врага, сразу же набросились на горячую мясную пищу. Противник же воспользовался нашей временной передышкой и организовал контратаку. Как мы до этого немцев, так теперь они нас выбили из деревни.

Отступая, наткнулись на очередной населенный пункт, занятый немцами. Он преграждал нам путь к Волге, куда мы стремились, чтобы соединиться с полком.

Командир роты выслал вперед дозор, который противник заметил, открыв по нему сильный огонь из автоматов и винтовок. И все же мы пошли в атаку, да так стремительно, что фашисты не устояли. Мы их, бегущих в панике, много постреляли. Не останавливаясь в отбитой у врага деревни, по берегу Волги вышли в расположение своего полка.

На следующий день мы должны были на рассвете атаковать село Даниловское, находившееся на шоссе Калинин—Старица. Ночью наш батальон тихо занял огневой рубеж в пятистах метрах от села, в низинке. Даже выкопали наспех укрытия для стрельбы лежа, но ближе к рассвету поступил приказ отойти: предполагаемую атаку по каким-то соображениям отменили. Позже выяснилось, что у Даниловского нужно было обозначить хоть какое-то присутствие наших войск, а также их видимую активность, отвлекающую внимание противника

от строившейся для нашей дивизии переправы через Волгу. Ну а если бы о переправе врагу стало известно и он предпринял бы попытку силами, находившимися в селе Даниловское, воспрепятствовать ее возведению, то наш батальон должен был помешать этим силам выдвинуться к реке.

Наши саперы справились с задачей, и вскоре по наведенной ими переправе двинулись части нашей дивизии. Кроме — нашего полка. Нам приказали обеспечить безопасность остальных частей. Вслед за другими перебрались на противоположный берег и мы, избежав ненавистного окружения. Нас при этом накормили и дали нам возможность отдохнуть, написать письма домой.

В тот же день в батальоне объявился писарь из штаба полка отмечать, кто жив, кто погиб, кто ранен, чтобы сообщить родным. В наш взвод он пришел, уже побывав в других. Спросил командира, кто давно уже в полку, а узнав, что таковым являюсь я, стал меня спрашивать об одном, другом, третьем сослуживце. А я все жду, когда он назовет мою фамилию. Но он этого не делал, хотя уже собрался уходить. Тогда я говорю: «А что же ты не называешь мою фамилию?» Он спросил: «А как твоя фамилия?» А услышав ее и заглянув в свой талмуд, говорит: «Тут помечено, что Шмелев Виктор Федорович убит». Я рассмеялся и говорю: «А как же мне теперь быть?» Он улыбнулся и слово «убит» зачеркнул.

Между тем заканчивался октябрь 1941-го. Мы находились на отдыхе и на пополнении, приводили себя в порядок, что было крайне необходимо. Даже понаслаждались «баней». Пусть это была натянута в лесу большая палатка с чугунной круглой печкой, но и она оказалась для нас восьмым чудом света. Ведь наши тела давно требовали горячей воды, пара и мыла. Ведь взять хотя бы меня. Я как ушел на фронт 23 июня 1941 года, так и не мылся ни разу как следует. Даже белье, трудно поверить, не менял — все время в боях. Нас не только помыли, но и пожгли завшивевшее белье, а верхнюю одежду — гимнастерка и брюки — прожарили на костре. Через день — снова баня, и снова гимнастерки с брюками, а теперь еще и белье, надетое только вчера, прожаривались на костре. Такая мера сразу навела порядок в соответствии с нормами санитарии. Относительно, конечно. Но бойцы почувствовали себя бодрее.

Получив подкрепление, батальон 7 ноября участвовал в наступлении, причем вновь прибывшие не имели оружия. Но комбат приказал и им идти в атаку, заявив: «Там, в бою, много будет винтовок».

Нас всех это страшно возмутило, и двинулись мы вперед в угнетенном состоянии. Воз-

можно, поэтому и атака не удалась. Позднее узнали, что нашего командира отправили в штрафной батальон за то, что он заставил идти на вооруженного врага безоружных.

После этой неудачи нас отвели от Калинина километров на двадцать—тридцать, и мы заняли оборону у какой-то деревни, где построили блиндажи. Получили газеты с докладом товарища Сталина по случаю ноябрьских праздников. Приятно поразило, что он говорил то, что есть на самом деле: у нас мало артиллерии, мало танков, мало самолетов... До его выступления не решались даже заикаться об этом.

Сталин в докладе поставил очередные задачи войскам и тылу и сказал уверенно, что победа будет за нами. И мы поняли, что действительно победа будет за нами: ведь с нами — Сталин! На фронте почти все боевые подвиги свершались с его именем, в атаку шли с кличем «За Родину! За Сталина!». Мы ему верили, и это зачастую играло чуть ли не решающую роль.

На новом участке обороны, где мы простояли до 17 ноября, наш взвод нес боевое охранение батальона и располагался в двух блиндажах. На ночь выставляли наряды на опушке невысокого лесочка в трех местах по три человека. Наряды находились в ста—двухстах метрах от блиндажей. 15 ноября, как всегда к утру, я пошел с красноармейцем снимать наряды. Сняв два наряда и отправив их во взвод, мы пошли к третьему. Еще не доходя до стогов сена, где он располагался, забеспокоились — наряда не видно. Не обнаружили его и на месте. Не медля, вернулись в расположение взвода и доложили командиру о происшествии. Попутно я высказал предположение, что бойцов, пользуясь возможностью скрытно подобраться по близлежащему кустарнику, захватили немцы.

На следующую ночь было выбрано другое место для наряда. Тогда же, в ту самую ночь, когда мы вместе со взводным проверяли несение службы нарядями, столкнулись с группой немцев, пытавшихся пройти в наш тыл. В короткой перестрелке мы оба были ранены: командир — в живот, отчего вскоре скончался, я — в обе ноги. На рассвете меня подобрали красноармейцы нашей роты. Сперва, положив на плащ-палатку, доставили к штабу батальона, а оттуда на санях — в санроту. Там мне сделали легкую перевязку и в кузове грузовика повезли в санбат. Машина то и дело подпрыгивала на кочках. Снег еще только выпал, и дорога не укаталась. Мне было очень больно, я сильно стонал и, когда машина останавливалась, просил ехать тише, а врач все усовещивал

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

меня: дескать, что ты за мужчина. Машина ехала тише, но тряски избежать было невозможно. Так в невероятных муках доставили меня до медсанбата. Нашему врачу сделали выговор за то, что не сделал операцию в санроте. Выговор был сделан прямо при мне, но от этого мне было не легче.

В медсанбате мне сделали операцию, вынули пулю, которая, перебив кость, застряла между ее концами, что вызывало страшные боли. Когда пулю удалили, перевязали ногу, наложили шину, боли остались позади. Обработали рану и на левой ноге. Операция была сделана быстро. Возможно, мне так показалось из-за того, что сестры, землячки из Бауманского района столицы, отвлекали меня разговорами.

Из медсанбата я был эвакуирован для дальнейшего лечения в г. Иваново. Выписался из госпиталя с явным дефектом: правая нога стала короче на пять сантиметров. Дело в том, что когда мне ногу загнули, на ней в тех местах, где гипс отсутствовал, на следующее утро появилась большая опухоль. Когда гипс срочно сняли, то оказалось, что произошла закупорка венозных сосудов. Очевидно, сказала некавалифицированная работа врача санроты.

В госпитале я лечился четыре месяца — до 18 марта 1942 года. Перед выпиской раненые проходили комиссию, которая определяла годность к службе: строевой или нестроевой. Меня, несмотря на явную инвалидность, определили годным к строевой службе, чему я в общем-то был рад: если бы написали «годен к нестроевой», то наверняка направили бы в обоз, а этого бывшим фронтовикам очень уж не хотелось. Каждый из окопников знал, что из обозов часто направляют на передовую, когда остается мало стрелков, и когда обозник приходит на передовую, он сразу попадает в пекло, не освоив ритма боя; тут его, как по примете, так и по частым случаям, обязательно или убьет, или ранит. Кому-то подобные мысли могут показаться странными, но так рассуждали, уж поверьте, не только я, но и большинство фронтовиков.

Сперва я попал в батальон выздоравливающих, а затем получил назначение в 145-й запасной стрелковый полк для гвардейских частей, находившийся в г. Калинин. Мы приехали на вокзал г. Иваново вечером, где увидели плохо одетых молодых людей. Несказанно удивились этому: неужели сейчас, когда идет кровопролитная война, так много бездельников? Но нет, эти парни и мужчины не по своей воле оказались вот такими изгоями. О том можно было судить по откровениям одного из них. Он рассказал следующее:

— Мы, так же, как и вы, были на фронте и попали в окружение. Долго выбирались из него, кто как может. Вот я, например, отчаялся и остался в попавшейся на пути деревне и жил у одной крестьянки. В деревню приезжали немцы, заходили в дома, забирали кур, масло, яйца и уезжали. Я в таких случаях старался им не показываться, но если попадался на глаза, то говорил, что я хозяин дома, а это, указывая на приютившую меня крестьянку, мол, моя жена. Они удовлетворялись таким ответом и меня не тревожили. Когда деревню заняли наши войска, то меня, предварительно допросив, направили в заключение, в лагеря. Таких, как я, было много. Лагеря размещались в лесу, где были построены бараки. Мы ежедневно выходили на работу на лесозаготовки. Ходили кто в чем, в любую погоду, а морозы были сильные. Мы все в оборванной одежде, обувь у нас худая. Многие поотморозили руки, ноги. К тому же нас плохо кормили. Из-за плохого питания мы однажды взбунтовались. Приехало большое начальство. Начальника лагеря отдали по суд, многих из персонала поснимали со своих постов. Питание после этого заметно улучшилось, вместе с тем нас неоднократно допрашивали об участии в боевых действиях, об обстоятельствах окружения и тому подобном. Убедившись, что мы не предатели и не шпионы, снова направили на фронт.

К нему, к другим было сострадание, и все же нет-нет, а мне вспоминалось, как я, не бросая оружия и израненного товарища, не поддавшись соблазну отсидеться в тылу, а настойчиво в течение многих недель пробирался из окружения к своим.

В Калинин наш запасной полк располагался в помещении бывшего учебного комбината, где мне все было знакомо. Ведь здесь до войны я учился на курсах по повышению квалификации инженерно-технических работников текстильных предприятий, после того как окончил техникум, был направлен в Калинин, на ткацкую фабрику имени К.Е. Ворошилова.

В запасном полку мы находились примерно месяц. Затем нам выдали красноармейские книжки, а в конце апреля — ботинки с обмотками (до этого мы ходили в валенках) и объявили, кто и в какую дивизию направляется.

Я в составе одной из групп попал в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию имени генерал-майора И.В. Панфилова. Когда узнал об этом, меня охватила легкая боязнь, что не сумею поддержать традиции этого прославленного соединения. Так что шел я в дивизию с чувством большой скованности.

В.Ф. ШМЕЛЕВ

(Окончание следует)

Сведения об авторах номера

АЩЕУЛОВ Олег Евгеньевич — аспирант Института российской истории РАН (Москва)

БОГДАНОВИЧ Михаил Леонидович — начальник отдела Государственного научно-исследовательского навигационно-гидрографического института, капитан 1 ранга, кандидат технических наук, доцент (Санкт-Петербург)

БОЕВ Юрий Геннадьевич — начальник Ветеринарно-санитарной службы ВС РФ — главный ветеринарно-санитарный инспектор ВС РФ, полковник медицинской службы, кандидат ветеринарных наук (Москва)

ВЕТРОВ Виталий Петрович — генерал-майор ветеринарной службы запаса, кандидат биологических наук (Москва)

ГОРИН Юрий Петрович — заместитель начальника факультета Балтийского военно-морского института им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, капитан 1 ранга (г. Калининград)

ГРАДОСЕЛЬСКИЙ Василий Васильевич — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

ДАНИЛИНА Евгения Сергеевна — литературный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ЕЛИЗАРОВ Михаил Александрович — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского военно-морского института, капитан 1 ранга запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЗАВРАЖИН Анатолий Владимирович — ректор Московского института банковского дела, кандидат философских наук, доцент (Москва)

КОВАЛЕВ Сергей Николаевич — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

КОЛПИКОВА Елена Федоровна — журналист, кандидат химических наук (Москва)

КОНОВАЛОВ Сергей Сергеевич — ассистент кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета (г. Курган)

КУДРЯВЦЕВА Мария Герасимовна — главный специалист Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург)

ЛАВРЕНТЬЕВ Анатолий Васильевич — главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского навигационно-гидрографического института, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ЛУПАНОВА Евгения Михайловна — доцент кафедры межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЛЫСЕНКО Кирилл Юрьевич — старший научный сотрудник Государственного научно-исследовательского навигационно-гидрографического института, капитан 3 ранга (Санкт-Петербург)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПЕЧАЛОВА Лариса Викторовна — методист, преподаватель истории России Ставропольского строительного техникума (г. Ставрополь)

ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович — заместитель начальника Центрального военно-технического института МО РФ, генерал-майор, доктор военных наук, профессор (Москва)

ПИТАЛЕВ Герман Михайлович — полковник в отставке, заслуженный строитель РСФСР, кандидат технических наук (Москва)

САБУРОВ Леонид Давыдович — заместитель начальника отдела технических средств Главного управления воспитательной работы ВС РФ, полковник, кандидат исторических наук (Петровское Московской обл.)

СПИХИНА Ольга Руслановна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

СТЕПАНЯНЦ Степан Мигранович — доцент Старооскольского филиала Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Старый Оскол Белгородской обл.)

ХАФИЗОВА Марина Гидовна — ассистент кафедры отечественной истории Кабардино-Балкарского государственного университета (г. Нальчик)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХОЖЛОВ Владимир Сергеевич — вице-президент и статс-секретарь Национального благотворительного фонда «Вечная слава героям», полковник запаса (Москва)

ЧАБАНОВА Анна Николаевна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ЮРКЕВИЧ Евгений Иванович — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

На с. 1 обл. ил. из кн.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекции / В.М. Крылов (руководитель авт. коллектива), С.И. Ефимов, Л.К. Маковская, С.В. Успенская. СПб.: ИПД СПГУТД, 2004.

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); кандидат технических наук, старший научный сотрудник генерал-лейтенант В.П. Володин (Военно-научный комитет Генерального штаба ВС РФ); заслуженный работник культуры РФ И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макара (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат педагогических наук адмирал флота В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов (Генеральный штаб ВС РФ); доктор военных наук, профессор генерал-полковник Н.Е. Соловцов (Командование РВСН); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объемом не более одного авторского листа, набранного в Word 95,97,2000 через два интервала с построчными сносками и концевыми ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За качество полиграфического исполнения журнала и его своевременное распространение несет ответственность Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать, публиковать присланные материалы помимо печатной версии в интернет-приложении «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» (www.mil.ru). Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, ученая степень, ученое звание, номера телефонов, указаны полностью его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверение личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-54-10.

Компьютерная верстка — Р.И. ПАРФЕНОВ, Р.А. АЛИЕВ

Электронные версии «Военно-исторического журнала» и интернет-приложений «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-87-19.

Сдано в набор 18.04.2007
Подписано к печати 16.05.2007
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж экз. Зак. 1009

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО «Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2007.

НАГРАДА ЗА ХРАБРОСТЬ, СТОЙКОСТЬ И МУЖЕСТВО

Ордена советской эпохи:
орден Отечественной войны

Капитан И.И. Криклий с семьей

▲ Утвержденный к производству образец ордена Отечественной войны II степени 2-го типа

▲ Кавалер орденов Отечественной войны I и II степени полковник (впоследствии генерал армии) А.И. Грибков

Орден I степени № 1586 (1-й тип, 1-й вариант)

Орден I степени № 16935 (1-й тип, 3-й вариант)

▲ Орденская книжка кавалера ордена Отечественной войны I степени № 1586

Орден II степени старшего лейтенанта П.А. Ражкина (1-й тип, 1-й вариант)

▲ Орден I степени № 181797 (2-й тип, 1-й вариант)

▲ Орден I степени № 1460240 (2-й тип, 2-й вариант)

Орден II степени № 287096 (2-й тип, 1-й вариант)

Орден II степени № 1087698 (2-й тип, 2-й вариант)

▲ Удостоверение к награде Е.А. Жигуленко 11 марта 1985 г.

ОРДЕН Отечественной войны был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года. Автором эскиза был художник А.И. Кузнецов. Это первая награда, появившаяся в годы Великой Отечественной войны и первая награда СССР, имевшая разделение на степени. Орденом награждались военнослужащие и партизаны, проявившие в боях храбрость, стойкость и мужество, а также военнослужащие, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск.

35 лет орден Отечественной войны оставался единственной советской наградой, передававшейся семье после смерти награжденного. Все другие ордена необходимо было возвращать государству. Лишь в 1977 году все ордена и медали решено было оставлять семье. Первыми кавалерами ордена стали советские артиллеристы: капитан И.И. Криклий, младший политрук И.К. Стаценко и старший сержант А.В. Смирнов. Некоторые солдаты и офицеры стали кавалерами трех и даже четырех орденов. Максимальное количество награждений одного человека в годы войны (учитывая обе степени) — шесть раз: кавалером пяти орденов Отечественной войны I степени и одного ордена II степени стал летчик-испытатель полковник Ф.И. Евграфович.

Сначала орден подвешивали к планке с красной лентой. Его носили на левой стороне груди, как и остальные награды. Орденов на подвеске успели выдать лишь 24 тыс. I степени и 30 тыс. II степени, после чего указом от 19 июня 1943 года был установлен порядок ношения орденов, имевших форму звезды, не на колодке, а на штифтах, на правой стороне груди.

Орден был очень популярен среди младших офицеров. Комплект из орденов Красной Звезды и Отечественной войны I и II степени назывался «офицерским набором», иметь который было почетно. Его наличие делало офицера или сержанта своего рода полным кавалером доступных ему наград.

Через десятки лет после окончания войны возобновилось изготовление ордена. В период хрущевской оттепели им награждали иностранцев, оказывавших помощь нашим солдатам при победе из плена. В 60-е годы XX века наступил новый этап в истории ордена: его стали вручать городам. В канун 40-летия Победы орден вручили всем фронтовикам. Он имел тот же рисунок, но иное исполнение: знак I степени выполнялся из серебра цельным, вместо золотых деталей на нем и на знаке II степени использовалась позолота.

Публикацию подготовила А.Н. ЧАБАНОВА

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

▲ «Щит и меч Победы»

▲ Фрагмент экспозиции «Путь к Победе»

Вооружение советских воинов в начале войны

▲ Фрагмент военно-исторической композиции

▲ Зал Полководцев

▲ Художественная галерея

▲ Боевая машина БМ-13 («Катюша»)

Истребитель Мессершмитт Me-109Ф (Германия)

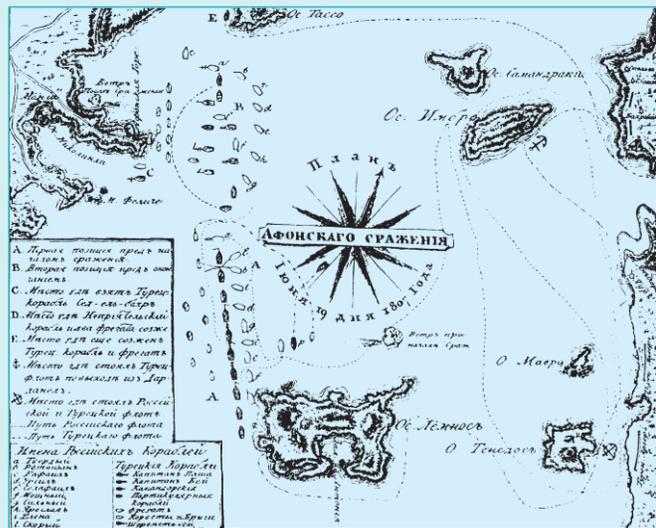
▲ Паровоз серии Эу

▲ Зенитная автомобильная прожекторная станция

БОЙ НА ДИСТАНЦИИ

Д.Н. Сенявин
Художник
М. ПЕТРОВ-МАСЛЯКОВ

План
Афонского
сражения
19 июня
1807 года

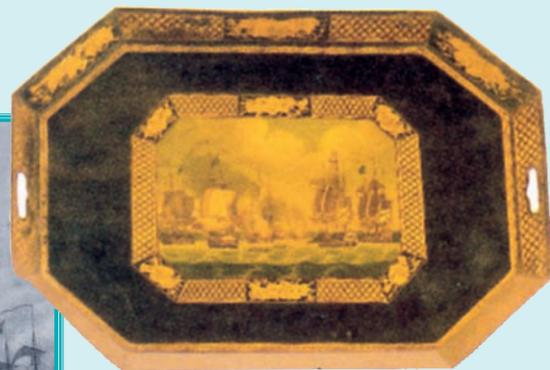
Афонское сражение 19 июня 1807 г.
Художник Т. ТРЕЙСЕР,
с оригинала А. БОГОЛЮБОВА

Печати 84-пушечных
линейных кораблей
«Селафаил»
и «Уриил»

▲ Модель 8-фунтовой карронады 1805 г.
Для боя на короткой дистанции корабли
русского флота в первой половине
XIX века вооружались карронадами –
артиллерийскими орудиями особой
конструкции

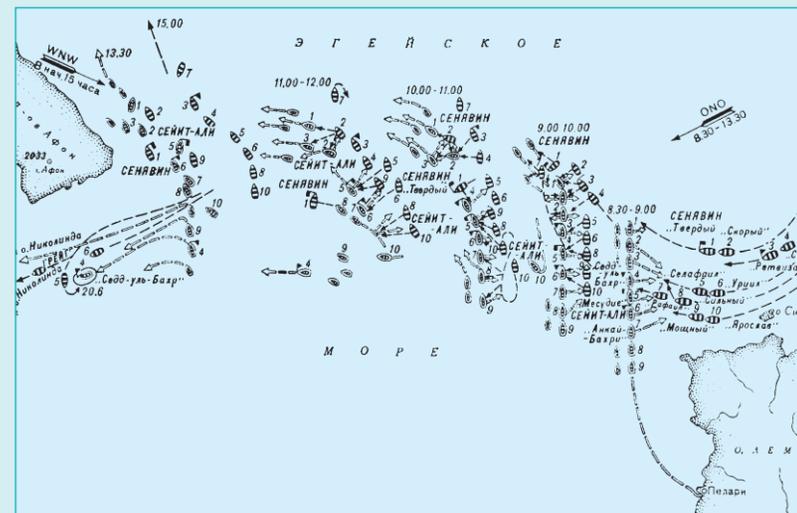
▲ Живопись на подносе.
Афонское сражение 19 июня 1807 г.
Неизвестный художник XIX в.

▲ Уничтожение турецких судов
21 июня 1807 г.
Художник К. БЕРГОВ,
по рисунку С. ШИФЛАРА

КАРТЕЧНОГО ВЫСТРЕЛА

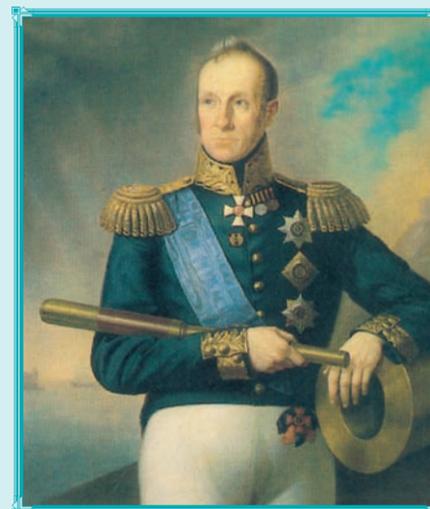
К 200-летию Афонского сражения (1807)

▲ Афонское сражение 19 июня 1807 г.

Флагманский
линейный корабль
«Твердый»

▲ Портрет адмирала А.С. Грейга,
участника Афонского сражения
Неизвестный художник XIX в.

▼ Эпизод Афонского сражения
Художник А.П. БОГОЛЮБОВ

На картине изображен момент буксировки «Селафаилом» плененного «Сед-эль-Бахри»

▲ Портрет Д.Н. Сенявина на фоне фрагмента
картины А.П. Боголюбова
«Эпизод Афонского сражения. 19 июня 1807»
Почтовая марка, СССР, 1987 г.

ЧТОБЫ предотвратить дальнейшее расширение французской агрессии на Средиземном море, где ее объектом могли стать Ионические острова и Балканы, Александр I направил из Кронштадта к острову Корфу эскадру под командованием адмирала Д.Н. Сенявина. Оставив там часть флота для обороны Ионических островов и действий на морских коммуникациях противника в Адриатическом море, адмирал Сенявин с эскадрой, состоящей из 10 линейных кораблей и одного фрегата, 10 февраля 1807 года направился к Дарданеллам. Он поставил перед флотом задачу установить блокаду Дарданелл дабы лишить Константинополь, как союзника Франции, возможности подвозить продовольствие со стороны Средиземного моря и принудить турецкий флот к сражению, в котором разгромить его.

Для решения поставленной задачи русскому флоту потребовалась новая база в Эгейском море. Таковой был выбран о. Тенедос, расположенный в 12 милях от входа в Дарданеллы. Заняв его, русский флот 5 марта 1807 года приступил к блокаде Дарданельского пролива.

Тогда же турецкое правительство потребовало от своего флота более решительных действий. Противник вынужден был выйти в море и принять бой с русским флотом. Первые же попытки снять блокаду пролива привели к двум сражениям с русским флотом: 10 мая 1807 года у входа в пролив и 19 июня у полуострова Афон в Эгейском море. Замысел Сенявина удался.

Выманив турецкую эскадру (10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 корвета и 2 вспомогательных судна, 1196 орудий) под командованием капудан-паши Сейит Али из Дарданельского пролива, Сенявин отрезал ей путь к отступлению. Затем русские сосредоточили огонь на 3 флагманских кораблях турок. Пять русских кораблей преградили путь трем флагманским кораблям турок, охватив их полукругом. Адмирал приказал командирам кораблей вести бой на дистанции картечного выстрела, чтобы наиболее эффективно использовать артиллерию, и для первого залпа, имевшего особо важное значение в бою, зарядить орудия двумя ядрами. Приказ требовал, чтобы корабли вели огонь по рангоуту и парусам, если противник будет на ходу, а во время стоянки его на якорю — по корпусу. Сенявин предоставил командирам кораблей право проявлять в сражении разумную инициативу, направленную на лучшее решение поставленных задач.

Попытки остальных турецких судов прийти на помощь своим флагманам были пресечены атакой других групп русских кораблей. В Афонском сражении турецкий флот потерял 3 линейных корабля и 4 фрегата. Хотя полностью уничтожен он не был, существовать как серьезная боевая сила уже не мог. Русская эскадра не потеряла ни одного судна. Победа русского флота в Афонском сражении заставила Турцию ускорить подписание перемирия с Россией.

Капитан 1 ранга Ю.П. ГОРИН